

НЕВИДИМЫЙ

ИЛИ ЧТО ФОТОГРАФИРОВАТЬ

АНГЕЛ

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

АЛЕКСЕЙ САМСОНОВ

НЕВИДИМЫЙ
ИЛИ ЧТО ФОТОГРАФИРОВАТЬ

АНГЕЛ

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

АЛЕКСЕЙ САМСОНОВ

Одесса
ЧП «Издательский дом «Патриот»
2020 год

Олег Мальцев, Максим Лепский, Алексей Самсонов
Невидимый ангел или что фотографировать – Одесса: ЧП «Издательский дом
«Патриот», 2020, – 274 с.

ISBN 978-617-95051-4-0

Издательский идентификатор: 95051

Это книга о фотографии, но не просто о фотографии, а о теории и методологии научной фотографии. Как фотоаппарат и фотография, являясь инструментами научного исследования, дают нам возможность получить достоверные данные и решить множество задач, с которыми сегодня ученые испытывают затруднения.

Причиной написания этой книги стала очевидная необходимость учебника по визуальному подходу и использованию фотоаппарата для научных исследований, что побудило авторов на создание данной научно-методологической и методической книги, написанной научно-популярным языком, с целью доступности широкому кругу заинтересованных читателей и молодых исследователей.

В этом учебнике впервые представлена методология экспедиционного исследования, на примере научной экспедиции на Юг Хорватии, состоявшейся в 2020 году, под руководством Капитана специального подразделения НИИ Института Памяти «Экспедиционный корпус», академика УАН Мальцева Олега Викторовича.

В первую очередь, книга посвящена использованию визуального подхода в городе, исследованию города, как учебной аудитории и заложенного в город механизма «вай-таха», который влияет на формирование личности человека. Представленные в книге методы являются универсальными и могут быть применены для исследований в других областях.

Цель написания данной книги, которую поставили перед собой авторы — создать комплексный учебник по исследованию при помощи визуальных методов с использованием фотоаппарата, дать инструменты в руки ученым, которые позволят эффективно использовать визуальные научные исследования, в междисциплинарном исследовательском поле науки.

© Олег Мальцев

© Максим Лепский

© Алексей Самсонов

ХОРВАТУА

Life Postcards

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ КНИГИ	
«НЕВИДИМЫЙ АНГЕЛ ИЛИ ЧТО ФОТОГРАФИРОВАТЬ».....	12
Проблематика данной книги	
О структуре книги «Невидимый ангел или что фотографировать»	
Причины написания этой книги	
Введение к использованию фотоаппарата	
О визуальной социологии	
Глава 2. ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ В КУРСЕ.....	49
Международная научно-практическая конференция «Город как учебная аудитория»	
• «Экспедиционный корпус» и методология исследования городов	
• С чего начинается город	
Теоретические основы исследования городов как совокупность факторов, определяющих статус и уровень развития личности.....	58
• Методология исследования города как учебной аудитории	
• Шкала статусов горожан и факторы, определяющие развитие личности в городе	
Современные угрозы в условиях города.....	63
• Безопасно ли сегодня жить в городе?	
• Категории риска в условиях города. (Разные категории людей подвержены разным категориям рисков)	
Символизм, мистицизм, визуальная социология Европейского континента, а также социологический, психологический, антропологический и религиоведческий взгляды на города других континентов.....	65
• Города как память континентов и сравнительный анализ городов разных цивилизаций (взгляд на город как на учебную аудиторию)	
• В чем разница факторного воздействия (обучения) в городах разных цивилизаций	
Город как университет и тренировочная программа.....	66
• Город как тренировочная программа	
• Составные части программы на разных стадиях жизнедеятельности человека в городе	
Глава 3. ДУБРОВНИК И ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ.....	70
Стадия повторного осмысления Дубровника.	
Методология и задачи исследования	
Чем научная книга отличается от не научной книги	
Глава 4. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОЙ ФОТОГРАФИИ.....	92
Работа с источниками	
Технология исследования	
Глава 5. ПЕРВЫЙ ВЫХОД В ДУБРОВНИК.....	110
Осмысление предмета исследования с фотоаппаратом в руках	
Вайтаха	
Формула города Дубровник	

Глава 6. КТО И КАК ПОСТРОИЛ ДУБРОВНИК.....	120
Амальгама. Прототипология памяти человека	
Исследовательская амальгама	
Глава 7. ЗАГАДКА ОСТРОВА ЛОКРУМ.....	146
Венецианская конфигурация: город плюс остров	
Глава 8. ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.....	156
Гипотеза построения Венецианской цивилизации	
Глава 9. ОСТРОВ КОРЧУЛА.....	172
Культурно-исторический проект	
Глава 10. РЕЙД В СПЛИТ: ГОРОДА ОМИШ, СПЛИТ, ШИБЕНИК И О. ТРОГИР.....	188
Работа в условиях экспедиционного рейда	
Последовательность фотосъемки	
Глава 11. И СНОВА ДУБРОВНИК.....	222
Метод повторного сопоставительного исследования	
Подведение итогов исследования Дубровника	
Как фотоаппарат помог прийти к данным выводам исследования	
Третья теория личности	
Глава 12. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУБРОВНИКА С ДРУГИМИ ГОРОДАМИ.....	239
Механизм сборки рыцарского ордена	
Инструмент управления миром Венецианской цивилизации	
Глава 13. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА.....	247
Глава 14. МЕТОДОЛОГИЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПОЛУЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ДАННЫХ, ПРОВЕРКА НАУЧНЫХ ДАННЫХ И ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	249
Глава 15. ГОРОД КАК УЧЕБНАЯ АУДИТОРИЯ.....	256
Отличие концепции европейского мистицизма от философско-религиозных концепций	
Теория личности Г. Роршаха	
Теория личности Л. Сонди	
Теория городов	
Теория испытаний	
Глава 16. КОМПЛЕКСНЫЕ ВЫВОДЫ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ.....	270
Рекомендованная литература.....	273

ВВЕДЕНИЕ

Исследование города обладает многими измерениями и размерностями. Современные исследования рассматривают соразмерность города человеку, движущемуся на работу, гуляющему по улицам города или общающегося с другими людьми; соразмерность города транспорту с его скоростью перевозки людей и грузов; соразмерность инфраструктуры масштабу города и так далее. Город во многих исследованиях изучается как среда комфортной жизни и обустройства в смарт-технологиях информационного управления, проектирующееся городской общиной модульное публичное пространство; как механизм удовлетворения потребностей людей их жизнедеятельности; как место столкновения социально одобряемого, так и социально неодобряемого поведения, со своими ментальными картами мест презентации лучшего, и теневых мест опустошенного и дегазируемого.

В этом многоголосии исследований авторский состав под руководством Капитана Экспедиционного корпуса Олега Мальцева предлагает свой научный взгляд на город, рассматривая его исследование через «первоначальный замысел», то, что концептуально определено как «вайтах», образно названного «невидимым ангелом». Этот «замысел» формирует тот или иной тип личности через совокупность социальных отношений, психологию, символику, антропологию, культурологию, религиоведение и среду города, а также другие механизмы. Город как учебная аудитория формирует личность, а совокупность сформированных горожан — общность и социум, а, в свою очередь, города формируют общество.

В чем заключается отличие этого исследования от всех других

Во-первых, в его междисциплинарности и трансдисциплинарности в сборке методологии исследования через практический и прикладной подход концептуализации.

Во-вторых, эта монография рассматривается, как основа обучения «полевому», экспедиционному исследованию городов, в которых кабинетные методы исследования носят лишь функцию первоначальной ориентации или последующего обобщения полевых результатов.

В-третьих, основными методами исследования являются методы визуальной социологии и антропологии с использованием фотоаппарата, как важнейшего исследовательского инструмента, знания специфики работы с ним в меняющихся погодных, светопериодических, сезонных, социальных, экономических, политических, культурных, а сейчас и пандемических условиях.

В-четвертых, эта работа является способом честно, открыто и понятно объяснить специфику работы «в поле» Экспедиционного корпуса на примере, кейсе или, как говорят в Гарвардском университете, «ключевым методом» обучения — через «живую практику» и конкретный опыт исследовательской деятельности.

Город рассматривается как обучающая аудитория для формирования горожанина, организаций, субкультур, социальных институтов, государств и криминала, цивилизаций, да и собственно человечества.

«Ядром сборки» и обучения города как учебной аудитории является личность, что дает возможность существенно расширить в исследовании предметное поле теории личности.

Одновременно в этой монографии демонстрируется подход поиска научных открытий, который рассматривается, как важнейшая альтернатива той современной симулятивной науки, которая занимается только сборкой отреферированных чужих мыслей, пересказа чужих идей и требования знаний научных мнений, не проверенных и не подтвержденных практикой, а значит, и утраченного основного критерия истинности исследования.

Книга, скорее всего, не подойдет людям, играющим в научные статусы и звания, которые утратили вкус к открытиям, странствиям, преодолению себя, стремящимся «отформатировать живую научную мысль» косными мертвыми правилами безрезультативности и пересказом чужих мнений. И уж точно не стоит ее читать любителям политизации науки, которые ищут факты, подтверждающие правоту своей точки зрения, мнения, которых раздражают до боли «в силиконовых губах косметической наукообразности» искатели истины. Она противопоказана тем, кто ищет правоту политической позиции, а не права на результат науки.

В то же время монография предназначена тем самым «искателям правды», приближающимся к истине, находящимся в движении от истины первого порядка к истине второго и т.д. порядков.

Подобно фотоаппарату, в монографии меняются «объективы, кратность зума» исследований, происходит возвращение к тому или иному городу, изучаются возможности компаративистики как сопоставительных методик исследования города.

Читатель, открывший эту монографию, должен быть готов к честному разговору авторов, делящихся многолетним опытом Экспедиционного корпуса, его результатами, инструментарием работы, поиска, проверки выводов и постановки задач на следующие исследования.

Полевые исследования всегда выступают возвращением в науку поиска, драйва, выхода из повторяемости и рутинности повседневности к прорыву, к открытиям, к тому, что не так давно было утрачено, — к научной экспедиции не в значении открытия «белых пятен» географии неизведанных территорий, но открытия «белых пятен» формирования человека, его жизнедеятельности, цивилизаций и экспансий, технологий власти и управления людьми, открытия современному человеку мира городов, личностей и, в конечном счете, человечества.

Интенсивность работы в Экспедиционном корпусе поражает воображение кабинетных ученых — в «улове», «добыче», «открытиях» научной группы, вооруженной фотоаппаратами, интересом к истине и научными методами, подходом «не экстремальность», но и «не сдаваться».

Научная разведка в полевом исследовании часто превращается в метод научного расследования, поиск исторических следов и фактов, заботливо хранимых или оставленных в визуальной культуре городов. Часто приходится проводить археологию знаний, убирая косметику или подделки так называемых «реставраторов» (не путать с настоящими реставраторами, которые берегут наследие прошлого), создающих симулякры для привлечения туристов, которые тоже создают образы, впечатления и смыслы гиперреальности, времяпрепровождения без знаний. На профессиональном сленге Экспедиционного корпуса симулякры исторического прошлого называют «Диснейлендом», в значении придуманного места развлечения, симулякра. При этом ученые с уважением относятся к самому Уолту Диснею и его творчеству, сделавшим многое для развития мультипликационной культуры, но только в этом значении.

«Невидимый ангел» приводит Экспедиционный корпус не только к сухим результатам фиксации научных фактов, но к оживленным дискуссиям, поискам, встречам с интересными людьми и межкультурному общению, верному плечу научных соратников и, собственно, к развитию науки.

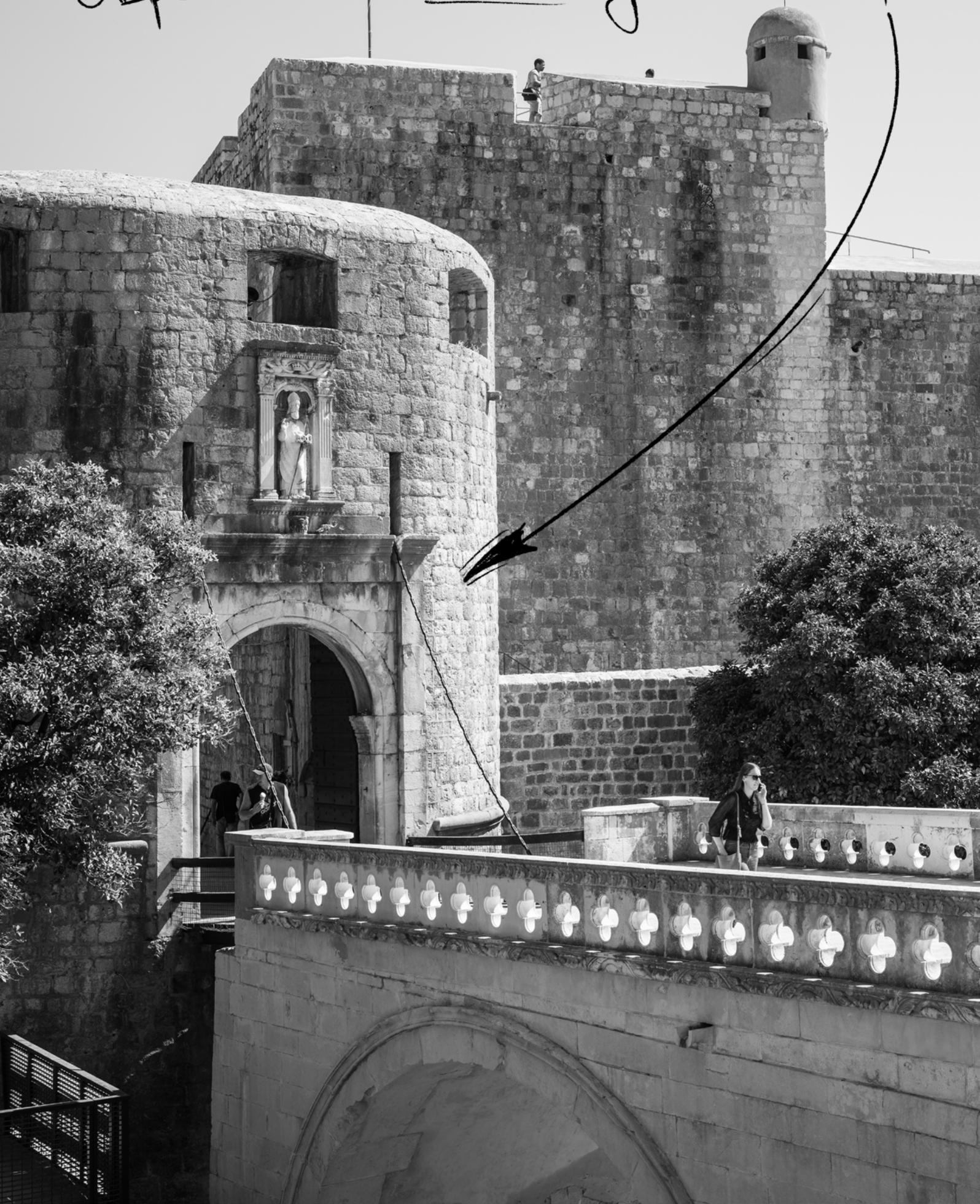
Мы надеемся, что Вы, прочитав это введение, уже приготовились к движению в поисках «невидимого ангела» в экспедиции ученых с фотоаппаратами в руках. Только вперед!

Академик УАН Максим Анатольевич Лепский

Входи и путь
та стовь вознаешь.
"НА ПОСЕДУ" ИЛИ "НА СМЕРТЬ"

• Обреченный

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ КНИГИ

«НЕВИДИМЫЙ АНГЕЛ ИЛИ ЧТО ФОТОГРАФИРОВАТЬ»

ПРОБЛЕМАТИКА И ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ НА ИССЛЕДОВАНИЕ. ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО ПОЯВЛЕНИЮ КНИГИ?

«Невидимый ангел» - книга о фотографии; не просто о снимке или о том, как его получить, но об исследовательской фотографии. В 21 столетии в науке по-прежнему остаются открытыми актуальные вопросы: как фотоаппарат и фотография, будучи инструментами научного исследования, позволяют получать достоверные данные? Как эффективно использовать фотографический инструмент с целью разрешения комплексных задач, в том числе, междисциплинарного толка?

И поистине грандиозный вопрос, который сегодня также преследует современного исследователя: Что фотографировать? И не стоит очаровываться кажущейся простотой формулировки. Нередко этот вопрос ставит в ступор, заставляет бегать по замкнутому кругу и даже может отправить в нокаут. Допустим, ученый приехал исследовать Одессу и решил использовать фотоаппарат как один из инструментов разрешения научной задачи. Естественно, много легче исследовать знакомый город, но чаще всего учёному приходится работать в совершенно незнакомом месте. И потому «С чего начинать и на что вообще обращать внимание?» — вопросы не праздные. И научный подход ещё эпохи Нового времени позволял ответить на них весьма точно.

Прежде чем что-либо изучать и применять некий инструментарий, предстоит определить объект исследования и предмет. Объект

— та целостность, которая изучается; предмет определен как научный срез, отдельный процесс, часть или взаимосвязь объектов. Уже на этапе определения предмета необходимы концептуализация и первоначальное понимание того, что именно в объекте исследователю требуется сфотографировать, иными словами, «осуществить научную фиксацию». Для Экспедиционного корпуса чаще всего целостной средой исследования выступает город, что и определяет последующий анализ визуальных методов исследования и дальнейший ход изложения научной концепции.

Наблюдая за экспедиционными исследованиями, коллеги и воспитанники академика Олега Мальцева, руководителя Экспедиционного

корпуса, часто спрашивают: «Что именно нужно фотографировать? Почему ученый снимает именно эти объекты, а не другие? Почему он фотографирует на плёнку, ведь удобнее снимать на цифровую камеру? Зачем Экспедиционный корпус берет с собой целый арсенал из десятка фотоаппаратов и объективов?» Очевидно, что научное исследование кардинально отличается от любительской съемки. Перед Экспедиционным корпусом стоят научные задачи, которые требуют соответствующих инструментов.

К примеру, когда ученый попадает в город и начинает снимать все подряд, щелкать затвором, как из автомата, зачастую это заканчивается тем, что фотографий много, но для исследования они не подходят, поскольку не отвечают исходным условиям и требованиям задачи. Такова самая распространенная проблема. Соответственно, сначала важно интеллектуально осмыслить и определить параметры того итога, который отвечает научной цели и задачам, а затем сформулировать, что нужно фотографировать.

Прежде чем что-то фотографировать, необходимо сформулировать цель, задачи и предмет исследования.

Как это сделать? Безусловно, отправляясь в научную экспедицию, мы знаем область предстоящего исследования, то, что терминологически определяется «предметным полем», например, это может быть исследование криминальной традиции определённого региона. Однако, чтобы достоверно выявить непосредственно предмет исследования в конкретном городе, необходимо для начала познакомиться со средой города. Поэтому в Экспедиционном корпусе существует понятие **первого выхода в город**, или рекогносцировки, что предполагает прогулку по городу, осмотр основных исторических объектов, их расположения, символики, устройства самого города. Так, чтобы сориентироваться в системе города, необходимо располагать определенными знаниями.

***Часто допускаемая ошибка:** приехать в город и начать сразу фотографировать всё подряд. В частности, сфотографировать первый попавшийся памятник и назвать этот снимок "добычей". Или сфотографировать любой символ, не располагая системой ориентирования исторического, прототипологического или психологического порядка, т.е., не понимая, чему конкретно мог бы отвечать это символ.*

В представленной в качестве примера к рассмотрению ошибке напрямую относится проблема степени детализации, масштабирования и координат научной рекогносцировки. Не менее важной первоначальной проблемой является «точка входа» в предметное поле исследования.

Картина из каминного зала

Зарождение Экспедиционного корпуса, подразделения Института Памяти, напрямую связано с городом Мюнхен, в котором на центральной площади города учёный Олег Мальцев заметил модели и архитектурные изображения кораблей на крышах древних зданий, что и побудило ученого задаться вопросом: что «делают» корабли в центре города, в котором нет ни моря, ни порта, ни практики судовой жизни резидентов этого города, их деятельность и традиции. Кто и зачем использовал морскую символику в Мюнхене? На 2014 год ещё не существовало ответа на этот вопрос. Фотографии этих кораблей и стали **первой предпосылкой для осмысления и формулировки предмета исследования.**

«До тех пор, пока нет конкретного предмета исследования, мы изучаем город как среду, чтобы сформулировать предмет исследования, а фотоаппарат нам в этом помогает.

Парадокс часто является точкой входа в предметное поле «...И гений, парадоксов друг, и случай, бог изобретатель...» (как писал гениальный А. С. Пушкин). В данном ключе значительным является готовность встречи с «предметным полем» и наблюдательность учёного. Взаимосвязь парадокса и случая – это непознанная закономерность для внимательного ученого» - Олег Мальцев.

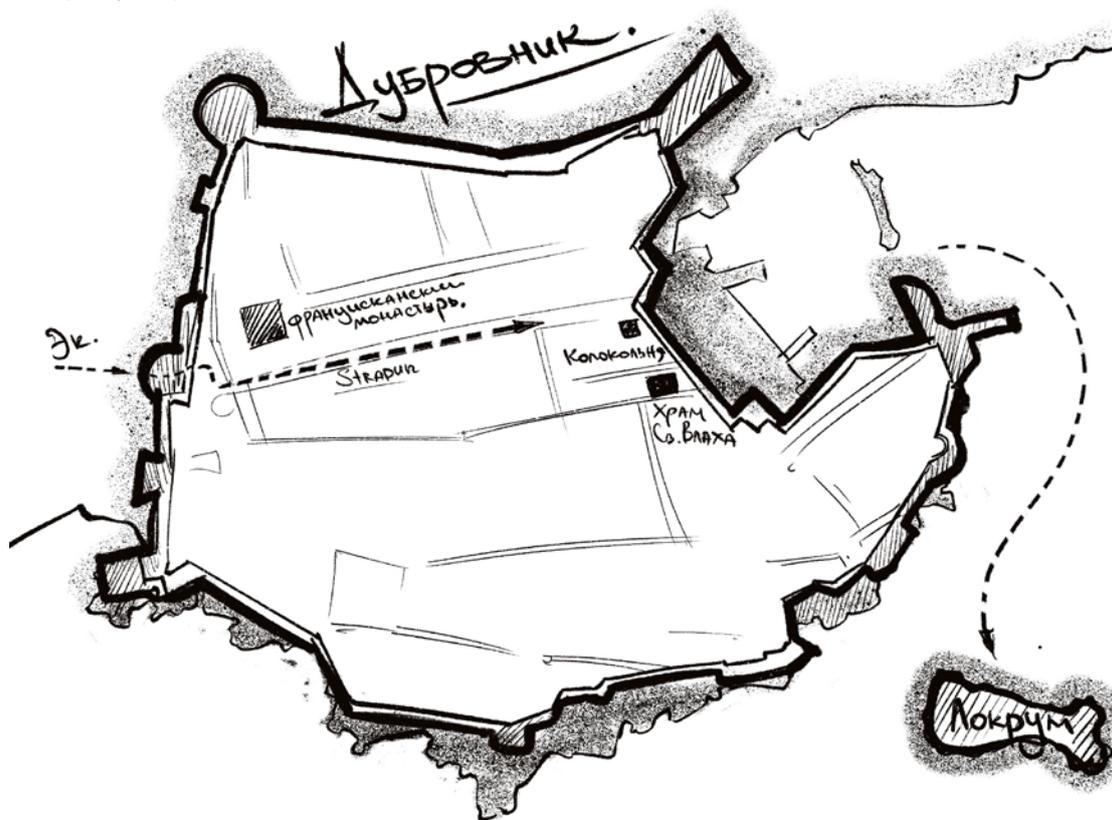
Если к концу исследовательского дня учёный не смог сформулировать предмет изысканий, значит, дальше двигаться неэффективно. Следует остановиться, проанализировать полученные фотографии и сформулировать предмет исследования.

Именно так начиналась первая экспедиция в Хорватии в сентябре 2020-го года. Академик Олег Мальцев, находясь в каминном зале экспедиционной базы, расположенной в пригороде Дубровника, обратил внимание на картину на стене. Эта картина показалась очень занятой. Рассмотрев её с разных углов комнаты, он отметил, что ее необычность заключается в странной композиции, что зависит от угла зрения некоего невидимого наблюдателя. Картина написана мастерски, передать такой удивительный ракурс сверху вниз на улицу достаточно

сложно. Именно эта картина послужила пусковым механизмом осмысления предмета исследования.

Незадолго до научной экспедиции состоялась международная научная онлайн-конференция «Город как учебная аудитория», на которой с точки зрения антропологии, социологии, психологии, криминологии и других наук, ученые обсудили множество актуальных аспектов и тенденций, связанных с невидимым влиянием городов и городской среды на личность человека. Исследовательский объект «город» изучался посредством междисциплинарного, многоканального и трансдисциплинарных подходов, а также рассматривались современные достижения в этой сфере. Этот необычный взгляд на город, изображенный на картине, как карабин «защелкнулся» с материалами научной конференции и стал пусковым моментом исследования. На следующий день состоялся первый ознакомительный выход в Дубровник, и, войдя в город, ученый констатировал тот же диссонанс, что и при изучении картины — фактическую необычность расположения самого города, расположение его улиц, уходящих вниз таким образом, будто взгляд падает на город сверху, как и на картине.

Научная группа Экспедиционного корпуса заходила в город через центральный вход, который, вероятно, ранее был второстепенным. Структура самого города и система его построения стали первым этапом поиска предмета исследования. Была выбрана соответствующая фотоаппаратура, позволяющая сформулировать предмет исследования. Также стоит отметить очень важный исследовательский **принцип соответствия методов и инструментов исследования объекту и предмету**. Олег Мальцев предпринял попытку с помощью фотоаппарата построить ту композицию, которая была на картине. Ученого заинтересовал необычный ракурс, и он начал искать ту точку, с которой художник мог рисовать город. Делая кадры и спускаясь вниз по ступеням, ведущим в центр города, учёный задался вопросом: Захочется ли подниматься обратно? Таким образом «включился» уровень антропологии. Сразу было запланировано провести эксперимент на обратном пути, когда придется подниматься по этим же ступеням вверх — проверить, какова будет нагрузка. Параллельно вспомнился итальянский город Сиена, в котором также пришлось совершать восхождение по крутым подъемам, как по трапу корабля.

Но, если Сиена построена снизу вверх, что заставляет вас подниматься на вершину к Храму Судьбы (Кафедральный собор Сиены), то Дубровник построен сверху вниз, и это крайне необычно. Традиционно использование сходства и различий: общего (характерного механизмом жизни города), особенного (специфичного для изучаемого города, отличающего его от других городов) и конкретного (единичного, конкретно-исторического в жизни именно этого города) — все это вводит исследователя в сферу предмета. Дальнейшая работа позволила понять, что мы имеем дело с высокоинтеллектуальными архитекторами и устроителями - людьми, создавшими Дубровник именно таким образом. Этот город построен так, что побуждает и принуждает человека действовать, даже если он этого не хочет (и не осознаёт).

Войдя в город, слева Олег Мальцев сразу увидел храм Св. Влаха — покровителя города. Это венецианский храм с характерным венецианским крестом, венчающим купол. Такие же кресты находятся на Соборе Сан Марко в Венеции. Венецианский крест имеет необычную форму, он описывает глобус и систему управления сознанием. Как и полагается Венецианской традиции, вместо символов на фасаде храма расположены фигуры ангелов, священников, книжников, знающих людей или героев.

Изучая фасад храма, Олег Мальцев вспомнил, что таковой аналог он уже видел в г. Гейдельберге (Германия). На территории Гейдельбергского университета иезуитский орден построил идентичный храм, а также школу. Таким образом, мы имеем уже две аналогии объектов Дубровника – с Сиеной и Гейдельбергом. Именно так мы можем анализировать общее и выявлять особенное. Также мы учитываем, что этот город является продуктом Венецианской традиции. Как сказал Олег Мальцев: *«Я знал, что мы задумали очень серьезное исследование, но еще не понимал, насколько оно фундаментальное»*.

Справа расположен храм Св. Николая. С этим храмом все понятно — Св. Николай является покровителем моряков и неудивительно, что он построен в морском городе.

Закончив первый выход в город, научная группа вернулась на базу и приступила к обработке собранных материалов. Глядя на картину, Олег Мальцев начал вспоминать, а также сопоставлять данные и результаты предыдущих экспедиций в Венецию и подход Венецианской системы к исследованию памяти. В ряде документов, таких как «Театр памяти Джулио Камилло», ученый уже встречался с определенным подходом к формулировке содержания неких явлений и сущности этих явлений, которая проявляется. Затем в двух флорентийских трактатах о фортификации встретилось пояснение, что прежде, чем строить фортификацию, ее нужно представить, как *некий живой организм, который будет действовать независимо от обороняющихся*. В конце концов, ученый обнаружил венецианский термин **«вайтах»**. Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что под этим термином подразумевается.

Дословно «вайтах» — это «невидимый ангел», по сути, это механизм, заложенный в город, который обеспечивает реализацию основного замысла его создателей, независимо от жителей.

Итак, приведём в качестве примера две аналогии, чтобы понять суть данного явления. Вспомним книгу Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине», где описана некая зона с непонятными и необъяснимыми аномалиями. Кто-то создал эту зону с определенным замыслом, она подчиняется логике, непонятной обыкновенному человеку, но понятной тому, кто ее создавал. Это уникальный воспитатель человеческой личности. Одному из героев повести, сталкеру из Хармонта, нужно было как-то выживать, что заставило его ходить в зону, добывать там какие-то артефакты, чтобы затем

их продавать и тем зарабатывать на жизнь. Чем интереснее артефакт, тем сложнее его добыть, но и тем больше денег за него можно выручить. Это некий "аттракцион", в котором идет игра на выживание. Другой пример можно найти в книге "Лабиринт", где описан лабиринт, живущий своей жизнью и приводимый в действие каким-то невидимым механизмом. Такие же прототипы описаны в книгах "Хищные вещи века" и "Туча" Аркадия и Бориса Стругацких. По сути, эти идеи не новы, они, как мы видим, уже представлены в научной фантастике.

Любой город идентичен прототипу «зоны» — это пространство, имеющее собственное устройство и «аттракционы», то есть, некие тренажеры или испытания. Таким образом, мы можем заключить, что у города есть какая-то функция, эта функция определяется замыслом, а реализацию замысла обеспечивает невидимый механизм — вайтаха или «невидимый ангел». Именно обозначением «Вайтах» ещё в далёкой древности венецианцы и именовали тот невидимый механизм, заложенный в город, который обеспечивает реализацию основного замысла его создателей, в том числе, независимо от воли или познания самого замысла резидентами города.

Дубровник — уникальное место. На начальном этапе члены Экспедиционной группы выявили, что у этого города нестандартная планировка: он построен как в «горле вулкана», сверху вниз. Однако, если заходить с центрального входа, то перепада высоты нет. Официальная история поясняет, что Дубровник был центром торговли. Носить грузы по таким ступеням было бы затруднительно. На самом же деле, это не рынок, а крепость с весьма мудрёной фортификацией, равно как и тренировочный центр, в котором воспитывали определенного рода людей. Любой гость, ступая в город сбоку, попадает в ситуацию, когда войти он может, а выйти нет. Гость, который войдет с центрального входа, не встретит никаких неудобств, но выйти сможет только через центральный вход.

Эти фотографии мы сделали с целью осмысления предмета исследования. Первым элементом предмета исследования стал механизм «вайтах». Далее требовалось осмотреть учреждения, городские социальные институты и механизмы времен замысла и развития, сохранившиеся в этом городе, и осмыслить их назначение. Как утверждает история, Дубровник претерпел землетрясения, войны и прочие разрушительные события. Но пройдя по Дубровнику нельзя сказать, что он пережил все эти катаклизмы, во всяком случае их следов не видно. Этот город и сегодня представляет *монолит*. У этого морского оплота поразительная способность к восстановлению, подобно тому, как у ящерицы вырастает новый хвост на месте старого.

Осмысление предмета исследования может занять некоторое время. Поэтому сначала необходимо снимать то, что помогает его осмыслить.

Стены старого
Города -> Дубровник

Главный вход
в город.

Дубровник
в разрезе имеет
форму
горловины вулкана.

Лестница
вниз

В рамках интервью академика Олега Мальцева с профессором Джеромом Крейсом (Dr. Jerome Krase) возникла дискуссия. Камни на улицах Дубровника приобрели отполированный вид с течением времени или же были отполированы технологически при укладке? К сравнению: улицы в Палермо, Сиракузах и Венеции тоже вымощены отполированным морским камнем. Активно обсуждается стереотип о том, что такому блеску улицы обязаны множеству пешеходов, затерших камни своими башмаками за много веков. Но Олег Мальцев уверяет, что это - не главенствующая причина. Такой вид камню придавался сразу при укладке улиц. Есть основания полагать, что в древности существовали и использовались технологии, позволяющие обрабатывать горные породы не ручным, а машинным способом. Следов такой высокотехнологичной обработки Экспедиционный корпус встретил немало.

На центральной улице Дубровника экспедиционная группа запечатлела знакомый архитектурный ансамбль — да здравствует Венецианская традиция! Главная улица Дубровника в историческом центре города – Stradun – изначально была водным каналом, как в Венеции. Затем канал осушили и засыпали, создав пешеходную зону. Движение автомобилей по Страдун запрещено, поэтому здесь неспешно гуляют туристы, заглядывая в местные магазинчики и кафе. Колокольня с часами также повторяет архитектурный стиль Венеции.

Далее научная группа отправилась в порт и вернулась на центральную площадь к большому фонтану Онофрио. Большой фонтан Онофрио расположен напротив двух культовых объектов: Храма Корабельного Бога (он же Храм Правды) и францисканского монастыря. Еще не заходя в храм, Олег Мальцев сделал вывод (впоследствии многократно подтвержденный): очевидно существует определенная неслучайная последовательность учреждений в этом городе. Сам храм францисканцев содержал уже хорошо известные символы европейской криминальной традиции. Внутри храма францисканцев экспедиционная группа впервые обнаружила систему «Венецианская Слава». Предпосылки этой системы встречались в Мюнхене и в Вене, но вся система в сборке была найдена впервые. Также в этом храме была обнаружена «Францисканская наковальня», выполненная в виде органа.

ГЛАВНА УЛИЦА
СТРАДУМ.

КАНАЛ НА ГЛАВНОЕ
УЛИЦЕ - СТРАДУН

БЫЛ
ЗАСЫПАН

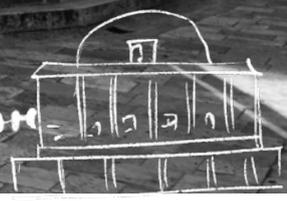

Францисканский
монастырь.

• Большой
Фонтан
Окупно.

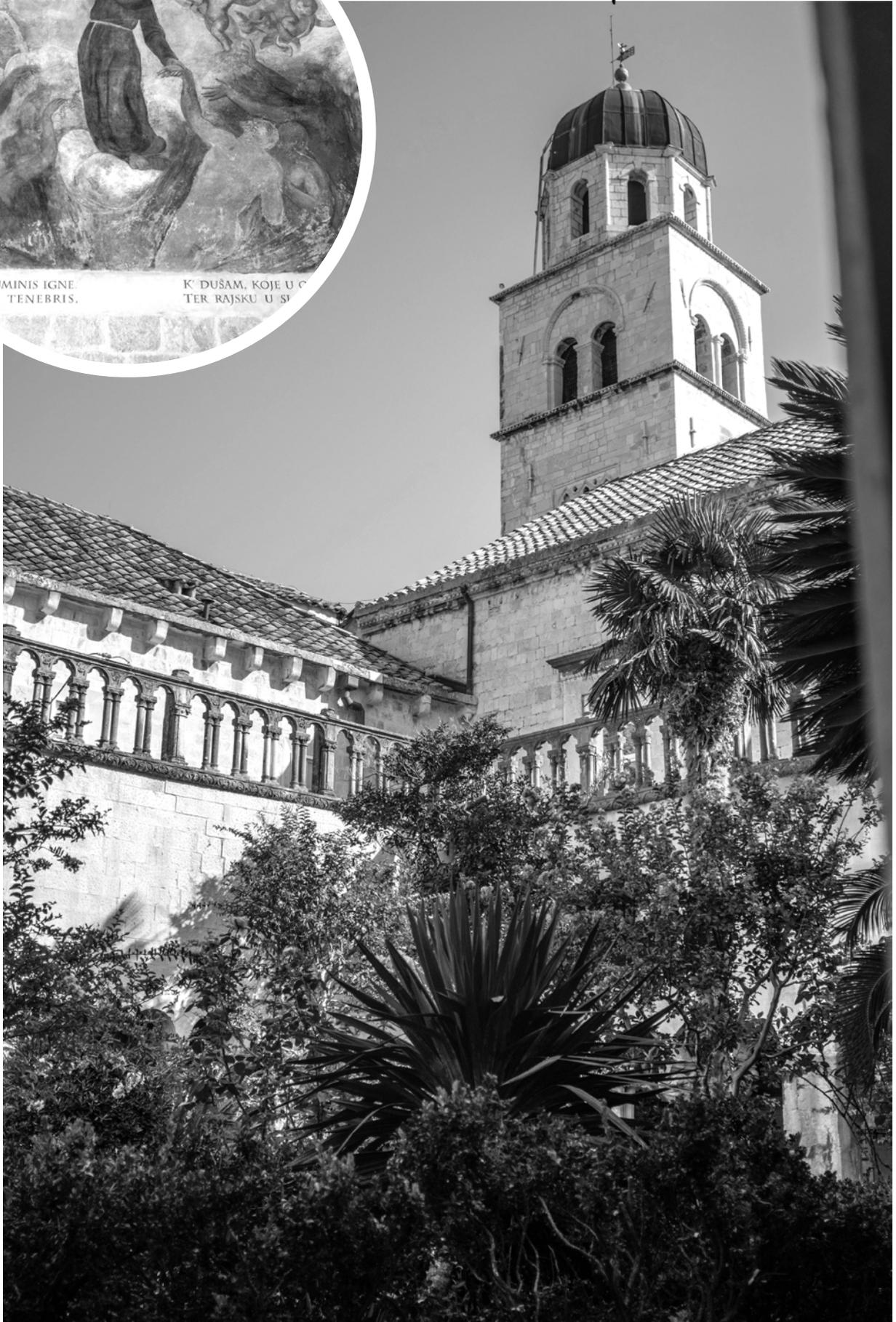

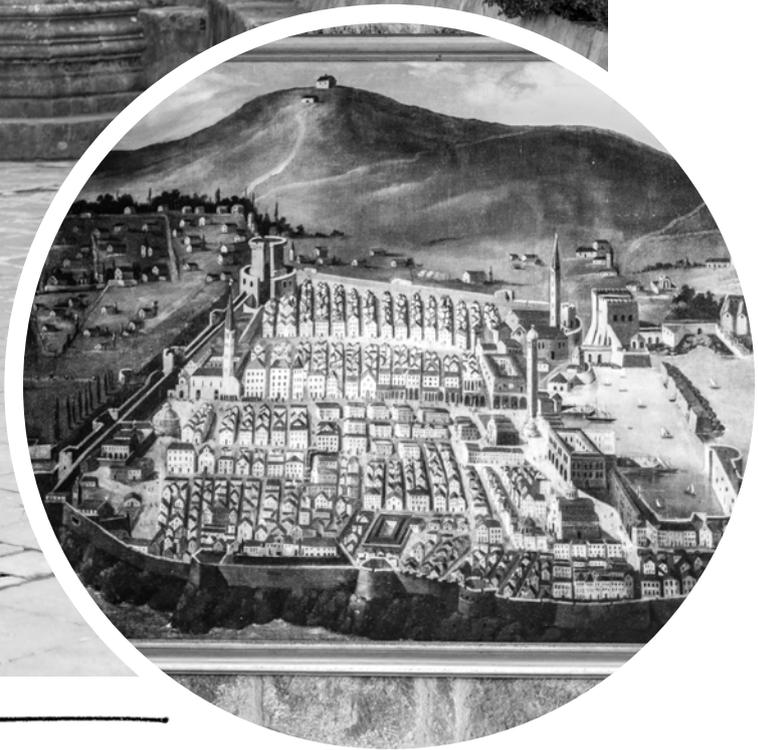
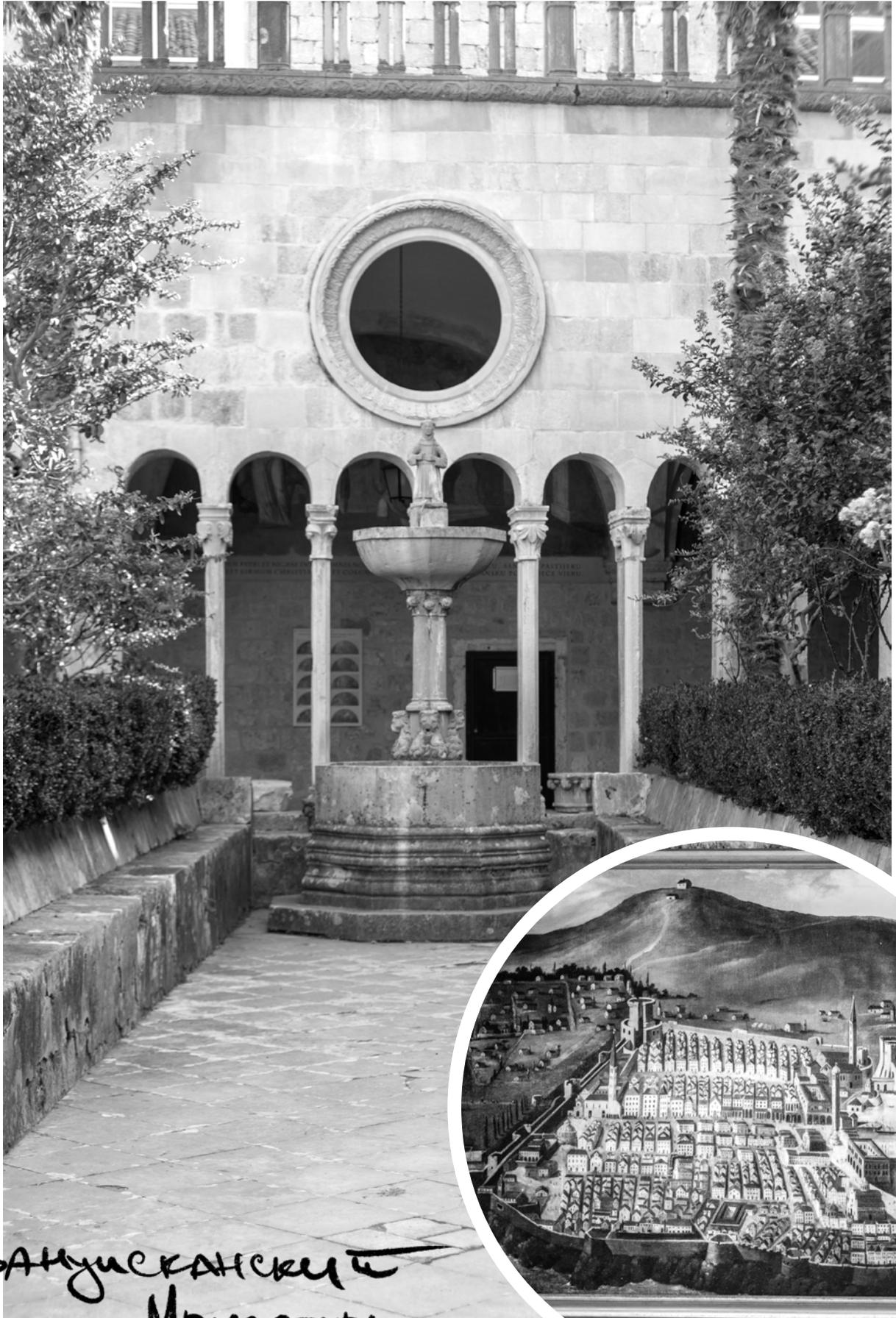
Француски Манастир.

TUR NUMINIS IGNE.
IT E TENEBRIS.

K' DUŠAM, KOJE U C
TER RAJSKU U SI

Францисканский
Монастырь.

"Францусканскал Наковальня"

ВЕНЕЦУАНСКАЯ

ЦАБА .

Таким образом уже получены три элемента предмета исследования:

1. Вайтаха;
2. «Венецианская слава»;
3. «Францисканская наковальня».

Неординарное устройство города, выполненного, как лабиринт, большое количество артефактов и явлений, сосредоточенных на небольшой территории, свидетельствует о том, что Дубровник — весьма значимый город с научно-изыскательской точки зрения. Даже в Венеции нет такой концентрации структурных элементов к исследованию.

По завершению первичного обхода города стало очевидным, что в Дубровник придётся вернуться ещё не один раз.

Естественно, позволительно поставить себе задачу «исследовать город», но в таком случае по-прежнему неясно, что именно надлежит искать. Поэтому стоит составить некий план, позволяющий сформулировать предмет исследования, а самое главное — переключиться на другую логику, поскольку сообразно привычной логике современника исследовать такие среды неэффективно: нужно понять логику людей, которые все это создавали.

На следующем этапе исследовательский фокус предлагается развернуть вовне. Итак, рядом с Дубровником расположен остров Локрум. Достаточно диковинное место, его даже называют “проклятым островом”. В центре острова находился бенедиктинский монастырь, а, как известно, бенедиктинцы — высший уровень в монашеской иерархии. Кроме монастыря на острове нет никаких иных исторических объектов. Остров Локрум и Дубровник сначала кажутся отдельными объектами, но на деле они образуют единую систему согласно замыслу создателей (об этом подробнее — в последующих главах монографии). Связь Дубровника и острова Локрум была выявлена впоследствии, именно при работе с фотографиями. И эта история — ещё одно фактическое подтверждение, что необходимо фотографировать те объекты, которые могут впоследствии подтолкнуть учёного к анализу, что заставляет работать разум, зрение и использовать другие способности, которые позволяют с разных сторон посмотреть на явление. Перцептивный срез восприятия целостного образа определяется средой города, в которую попадает человек, и определяет рамки поведения человека, в социологии города, известные как фреймы города. Чем грамотнее сделаны фотографии, тем более они актуальны для научной работы. Большинство людей, вооружённых фотоаппаратами, просто запечатлевают красивые композиции. Это, безусловно, тоже важно (например, в качестве контента на разных ресурсах, в том числе, для фоторепортажей в журналах). Однако, если речь идёт о научном исследовании, первые фотографии должны быть определенного толка, предметных образов, и они должны создавать условия для осмысления предмета исследования в конкретном восприятии и формировании базы фотографических данных для будущего концептуального синтеза, складывания необходимых картин в ходе исследования. Если ученый поступает иначе, может возникнуть ситуация, когда репортажных фотографий много, а исследовательских — ни одной. Этот вопрос, в частности, строго отрегулирован в работе Экспедиционного корпуса.

Важно отметить, что иногда возникают ситуации, когда исследователю или научной группе приходится фотографировать всё кряду; буквально всё, что видишь. Речь идёт об исследовательских объектах, характеризующихся высокой плотностью визуальных данных и необходимостью высокой степени детализации исследования. Так, в частности, было при работе Экспедиционного корпуса в Гейдельбергском университете,

Студенческий карьер Гайдельбергского Университета

студенческом карцере и Гейдельбергском замке. Олегом Мальцевым была поставлена задача каждому из членов научной группы полностью отснять конкретный объект, здание, зал в музее и тому подобное. Это связано с тем, что такие объекты, как Гейдельберг, чрезвычайно информационно нагружены, на каждом сантиметре можно сделать полезный для исследования фотоснимок. Для того чтобы комплексно проанализировать весь свод данных, может потребоваться не один день. В частности, Рейн — это «бездонная бочка», сохранившая массив прикладных знаний для исследователя. Более того, если научная группа ограничена временным параметром, в таком случае необходимо отснять всё, что представляется возможным, чтобы впоследствии спокойно и детально поработать с фотографиями этого объекта. Безусловно, для такой съемки тоже есть свои требования и оборудование.

Когда исследователь попадает в исследовательскую группу и начинает фотографировать, фиксируя ход изысканий, это тоже полезно, поскольку репортажная съемка представляет интерес. Однако в научной экспедиции, в среде, в которой предстоит решать исследовательские задачи, создавать научные продукты, публикации, технологии и предоставлять доказательства выводов — всегда нужны исследовательские фотографии. Фотоаппарат в данном ключе выступает инструментом, с помощью которого проводят исследование. Поэтому прежде всего начинающему исследователю целесообразно изучить «Учебник по фоторепортажу» и монографию «Фотография как источник научной информации» (список рекомендованной литературы прилагается в конце книги).

О СТРУКТУРЕ КНИГИ «НЕВИДИМЫЙ АНГЕЛ ИЛИ ЧТО ФОТОГРАФИРОВАТЬ»

Представленный научный труд состоит из 16 глав, которые последовательно проводят читателя через этапы методологии исследования на примере первой экспедиции в Хорватию, состоявшейся в сентябре 2020 года. Итак, содержание монографии:

1. «История написания книги».
2. «Для тех, кто не в курсе». В данной главе изложены материалы научной конференции «Город как учебная аудитория», представляющие методологию и подходы к исследованию городов.
3. «Дубровник и подход к исследованию». Стадия повторного осмысления Дубровника. Методология и задачи исследования. Чем научная книга отличается от ненаучной книги. Важным дополнением к этой главе стали интервью академика Олега Мальцева и профессора Джерома Крейса о визуальной социологии и методологии исследования городов.
4. «Теория и методология научной фотографии». Научная работа тем и отличается от работы иного толка, что в начале закладывает фундамент методологии; соответственно, вся книга — это демонстрация использования, применения методологии в ходе научного исследования, а также проверка методологии посредством эмпирических методов и их последующая апробация на практике. Для написания такой книги, как «Невидимый ангел», недостаточно исключительно теоретической научной работы; её созданию предшествовала научно-методологическая работа, результаты которой представлены в книгах: «Тень европейского континента», «Вековой обман», «Компас судьбы», монография «Фотография как источник научной информации».

5. «Первый выход в Дубровник». Мы возвращаемся к исходным положениям исследования и сквозь призму всех предварительных данных осмысливаем Дубровник, с целью определения предмета исследования. Также речь пойдёт о применении фотоаппарата, документировании артефактов, создании соответствующих методике снимков с исследовательской точки зрения.
6. «Кто и как построил Дубровник». В этой главе на практическом примере демонстрируется применение амальгамного метода исследования. Исследовательская амальгама (в данном ключе) способствует пониманию, как и зачем был построен Дубровник.
7. «Загадка острова Локрум». Как свидетельствуют результаты экспедиционной научной деятельности, современный о. Локрум не соответствует тому острову, который был создан изначально.
8. «Венецианская цивилизация». В данной главе представлена гипотеза существования Венецианской цивилизации, как она строилась и реструктурировалась в Испанскую Империю. Почему и как о. Локрум и Дубровник связаны между собой.
9. «Остров Корчула». Этот остров оказался симулякром и стал прекрасным образцом для объяснения, как и зачем создаются культурно-исторические проекты.
10. «Рейд в Сплит: города Омиш, Сплит, Шибеник и о. Трогир». Перед тем, как анализировать Дубровник, потребовалось провести длительный рейд по нескольким городам. Что было обнаружено и какие города оказались связаны с Дубровником.
11. «И снова Дубровник». Ещё более пристальное исследование Дубровника: храма ордена иезуитов, необыкновенного доминиканского монастыря и других загадок Дубровника.
12. «Сравнительный анализ Дубровника с другими городами».
13. «Классификация полученного материала». В данной главе описано, как необходимо систематизировать материал для дальнейшего использования.
14. «Методология: организация исследования, визуальный подход получения научных данных, проверка научных данных и подготовка к проведению исследования». Как собрать всю систему воедино.
15. «Город как учебная аудитория». Как создаётся город, который на деле становится учебной аудиторией или тренировочным центром.
16. «Комплексные выводы из проделанной работы». Аналитическая глава, которая представляет читателям практические выводы. Меморандум об использовании фотоаппарата при проведении научного исследования. Общие методические указания.

ПРИЧИНЫ НАПИСАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Во-первых, причиной написания данной книги выступил факт отсутствия учебника по визуальному подходу, отвечающего методологическим требованиям в условиях исследования на стыке наук. Даже книга профессора Джерома Крейса «Видеть, как меняются города», которая считается лучшим учебником по визуальной социологии и рекомендуется авторами к изучению, представляет описание разрозненных элементов, а не систему. Не является исключением и работа Петра Штомпки о визуальной социологии — классическая для европейской социологии, как и уважаемые нами классические работы Р. Барта, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера и др. Когда речь идет об использовании визуального подхода и работе с фотоаппаратом, можно исследовать различные явления, не только глобальные и тайные технологические системы, какие будут опи-

саны в данной книге, но также исследовать социальные и психологические явления, применять методы нейропсихогаммы Г.С. Попова, анализируя психологию города, а точнее, такую категорию как «ущербность». Очевидная востребованность учебника по визуальному подходу и использованию фотоаппарата для научных исследований побудили авторов на создание данной научно-методологической и методической книги, написанной научно-популярным языком, с целью доступности широкому кругу заинтересованных читателей и молодых исследователей.

Работа с фотоаппаратом предполагает решение нескольких методических и инструментальных вопросов, на которые ученый прежде обязан ответить себе, и лишь после приступить к исследованию. *Какую камеру выбрать? Какие снимки нужны и для чего?* Например, если фотографировать сенсацию или доказательства, такие фотографии нужно сделать исключительно на пленку. Возникает следующий вопрос: на какую пленку снимать, какое затем понадобится разрешение снимков, какой выбрать объектив, где будет происходить съемка? В каких случаях нельзя снимать на телефон или на цифровую камеру?

Руководствуясь принципом науки выполнения задач, для достижения цели исследования нужно начинать с конца, то есть исходить из того, в каком виде будут представлены результаты исследования. Для научной монографии и статьи в популярном журнале требования к фотографиям будут совершенно разные. А если нужно учесть несколько разных форматов подачи материала, как быть в таком случае? Как мы видим, ученому необходимо приобрести навыки создания фоторепортажа, иначе его фотографии могут не принять в журнал. А если не учесть требований к фотографированию доказательств, научную монографию и само исследование могут поставить под сомнение в научном сообществе. Это одна из причин, по которой руководитель Экспедиционного корпуса Олег Мальцев во время экспедиции использует три камеры одновременно, а также ставит задачи членам научной группы по созданию тех или иных снимков.

«После возвращения из экспедиции стоит дать себе время, чтобы «остыть», чтобы посмотреть на материалы свежим взглядом, затем заново их осмыслить и только потом приступить к написанию научной или научно-популярной работы. Поэтому цель написания этой книги — дать инструменты в руки ученым, которые позволят эффективно использовать визуальный научный подход» — Олег Мальцев

В одном из интервью с Олегом Мальцевым, американский профессор социологии, фотограф, приверженец подходов визуальной социологии Джером Крейс говорил, что «...до определенного времени визуальная социология и визуальная антропология были изгоями в академической науке. Лишь несколько лет назад была открыта секция визуальной социологии в Европейской социологической ассоциации». Сегодня в Украине визуальная социология вызывает большой интерес и исследовательский спрос. Есть немало исследователей, которые пытаются проводить исследования и делать фотоснимки, но они не знают, как это правильно делается. Авторы книги «Невидимый ангел» ставили себе задачу представить учебник по визуальному подходу, описать методологию, дать методические рекомендации, как проводить исследования, позволяющие уберечь исследователей от ошибок, а также аргументированно продемонстрировать, чем научное исследование отличается от журналистской работы. Ведь и журналист, и ученый, и разведчик, работают с информацией, но у каждого свои цели работы с информацией, хотя природа методов идентична.

Цель, которую при написании данной монографии преследовали её авторы — создать комплексный учебник по исследованию при помощи визуальных методов с использованием фотоаппарата, дать научные инструменты, которые позволят эффективно использовать визуальные научные исследования в междисциплинарном исследовательском поле науки. Этой книгой авторы хотят показать, каким образом ученый должен работать с научной информацией при помощи фотоаппарата, как проводятся исследования, как делаются выводы, как определяются подходы и предмет исследования, как разрабатывается программа исследования, каким образом она внедряется, какую научную информацию мы получаем, как она структурируется, каким образом делаются выводы и тому подобное.

Эта книга посвящена использованию визуального подхода в городе, исследованию города, как учебной аудитории. Представленные в книге методы являются универсальными и могут быть применены для исследований в других областях. Например, можно провести исследование психологии города. При этом, если молодому ученому приходится проводить одно новое отдельное исследование, то опытный ученый может одновременно реализовывать в одной экспедиции несколько исследовательских векторов, что сегодня успешно разрешает Экспедиционный корпус.

Таким образом, данная книга приоткрывает ответ на часто задаваемый вопрос руководителю Экспедиционного корпуса Олегу Мальцеву: «Как вам это удастся?» Как можно получить так много данных в ходе одной экспедиции, провести очень глубокое исследование и в результате представить общественности и научному сообществу несколько продуктов разного формата: журналистских статей и фоторепортажей, научно-популярных книг, методических книг, амальгамных книг, научных монографий, научных статей и документальных фильмов?

Методология — это краеугольный конструктор, определяющий успех исследования.

Главная проблематика методологии сегодня состоит в том, что ее в качестве научного инструмента перевода теоретических концепций в методику и практику конкретных полевых междисциплинарных исследований просто не используют. Почему так важен предмет исследования? Потому что учёный должен выбрать такой предмет исследования, который впоследствии выведет его к технологии.

Цель исследования — получение технологии, которую, прототипологизируя, многократно можно использовать в разных сферах жизни и деятельности. Если визуальная социология исследует общество, чтобы сделать его лучше, то технологии, которые добывает Экспедиционный корпус, являются многофункциональными инструментами решения задач. Их можно использовать как для того, чтобы сделать общество лучше, так и для бизнеса. Так как все исследования Экспедиционного корпуса проводятся на стыке наук, полученные технологии позволяют решить общественные задачи, политические, экономические, социальные и другие. Например, Дубровник — это учебный центр, соответственно, эту технологию можно прототипологизировать на бизнес и создать офис, как учебный центр Дубровника, и «получать» таких же людей, каких создавали в Дубровнике.

Иногда может показаться, что самое главное в экспедиции, чтобы с вами был переводчик. Но практика Экспедиционного корпуса показала, что «переводчик» не может выступать причиной или главным инструментом, поскольку любая лингвистическая информация может развернуть исследователя в неверном направлении. *То, что написано в интернете и учебниках истории, часто не соответствует действительности.* Даже исторические документы не стоит расценивать как истину в последней инстанции.

Когда все вокруг — ложь, визуальный метод является самым эффективным, по той причине, что он позволяет анализировать неизменные объекты и явления, то, что люди и социальные отношения определяют, как значимое и вневременное.

Например, бытует мнение, что человеческая цивилизация зародилась на Востоке. Это утверждение — крайне сомнительно, если учесть, что армии Востока не одержали победы ни в одной войне с Европой. То, что мы видим на Востоке — это примитивизированное подобие того, что существует в Европе. Вымысел и иллюзия «истока цивилизации» — непонятно, что это такое и найти ее невозможно. Напомним «цивилис» — это понятие из римской истории. Цивилизационный подход европейских ученых был применен для теоретической концепции исследования общего, особенного и единичного по отношению к истории различных «социальных организмов» мира, регионов и эпох, но это вовсе не означает «истоковость» восточной цивилизации, ранний по времени не значит истоковый. Да и вопрос о «древности» — кто более древний и ранний — всегда вызывает очень оживленную дискуссию ученых, поскольку связан с геополитическим статусом, а не с научным принципом объективности.

Ученые не могут опираться на чьи-то мнения, они обязаны опираться на факты. Жить по принципу: *«Если факты противоречат науке, тем хуже для фактов»*, значит жить в «хроническом абсурде». Наука может объяснить всё. В частности, в одной из глав монографии будет идти речь о проблеме «главенства одной версии». Зачастую оказывается, что никакой другой версии просто никто не рассматривал. Например, как объяснить концентрацию храмов Архангела Михаила в Калабрии? Такая концентрация культовой архитектуры и символов, как в Рейне, Венеции, Калабрии, может объясняться тем, что данный регион — исток некой цивилизации. Однако большинству представителей современной академической науке удобно верить и использовать то, что придумали ранее, до них. Например, как можно искать Трои, если «Илиада» — это миф? Миф можно использовать для поиска, но сначала его требуется амальгамизировать (превратить в исследовательскую амальгаму), иначе исследованию суждено зайти в тупик теоретизации.

ВВЕДЕНИЕ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ФОТОАППАРАТА

К этому моменту, дорогие читатели, вы уже, вероятно, пришли к выводу, что научная экспедиция — это вовсе не туристическая прогулка. В экспедиции предстоит не только высокая интеллектуальная нагрузка, но и физическая. Поэтому при выборе фотоаппаратуры крайне важным параметром будет размер и вес камеры. С тяжелой камерой и увесистым объективом долго работать невозможно, уже через час у вас будут «отваливаться» руки, причем экспедиционный выход может длиться 8 часов и больше.

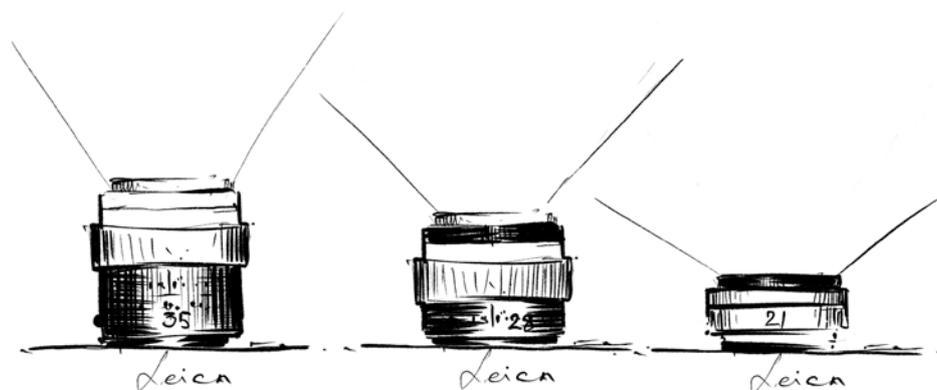
Следующим важным параметром является фокусное расстояние. Как показала практика, идеальным фокусным расстоянием в экспедиции является 40 мм. Также подойдет 35 мм. Что касается объективов 50 мм — они больше подойдут для вечерней съемки, так как являются светосильными. Например, для работы в городе Вормс (Германия), Экспедиционному корпусу было очень удобно использовать объективы с фокусным расстоянием 90 мм, поскольку научная группа рассредоточилась на местности. Также 90 мм — это уникальное расстояние для стрит-фотографии и для съёмки в храмах.

Выбор фокусного расстояния связан с тактикой исследования в городе. Так, при входе в город следует использовать широкоугольный объектив, как основной. Далее, для основной части исследования рекомендуется использовать более узкий угол — 35–40 мм. А на этапе, когда нужно снимать отдельные детали — перейдите на длиннофокусные объективы 75–90 мм и длиннее.

Существуют универсальные объективы, к примеру, с фокусным расстоянием 24–105 мм — это идеальный экспедиционный объектив, который позволяет снять что угодно, так как дает все нужные фокусные расстояния, без необходимости менять объектив во время работы.

Фотоаппарат Nikon D780 с объективом 24–105мм — идеальная экспедиционная машина.

Исследование может идти от общего к частному, или от частного к общему. Это зависит от способа осмысления предмета исследования. Какая-то статуя или символ могут стать отправной точкой исследования, и тогда ученый начинает от этой детали расширять кругозор. Бывает так, что ученый сразу все осмыслил и затем начинает с помощью деталей доказывать свою гипотезу. Соответственно, это ставит вопрос, что из оборудования необходимо взять в экспедицию. Как мы видим, использование фотоаппарата является инструментом, который выстраивает правильную логику исследования.

О ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Чтобы познакомить читателей и молодых исследователей с таким направлением науки как визуальная социология и актуальными вопросами в этой области, данную главу дополняет серия интервью руководителя Экспедиционного корпуса Олега Мальцева и профессора визуальной социологии, фотографа Джерома Крейса.

ИНТЕРВЬЮ № 1

Олег Мальцев: Здравствуйте, профессор! Для меня большая честь — личное знакомство с Вами. Разговор наш я бы хотел начать с понятия «визуальной социологии»: что конкретно в Америке вкладывают в данное понятие?

Джером Крейс: Для того чтобы ответить на этот вопрос, я должен сказать, что существует два объединения — Международная ассоциация визуальной социологии и вторая ассоциация, которая является производным от первой: Сообщество исследователей визуальной социологии Международной ассоциации визуальной социологии. Люди используют понятие «визуальной социологии», но у них нет четкого понимания, что это такое, у них есть какое-то представление об этом. Сам термин означает, что в социологии мы используем определенные данные, связанные с чем-то визуальным. Дело в том, что визуальная социология считается маргинальной дисциплиной в социологии, многие люди ее так определяют. Я хотел бы вам дать небольшое введение в визуальную социологию, это всего лишь введение, не определение.

Когда речь идет о социальной науке, то самая древняя наука — антропология. Основная идея валидной научной информации состоит в том, что общество может анализировать, теоретизировать, распознавать, следить за явлением в виде некой информации. Когда мы говорим о визуальной социологии, мы смотрим на поведение людей. Или, например, я знаю, что вы интересуетесь архитектурой: как один из аспектов, она показывает историю. Архитектура — это визуальные символы, форма искусства.

Олег Мальцев: Когда мы говорим о символьной составляющей, безусловно, она крайне значима в архитектуре.

Джером Крейс: Есть такое понятие, как «нормализовать науку», и социология пытается превратить визуальную социологию в нечто нормальное. Например, американский историк и философ Томас Кун объяснял философию науки: что принимается в науке, как некий стандарт.

Олег Мальцев: Всегда есть требования к тому, чтобы что-то считалось научным.

Джером Крейс: Чтобы эта наука была принята среди социологов.

Олег Мальцев: А разве она сегодня не принята?

Джером Крейс: Не совсем так. Какую точку зрения мы отстаиваем? Например, известно, что обычно социологи используют множество изображений в своих работах для того, чтобы что-то показать. И для визуальных социологов любые изображения, видео — это предмет исследования. Я как социолог использую разные уровни своей науки: опросники, могу провести интервью, демографические исследования. Но в чем отличие визуальной социологии? В том, что для нас всё, что связано с изображением, видео — это некое визуальное проявление данных, информации.

У студента, обучающегося на факультете социологии, в учебной программе присутствует множество разных предметов. И первый шаг, который предпринимает такой человек, это слушает курс «Визуальная социология». Вначале в нём изучаются разные методы социологии: как проводить опросы, исследования, применять разные визуальные техники. Но при этом крайне важно, чтобы визуальный социолог умел создавать изображение, умел создавать визуальные данные.

Методы, которые используются в визуальной социологии, уже устоялись. Расскажу на примере визуальной этнографии. Существует разница между визуальным социологом, изучающим визуальную этнографию, и обычным человеком, который занимается визуальной этнографией. Для нас крайне важно методологически верно работать с этими данными. Конкретного определения «визуальной социологии» не существует, я описал, чем она занимается.

Олег Мальцев: С Вашей точки зрения, что делают люди, занимающиеся визуальной социологией?

Джером Крейс: Визуальный социолог занимается изучением общества посредством визуальных образов для того, чтобы разобраться, какое оно, это общество, и сделать его лучше — это аксиома традиции, которую в социологии основал Макс Вебер.

Любая социология занимается исследованиями общества и как его сделать лучше. Но чем отличаемся мы? Мы используем разные данные для исследования. Моё основное направление в исследовании: я изучаю города и то, как они меняются. Два направления исследования включают в себя процесс урбанизации, также туда входят разные изменения.

Олег Мальцев: Почему Вы стали этим заниматься?

Джером Крейс: Я изучал социологию в университете Индианы, но до университета мне пришлось изучать криминологию, что дало понимание того, что все процессы, разные социальные вектора в городах позволяют понять криминализацию общества.

Олег Мальцев: Вас интересовала также, как и меня, криминализация общества?

Джером Крейс: Меня интересует совершение криминальных преступлений в городе.

Олег Мальцев: Почему у вас такая тяга к криминологии, к преступности? Я сам криминолог и могу с уверенностью сказать, что криминологов можно по пальцам пересчитать.

Джером Крейс: Причина кроется в моем воспитании. Я жил в криминальном городе, и я хотел узнать причины, почему возникает криминал.

Олег Мальцев: Возможно, они как-то Вас беспокоили, Вы собирались бороться с криминалом?

Джером Крейс: Я вырос в бедной семье и в криминальном районе. После того, как поступил в колледж, я начал изучать, как совершаются преступления несовершеннолетними подростками. И это одна из причин. И уже позже, в университете Индиана, это был мой основной профиль.

Олег Мальцев: У меня есть коллега Антонио Никасо. Как-то он рассказал, почему начал заниматься криминологией. В свое время он жил в регионе, где существует самая могущественная организованная преступность. И в определенный момент времени у его лучшего друга (на тот момент ему было 16 лет) убили отца. Я, как военный человек, попал в одну ситуацию, когда вынужден был бороться с криминалом, при этом не будучи сотрудником никакой правоохранительной структуры. И в тот момент времени я был вынужден начать изучать криминальный мир. Поэтому я Вас и спрашиваю, как вы пришли в криминологию.

Джером Крейс: Когда я начал изучать социологию, я многое в жизни понял. Мне стали понятны причины, например, почему люди, определенные группы совершают преступления. Тем самым я начал больше понимать механизмы работы самих правоохранительных структур. Также данная практика позволила мне заниматься более практичными вещами, связанными с предотвращением криминала.

Олег Мальцев: Вы предпринимали попытки бороться с криминалом?

Джером Крейс: Пришедшее ко мне понимание, почему криминал существует и почему произошли такие вещи, помогло мне осуществлять деятельность в локальных

общественных организациях, в политической деятельности. Это то, с чем я по сей день имею дело.

Олег Мальцев: Давайте поговорим о книге, которую Вы написали. В начале книги Вы говорили о старой и новой школе визуальной социологии — в чем между ними разница?

Джером Крейс: Это не мое название, так принято указывать в дисциплине. У меня есть близкий друг, приверженец этой школы — Марк Гаттини. И основная характеристика старой школы состоит в том, что она четко структурирована.

Олег Мальцев: Я имею в виду, чем занимаются эти школы, в чем их отличие?

Джером Крейс: Многие критикуют старую школу социологии. В моей книге этого нет, я не стал настолько глубоко заходить в эту тему. Ее основное отличие в том, что она проповедует структурализм, точнее — структуралистский структурализм. Старая школа основана на парадигме столкновения Карла Маркса и Макса Вебера. Новая школа социологии более критична, имеет широкий взгляд и больше вариативности. А также новая школа социологии ввела понятие «социального конструктивизма».

Олег Мальцев: Спасибо большое, профессор. Думаю, продолжим в следующий раз обсуждать этот вопрос.

ИНТЕРВЬЮ № 2

Олег Мальцев: Профессор Джером, сегодня я бы хотел обсудить с Вами, в чем разница между новой и старой школой социологии, с точки зрения того, что они делают. То есть, что делает новая школа, чего не делала старая, и наоборот?

Джером Крейс: Для того, чтобы я смог объяснить, в чем разница между новой и старой школой социологии, мне необходимо конкретное событие или предмет разговора, на который я могу опереться в своем ответе.

Олег Мальцев: Давайте возьмем такое явление, как криминал в Нью-Йорке. Как к изучению криминала подойдет новая и как подойдет старая школа социологии?

Джером Крейс: Подход старой школы к изучению криминала в Нью-Йорке был бы следующим: криминал существует в обществе, потому что обществу нужен криминал, и это естественный подход. Другими словами — это структурный функционализм (прим. — методологический подход в социологии и социокультурной антропологии, состоящий в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию).

Олег Мальцев: Мы могли бы сказать, что старая школа ориентирована на математические показатели и выборки?

Джером Крейс: Да, можно так сказать, что старая школа больше тяготеет не к качественным, а количественным показателям.

Олег Мальцев: Соответственно, новая школа тяготеет к качественным показателям?

Джером Крейс: Нет. Новая школа тяготеет к качественным показателям, но она более обширна. У нее в работе есть огромное количество видов различных данных.

Олег Мальцев: Книга Ж. Бодрийяра «Америка» описана на стыке качественных и количественных показателей и является вариантом переходного периода от старой школы социологии к новой школе, верно ли я рассуждаю?

Джером Крейс: Да, это так. Но нужно помнить, что новая школа как-то связана со старой школой. Она не отделена от нее полностью, даже если мы вспоминаем понятие «Теории потребления», а начинается от М. Вебера.

Олег Мальцев: Я Вас понял, одно продолжение другого — антагонизм. Если подойти к визуальным методам исследования, то они сложнее, чем использование качественных и количественных показателей?

Джером Крейс: Я бы не сказал, что они сложнее, это другая форма исследования. Например, вы можете провести визуальное исследование и использовать количественный или качественный подход.

Олег Мальцев: Объясню, почему я вывел в отдельную категорию визуальное исследование. Дело в том, что, когда мы используем количественные или качественные показатели, то с их помощью мы обрабатываем информацию. То есть, мы их используем, чтобы сделать верные выводы.

Джером Крейс: Все верно, но это не отличается от визуальной социологии.

Олег Мальцев: Когда мы используем визуальные методы, мы предполагаем, что это отражение деятельности общества в разные времена и исторические периоды, как некий отпечаток, слепок.

Джером Крейс: Да. Если Вы визуальные данные используете количественным методом, то Вас интересует количество этих данных. Если качественным методом, то Вы выберете несколько данных и будете изучать их глубину.

Олег Мальцев: Когда мы видим слепок, отпечаток, то выполняем несколько другую работу. Нам нужно в обратном порядке, как кинолентку, отмотать назад для того, чтобы понять, что послужило в обществе причиной возникновения этого слепка. И здесь уже мы имеем дело с некими другими методами исследования, которые минуют качественные и количественные методы.

Приведу пример. Мы увидели, что на заборе написано нецензурное слово. Мы знаем точно, что кто-то его написал, но мы не знаем, когда оно было написано (может полгода, может год назад). Но всех проходящих мимо людей это устраивает, раз слово продолжает «висеть» на заборе. И мы понимаем, что раз его никто не закрашивает, то, вероятнее всего, это приемлемая часть выражения субъектов этого общества. То есть, в этом обществе существует какой-то определенный протест.

В данный момент я не использовал ни количественных, ни качественных показателей, чтобы сделать этот вывод. То есть, это некие методы дешифровки данных, а не использование количественных и качественных методов для обработки уже понятных статистических данных, с целью делания выводов.

Джером Крейс: Я бы хотел с Вами поделиться, как визуальный социолог и простой человек подошли бы к изучению данных на вашем примере. Есть такой метод «Photo illustration» — проведение интервью, посредством использования визуальных фотографий. Например, Вы высказали некую гипотезу о том, что люди все видят забор, и якобы им все равно, что на нём. Но мы должны это доказать. Пригласим для эксперимента 1000 человек, проведем опрос, получим обратную связь, и это будет количественная визуальная социология.

Другой способ подхода заключается в анализе самого изображения, учитывая цвет, локацию и другие параметры.

Олег Мальцев: Однажды я был в Нью-Йорке с научным визитом, и там огромное множество подобных слов написано на заборах.

Джером Крейс: Есть специалисты, анализирующие граффити. Некоторые граффити носят криминальный характер, таким способом люди маркируют, где находится их территория.

Олег Мальцев: Ж. Бодрийяр написал книгу «Америка», не используя ни количественные, ни качественные показатели. Стоит отметить, что это мощнейшая социологическая работа, описывающая общество США, выворачивающая его наизнанку. На конференциях Бодрийяра американские ученые вставали и уходили из зала только за то, что он написал эту книгу. Так вот, эта книга написана с применением иных методов исследования, это как бы проникновение в тайну посредством определенных инструментов.

Джером Крейс: Это то, чем занимаются философы.

Олег Мальцев: Профессор, мы же говорили, что социологи занимаются исследованием общества, чтобы его сделать лучше?

Джером Крейс: Бодрийяр не собирает данных, это просто его мысли.

Олег Мальцев: Замечу, что какие-то они уж очень точные.

Джером Крейс: Есть такая традиция, распространенное явление, когда люди приезжают в США, они пишут свои наблюдения. Я с этим не спорю, написали и все, точка. Я не ставлю под вопрос валидность этих вещей.

Олег Мальцев: Но я говорю о методологии. Почему-то мы не допускаем гипотезы о том, что книгу можно писать на основании выводов, не предоставляя механизм исследования?

Джером Крейс: Может быть и такое. Вообще, в анализе любого общества идеи не совсем эмпирические.

Олег Мальцев: Когда я смотрю на исследования, которые проводят ученые, я всегда их делю на три категории: 1) данные, полученные посредством математического исследования; 2) качественные показатели (анализ и логика); 3) расследование, данные следствия.

Когда мы работаем с математическими показателями, нам нужна выборка, а если работаем с качественными показателями, нам нужны повторяющиеся явления, которые могут быть подвержены анализу при качественных и прочих показателях.

И когда у нас есть слепки, отпечатки, отражения деятельности общества, касаемо визуальных вещей, то мы можем только расследовать явление в обратном порядке. И это может быть всё, что угодно. Даже те же самые города, их отпечатки, делятся на исторические периоды. В большинстве городов есть «старый город» и «новый город». Деятельность старого общества отражена в старом городе. А деятельность современного общества — в новом городе. Но при этом, как вы понимаете, общество нового города возникло из общества старого города. Вам кажутся мои рассуждения неверными?

Джером Крейс: Я не против такого подхода. Единственное, что хочу добавить, Вы сказали про три категории исследований, которые проводят ученые. На мой взгляд, первые две категории: математические и качественные показатели — для меня это одна группа — расследования, исследования.

Олег Мальцев: Вы можете воспринимать их, как угодно. У любого человека существует собственная система восприятия, это ярко показывает эволюцию, генезис исследовательских методов от старой школы к современной школе.

Джером Крейс: Предположим, что наш предмет исследования — это город. Я считаю, чтобы изучить город, недостаточно выбрать одну из трех категорий. На мой взгляд, эти три категории между собой связаны, и одна категория может вывести к следующей.

Олег Мальцев: Все верно. Почему я их разбил на 3 категории, потому что они показывают эволюцию развития социологической школы.

Джером Крейс: Согласен. Если мы говорим о прогрессии, то новая школа социологии больше носит исследовательский характер.

Олег Мальцев: Так и есть.

Джером Крейс: В следующий раз, если мы будем говорить о визуальной социологии, может быть, покажем друг другу фотографии?

Олег Мальцев: Вы хотите обсудить фотографии?

Джером Крейс: Почему бы нет. Тем более я знаю, что Вы еще и фотограф. И мы могли бы поговорить о том, как Ваши фотографии относятся к отпечатку, который мы обсуждали.

Олег Мальцев: Хорошо, я подготовлю фотографии.

ИНТЕРВЬЮ № 3

Олег Мальцев: Здравствуйте, профессор Крейс! Я рад продолжить нашу беседу, и сегодня хотел бы поговорить о стадиях работы и отличиях научного и журналистского подхода в исследованиях.

Джером Крейс: Здравствуйте, Доктор Мальцев. Я тоже рад нашей очередной встрече. Ну что ж, давайте начнем. Когда я работаю со студентами в университете, то не преподаю визуальную социологию, если нет предмета. То есть всегда должен быть какой-то предмет.

Олег Мальцев: А пример предмета Вы могли бы привести?

Джером Крейс: Во-первых, я хотел бы сказать, что мне очень нравятся наши беседы, потому что они позволяют мне обдумать то, чем я занимаюсь. Готовясь к нашему разговору, я решил просмотреть рецензии на мою книгу «Видеть, как меняются города». Как пример, отвечая на вопрос, мы видим, как меняются города по всему миру в связи с тем, что это некая реакция на разные социологические процессы. Это и есть предмет исследования. Я хотел бы привести текст одной последней рецензии. Есть две основные рецензии на мою книгу, вышедшие в научном журнале «Культурная география». Они подчеркивают важный момент, несмотря на то, что эта книга описывает этнический и культурный контекст города. В том числе, в этом описании переплетаются международные отношения разных расовых групп. Самую главную роль в этом исследовании занимает пространство, именно пространство показывает нам плюсы и минусы визуального исследования. Заключение данной рецензии говорит о том, что книга будет полезна не только урбанистам, но и людям, которые занимаются социальными науками в целом. Она также рекомендована людям, которые изучают критическую социальную теорию и различные расовые и этнические вопросы.

Я думаю, Вам также будет полезен комментарий о том, что эта книга показывает, насколько важны визуальные методы, которые на данный момент не сильно привлекают внимание исследователей.

Олег Мальцев: Ну почему же, некоторых исследователей сильно привлекают.

Джером Крейс: Я это сказал в продолжение нашего предыдущего разговора, когда мы с Вами говорили о том, что визуальная социология немного маргинальная, она вытесняется из социологии.

Олег Мальцев: Это как раз одна из проблем, которая существует, и заключается в разнице науки в США, Европе и на постсоветском пространстве. Например, в Европе

и на постсоветском пространстве визуальная социология считается очень важной частью социологии.

Джером Крейс: Вы можете так говорить, но на самом деле это не совсем так.

Олег Мальцев: Почему Вы считаете, что это не так?

Джером Крейс: Это объясняется тем, что это достаточно новое направление. Например, основная организация в Европе, которая занимается этим направлением называется Международная Социологическая Ассоциация, ее главным соперником является Американская Социологическая Ассоциация. Нужно сказать, что в Международной Социологической Ассоциации лишь три года назад я стал одним из основателей Исследовательского комитета визуальной социологии. Хотя мы начали заниматься этим 10 лет назад, официально комитет приняли только три года назад.

Олег Мальцев: Я смотрю на этот вопрос с трех взглядов. Первый: авторитетность в науке мало кого интересует, важнее авторитетность в мире. Визуальные методы самые авторитетные сегодня в мире и совершенно неважно, что об этом думает Ассоциация Социологии, потому что она авторитетна только для ученых, а для всех остальных людей она авторитетом не обладает. Визуальные методы позволяют проводить практические исследования, на которые выделяются реальные деньги, то есть за это готовы платить. Визуальные исследования не требуют выборок, математических показателей и т.п., которые не всегда возможно произвести. А людям нужны быстрые данные для принятия решения. Второй взгляд: визуальные методы крайне доступны для восприятия людей, в отличие от других научных методов, которые даже читать никто не станет. Они никому не интересны. А визуальные методы интересны, мировая аудитория готова смотреть все, что можно показать на фото или видео, без картинок никто не хочет ничего обсуждать. То есть формулы никто смотреть не будет, так устроен современный человек — он не хочет читать непонятные выкладки. Поэтому, чтобы донести до общества какую-то информацию, нужно использовать визуальные методы, это некий мост между ученым и обществом. Третий взгляд: большинство ученых боятся визуальных методов, потому что они рушат их предыдущие выкладки и диссертации. По сути, визуальные методы выворачивают наизнанку многих ученых. Поэтому они очень боятся фотографий и видеозаписей, потому что они написали много научных работ, не выходя из кабинета, а когда выясняется, что все не так, как они написали, 20 лет их научной деятельности оказывается, как минимум, некачественной. Поэтому эти три вопроса делают визуальные методы сегодня ключевыми.

Джером Крейс: Должен ли я как-то отреагировать на эту диссертацию Доктора Мальцева?

Олег Мальцев: А вы считаете, что это диссертация?

Джером Крейс: Да! Это очень важная диссертация!

Олег Мальцев: Я просто выразил свое мнение и мнение многих ученых, составив их в три блока.

Джером Крейс: У меня нет причин не согласиться с Вами. Когда мы говорим о визуальных методах, это действительно очень сильный метод, который используется в журналистике, в науке и других сферах. Но, если мы говорим о визуальной социологии — это более узкое направление, и именно оно маргинализируется на данный момент.

Я и мои коллеги написали много работ о том, что визуальные изображения, документальные фильмы, фотографии работают намного мощнее, чем статьи, написанные с использованием количественных методов.

Олег Мальцев: Когда мы говорим о визуальном методе, например, в журналистике,

то журналистика очень часто дает толчок для академического исследования. Все могло начаться с журналистики, где на что-то натолкнулись и дальше идет научная работа.

Джером Крейс: Если мы вернемся к истории визуальных методов, о чем я не люблю говорить, потому что об этой сфере нет достаточно много знаний, но если мы говорим об этом, то нужно понимать, что в конце 19 века были конфликты вокруг того, что мы считаем научным исследованием, а что — журналистским социологическим исследованием. Эти дебаты продолжаются до сих пор.

Олег Мальцев: Но научное исследование предполагает применение научных методов, а журналистика применяет журналистские инструменты, а не научные методы.

Джером Крейс: Многие ученые-социологи используют, в том числе, журналистские методы. Из-за этого постоянно возникают вопросы валидности их исследований. Нужно также отметить, что в Чикагском университете был очень мощный факультет социологии города, где очень много людей стали учеными, но начинали они как журналисты.

Олег Мальцев: Я хочу показать разницу. Предположим, я исследую криминал Калабрии и провожу приватную беседу и записываю ее на спрятанный диктофон. Для журналиста — это сенсация, а для ученого — ничего. Ученому нужно официальное интервью, чтобы оно стало элементом выборки. Я не могу сослаться на интервью с инсайдером. То, что позволено журналисту, не позволено ученому. Поэтому получается, что я иногда получаю инсайдерскую информацию, я уже понимаю, что это так, а потом думаю, как сделать ее научной. И это может занять два месяца, пока я придумаю, как сделать это научно.

Джером Крейс: То, о чем Вы говорите, это этика. Есть этика в журналистике и этика в социологии.

Олег Мальцев: В том числе. Я просто говорю, в чем заключается разница двух подходов.

Джером Крейс: Журналистский метод секретного интервью, который Вы описали, очень часто используется в социологических исследованиях, но возникает проблема с конфиденциальностью респондента. Например, почему критикуют этнографию? Потому что в науке что-то может считаться валидным, если это можно повторить, а в этнографии рассматриваются единичные события. Поэтому мы полагаемся на авторитетность ученого. Если я возьму инсайдерское интервью и напишу об этом этнографическую работу, то валидность моей работы поставят под вопрос. Все будет зависеть не от общественного мнения, а от научного мнения. Примут ли мою работу, будет зависеть от того, доверяют мне или нет.

Олег Мальцев: Это является ненаучным. То есть, требования ко всем идентичны, никакой авторитет не может затмить нарушение правил. Например, я могу фотографировать только то, к чему можно вернуться. Когда я был в Хорватии, я сфотографировал некий объект в Дубровнике, и Вы также можете прилететь в Дубровник и увидеть то, что я снял. То есть, фотографировать можно то, к чему можно вернуться. А если я сфотографировал ситуацию, которой уже нет, то это уже журналистика, а не наука.

Джером Крейс: Фотография некой ситуации, как Вы говорите, — это некий кусок данных визуальной социологии. Потому что мы можем проверить, когда и где это произошло.

Олег Мальцев: Я хороший фотограф, поэтому я фотографирую так, что Вы не поймете, где это снято. Так можно ситуацию, произошедшую в Одессе, выдать за происшествие в Нью-Йорке. Поэтому мы фотографируем на 8 камер одновременно, со всех ракурсов одновременно, чтобы не было сомнений, чтобы не было игры ракурсов. Съемка на несколько камер показывает разные планы и ракурсы одной ситуации или одного объекта.

Джером Крейс: Очень хорошо. Это может быть искусством, журналистикой и это может быть наукой.

Олег Мальцев: Да, я говорю о том, что у журналистики и науки есть свои параметры и то, что позволено журналисту, не позволено ученому.

Джером Крейс: Мы с Вами занимаемся социальными науками, но, что является научным или ненаучным, определяют ученые.

Олег Мальцев: Определяет результат работы.

Джером Крейс: Наука — это социальный акт.

Олег Мальцев: Мы можем назвать научным тот результат, который достигнут научными методами.

Джером Крейс: Да, но кто это определяет, ученые?

Олег Мальцев: Ученые могут только оппонировать, они ничего не определяют. Они могут быть не согласны с тем, что я сделал, тогда им придется объяснять почему.

Джером Крейс: Но они не объясняют, и в этом вся проблема.

Олег Мальцев: Если они не объясняют, почему они не согласны, значит, они не ученые. Ученый обязан доказывать те мысли и факты, на которые он ссылается. Если он этого не делает, значит он не ученый — это и есть маргиналы, которые просто говорят «мне не нравится». Но они есть, что поделать.

Джером Крейс: Это то, что называется социальной жизнью, такое бывает.

Олег Мальцев: Я сделал работу, а какие-то члены научного сообщества могут быть не согласными. Они должны обосновать, почему они не согласны, а я буду доказывать, что их мнения ошибочны. Это и есть продолжение научной работы. Но я обычно так пишу, что желающих оппонировать нет. Потому что они знают, что кроме того, что я написал, у меня еще сейф того, что я не написал об этом.

Джером Крейс: То есть вы согласны, все зависит от репутации человека?

Олег Мальцев: Дело в том, что у меня существует определенная репутация, но я не выставляю репутацию вместо доказательств. Моя репутация строится на том, что я всегда доказываю гипотезы, которые выдвигаю.

Например, в СССР был выдающийся физик, которого я очень уважаю. Он написал работу о нелинейной механике. Научное сообщество не приняло ее, и сделало это совершенно справедливо. Потому что существуют стадии исследования и категории исследования. Прежде чем написать эту работу, сначала нужно было выдвинуть философскую концепцию. И только после этой философской концепции можно было писать работу о нелинейной механике. Он эту стадию пропустил. Но это не делает его менее великим ученым, просто научное сообщество считает, что правила нарушать нельзя. Это, по сути, величайшая работа о нелинейной механике, но она написана в обход философской теории. Именно за это ее раскритиковали, за нарушение правил, а не за содержание. И это справедливо.

Джером Крейс: Именно так. Даже Томас Кун написал, что так начинаются революции, потому что кто-то нарушает правила.

Олег Мальцев: Так было всегда. Визуальные методы — это одни из тех методов, которые не дают ученому нарушать правила. Ему говорят: «Покажи!». Или покажите пленочные фотографии с негативами, или это все ваши фантазии.

Джером Крейс: Если визуальное исследование сделано неправильно, то справедливо не принять это исследование.

Олег Мальцев: Профессор, давайте немного поговорим о Вашей программе изучения визуальной социологии для бакалавров. Можем ли мы разделить эту программу на об-

щие данные, которые человеку нужно знать, чтобы заниматься визуальной социологией, и специальные данные, которые нужны для конкретного типа визуальной социологии?

Джером Крейс: Да, мы можем так сделать. Своим студентам я сначала даю общий обзор визуального подхода в социологии. Также очень важно, чтобы он соприкасался не просто со стандартной социологией, а с классической социологией.

Олег Мальцев: А в чем разница между стандартной социологией и классической?

Джером Крейс: Разница существует. Вспомните наш разговор о старой и новой школах социологии. Придумано много терминов. Стандартная социология сегодня — это классическая социология плюс новая школа социологии. А классическая школа социологии — это старая школа социологии.

Олег Мальцев: Понятно. И последний вопрос. Сколько разделов должно быть в программе?

Джером Крейс: Очень важно понимать, что весь курс длится 15 недель. Наша программа будет отличаться от программы европейских университетов. С бакалаврами мы проводим два занятия в неделю, а с аспирантами — одно занятие в неделю. Первые пять недель мы изучаем классическую социологию, ее теорию и методы, смотрим, как это все можно визуализировать. Из СССР Вам хорошо знакомы Маркс и Энгельс. Мы смотрим, как их работы могут быть визуализированы, как выглядит буржуа.

Следующие пять недель мы рассматриваем современную социологию и смотрим, как визуализировать работы ее представителей. Чем современнее ученый, которого мы изучаем, тем легче визуализировать развитие технологий. Также мы изучаем разные методы исследования.

Последние пять недель — это практическая работа. Мы смотрим, как используются на практике разные методы, смотрим фильмы, фотографии и т.д. Например, выбирается тема или фильм, и студенты пишут рецензию на эту тему и визуально ее показывают.

Должен также сказать, что мои уроки часто посещают студенты-журналисты.

Олег Мальцев: Это замечательно! Большое спасибо, профессор, до скорых встреч!

ГЛАВА 2

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ В КУРСЕ

В данной главе вы познакомитесь с докладами руководителя Экспедиционного корпуса Олега Мальцева и профессора социологии Максима Лепского, которые были представлены в рамках международной научно-практической конференции «Город как учебная аудитория», состоявшейся 24–28 августа 2020 года. В рамках данной конференции учеными были впервые представлены: авторская методология исследования города как учебной аудитории; ключевые этапы исследования; шкала статусов горожан и факторы, определяющие развитие личности в городе; категории риска для человека в условиях города; влияние городов и их символической составляющей на этапы формирования личности человека; практическое применение разработанной методологии в научных экспедициях специальным подразделением «Института Памяти» — Экспедиционным корпусом.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОРОД КАК УЧЕБНАЯ АУДИТОРИЯ»

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ Ph. D. Олег Мальцев

*Город делает человека тем, кто он есть.
Олег Мальцев*

Само название данной конференции «Город как учебная аудитория» говорит нам о том, что город может чему-то научить. Исходя из нашей исследовательской деятельности, можно доказательно сказать, что город действительно способен научить человека, при этом достаточно многому, как с точки зрения реализации задач, так и достижения целей. Однако стоит отметить, что для этого необходимо обеспечить конкретные условия:

- Должна быть определенная методология, которая позволяет наиболее эффективно исследовать города с применением междисциплинарного подхода и превращать полученные данные в инструменты для реализации задач.
- Должна быть специальная научная группа, имеющая соответствующий уровень подготовки и ведущая систематическую исследовательскую деятельность по всему миру.

В «Институте Памяти», который я возглавляю, на данный момент выполняются оба эти условия. У нас есть Экспедиционный корпус — специальное научное подразделение «Института Памяти», а также существует четкая методология исследования, которая уже

показала свою эффективность в более, чем 30-ти экспедициях по всему миру. В этом докладе будет представлена деятельность Экспедиционного корпуса, а также этапы формирования этой методологии и ее применение в исследовании городов, регионов и даже целых государств. Научная деятельность по данному направлению в наших научно-исследовательских институтах проводится уже более 20 лет. Однако решение о создании Экспедиционного корпуса было принято 6 лет назад в городе Мюнхен. Именно в этой поездке мы приступили к исследованию городов как неких учебных аудиторий. Стоит отметить, что импульсом к этому послужило небольшое, но очень интересное открытие, которое в итоге переросло в постоянное научно-исследовательское направление. Исследование Мюнхена началось с самого центра — с Карлсплац, где на одном из центральных зданий стоят корабли. Это показалось нам очень странным, поскольку в самом центре города, в котором нет моря, уже не первый век стоят корабли, а сам Мюнхен пропитан символикой морской традиции. Мы поставили вопрос на исследование: «Почему Мюнхен сам по себе является неким остовом никому неизвестной морской традиции?». На основании многолетнего исследования подобного явления по всему миру мною впоследствии была написана научно-методическая книга «Тень европейского континента» (О. Мальцев 2019).

Рассмотрим 3 этапа, которые были пройдены при формировании нашего подхода.

Этап 1. Исследование языка городов. Для того чтобы с научной точки зрения изучить города, применяя в исследовании прикладные исторические методы, необходимы источники, которые не вводят в заблуждение. Документы — вещь абсолютно ненадежная, потому что любой документ можно переписать или заведомо написать ложно. Кроме этого, они могут быть сожжены, уничтожены или потеряны. В данном случае здания как источники являются более надежными в силу того, что никто не позволит вам сжечь или разрушить здание в центре города просто так. Символизм этих архитектурных сооружений и является языком Европейского мистицизма. В период изучения архитектуры Мюнхена, которая «говорила» с нами посредством символов, была обнаружена целая система построения центра города, то есть, каждое здание, каждый храм находится на том месте, где ему положено. Здесь мы увидели, что система построения города делит город на типы людей. У каждого типа есть соответствующий храм. Они могут ходить только в этот храм и не могут зайти в тот, который им понравился. Кроме этого, в Мюнхене достаточно серьезная градация храмов внутри самого дворянского рыцарского корпуса — от Храма Рыцарей Престолахранителей до Храма Повелителей сердец. Это целый рыцарский орден. И каждая ступень этого рыцарского ордена имеет свои задачи в обществе, в жизни и на войне. И самое главное в том, что все эти здания содержат информацию, которая необходима, чтобы благополучно жить тому или иному сословию. Итак, на первой стадии мы учили язык, разбирались с криминологией, разбирались с другими источниками информации, которые бы нам позволяли проводить исследования. По сути, Германия сформировала Экспедиционный корпус, научила читать, писать, получать информацию в сложных условиях, подготовила методологически к работе на территории всего мира. Другими словами, все наши экспедиции по Германии научили нас как учебники. А поскольку Европейским мистицизмом мы занимались уже более 20 лет, нам было с чем сравнивать. Кроме того, мы обнаружили этот символический язык в Мексике, в Аргентине, в Бразилии, в Соединенных Штатах Америки, в Европе. Другими словами, он идентичен практически на территории всего земного шара, практически во всех регионах, где была Испанская империя.

Этап 2. Город, как система тренировки. Каждый город представляет собой целую систему тренировки для человека, который в него попадает. Идея того, что город может тренировать, пришла во время моей первой поездки в Палермо. Палермо — удивительный город. Первое интересное явление, которое я заметил, заключается в том, что в этом районе есть очень странные правила и традиции, которые нам с вами совершенно непонятны. Например, там считается естественным вылить на голову человеку таз с грязной водой. Для меня это было странно, но как ученый я начал разбираться в данном вопросе. Я очень быстро понял, что люди, которые здесь живут, с самого детства приучаются к тому, что на голову таз с водой могут вылить в любой момент времени, поэтому они ходят определенным способом. Они видят всё — и наверху, и внизу, и справа, и слева. В результате они вырабатывают в себе такие навыки, чтобы таз на голову им все-таки не вылили. Второе, что я увидел — это огражденные катакомбы. Это, по сути, говорит нам еще об одном феномене — мы имеем дело с 3-этажным городом. Был город, потом он почему-то провалился под землю, на «голову» этого города поставили второй город, а потом и третий — и это город, который мы видим сейчас. На самом деле Палермо — это уникальный, удивительный город, который является бессознательной тренировочной и учебной площадкой для человека.

После долгой работы, у меня родилась решетка, которая является базовой для всех городов:

- Антропологический уровень тренировки. Например, Палермо тренирует вас смотреть не только по сторонам, но и вверх, и вниз. При этом антропологический уровень в каждом городе будет выглядеть по-своему.
- Биомеханический уровень тренировки. В Палермо на этом уровне стоит отметить такую тренировку как “вождение автомобиля”, которая учит глазомеру работе с памятью. Улочки в Палермо узкие, они тренируют водителя определять, сможет ли он проехать на своем автомобиле. При этом улицы запутанные, поэтому важно уметь ориентироваться в городе по памяти.
- Психологический уровень тренировки. В Палермо это отношения между людьми, с государственными властями и с полицией. Это уровень разрешения конфликтов, и Палермо отлично этому тренирует.
- Символический уровень тренировки. Храмы Палермо просто потрясающие учебники Европейского мистицизма.

Безусловно, каждый из городов имеет свою решетку уровней тренировки и свои особенности.

Этап 3. Изучение фактической истории города и фактической истории ретрансформации личности в этом городе. На этом этапе мы изучали феномены в разных частях мира — в Мексике, США, странах Европы и заканчивая родной Украиной. По сути, именно этими исследованиями мы заняты сегодня. И здесь очень помогли наши исследования криминальных традиций, поскольку любая криминальная традиция — это уникальное транспортное средство истории, которое помогало нам восстанавливать фактическую историю города (Мальцев 2018). Именно криминальная традиция показала основной феномен ретрансформации личности.

Данная схема формирования — только пример, который характерен для определенного региона. Любая криминальная традиция — это симбиоз. Криминал существовал всегда в той или иной форме. Рассмотрим принципиальную модель формирования криминала.

«X1» — Исходный эквивалент — это люди, совершившие преступления, люди, которых отправляли на каторгу и т.д. «X2» — В определенный момент времени людьми, которых начали считать преступниками, стали евреи. «X3» — Когда началась эпоха великих географических открытий, самыми плохими людьми стали пираты. Затем появились другие категории людей — это заговорщики, дворяне, злодеи и так далее. Они в нашей схеме станут — «X4», «X5», «X6». Далее «X1» и «X2» формируют новое поколение — B1, которое является ретрансформацией этих эквивалентов. B2 появляется как ретрансформация X2 и X3, затем появляются B3-B5 как ретрансформации остальных эквивалентов.

Есть только два крайних эквивалента, которые не подвержены ретрансформации — «X1» и «X6». Все люди, которые оказались в условиях этих двух эквивалентов — от B1 до B5 — вобрали в себя весь опыт предыдущих поколений. Как такое могло произойти? Очень просто: благодаря власти. Вместо того, чтобы этих людей разъединить, они их соединили, то есть отправили в одно место — в тюрьмы. Евреи дали им самую сильную религию на земле. Пираты научили их биться в самых невыносимых условиях с применением холодного и огнестрельного оружия. «Несогласные» научили их методам конспирации, ухода от полиции и т.д. А революционеры научили их террору, превратили их, по сути, в террористов. Получился серьезный изолированный центр подготовки, а к определенному моменту времени тюрьмы стали прекрасными школами подготовки спецслужб. Эти люди впитали в себя весь «деструктивный опыт» всех предыдущих поколений. И им даже предоставили специальные заведения для того, чтобы их подготовить. Именно власть, которая придумала тюрьмы и каторги, создала эти страшные криминальные сообщества, которые живут по настоящий день.

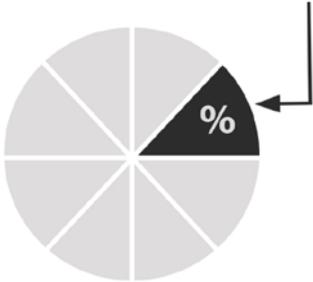
Когда мы смотрим на город, мы видим ту же самую парадигму, и мы можем, изучая город, его историю, изучая ретрансформацию личности таким методом, получить ту личность, которая сегодня существует в городе. Также можем объяснить, почему среднестатистический житель этого города выглядит именно так, и ведет себя определенным образом. Причина этому — целая описанная выше система, которая формировала жизнь человека и его предков на протяжении многих лет и передавала эти знания на бессознательном уровне в режиме программной судьбы, которую описывал основатель судьбоанализа Леопольд Сонди (Szondi 1956).

Стоит отметить, что на базе результатов проведенных исследований таких криминальных сообществ, как Ндрангета, Мафия и Каморра, а также той территории, на которой они родились — Калабрии, Палермо и Неаполя соответственно — я написал монографию «Философия Юга Италии» (Мальцев, Лунев 2020). В этой книге, в том числе, был разрешен парадокс Бодрийяра, ключевым тезисом которого является «копия без оригинала» или симулякр. Другими словами, почему люди воспринимают все явления совершенно неверно, и каждый — по-своему. По сути, мы показали главную причину возникновения симуляции в городе. Например, существует Мафия в Палермо, которая в разные периоды истории воспринималась по-разному. Восприятие людьми мафии в 12 веке отличается от их восприятия в 13-м, 14-м веке и так далее. Эти типы восприятия попадают в круговую диаграмму. То есть всегда будет существовать определенный процент людей, которые воспринимают мафию как «мафию 12-го века», но есть те, кто воспринимает ее как мафию 13-го века, 14-го, и так до 21-го века. В дополнение к этому, в определенный момент времени Мафия разделилась на американскую и итальянскую, которые различаются. Если мы проанализируем двух людей, их восприятие одного и того же явления будет кардинально отличаться, и причина тому — парадокс Бодрийяра.

**В НАСТОЯЩЕМ ОСТАЮТСЯ СЛЕДЫ ПРОШЛОГО
КАК УСЛОВИЯ ГОРОДА И САМ ГОРОД ВЛИЯЮТ НА РЕТРАНСФОРМАЦИЮ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
ПРИМЕР: ВОСПРИЯТИЕ МАФИИ**

ВОСПРИЯТИЕ МАФИИ В РАЗНЫЕ ВЕКА - РАЗНОЕ

**ВСЕ ВИДЫ ВОСПРИЯТИЙ ПРОДОЛЖАЮТ
СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
ОДНОВРЕМЕННО В КАКОМ-ТО
ПРОЦЕНТНОМ СООТНОШЕНИИ**

В заключении отмечу, что перечисленные три этапа показывают подход Экспедиционного корпуса к исследованиям. Однако стоит понимать, что в рамках доклада сложно описать его комплексно, поскольку каждый этап и каждый используемый нами инструмент имеет глубину. Но принципиальная схема такого способа выглядит так:

1. Изучение фактической истории города с использованием безукоризненных источников — архитектурные сооружения, оружие, воинское искусство и криминальные структуры;
2. Изучение ретрансформации личности человека специальными методами;
3. Сопоставление данных между собой, с применением экспертной оценки на базе счетно-решающей машины Сонди, расчет объемов при помощи счетно-решающей машины Роршаха. Имея интегратор, можно сразу переходить от объемов к системам координат, к терминалам и т.д.

Исходя из этих данных, можно точно заключить не только, как город влияет сегодня на человека, а почему город сформировал именно таких людей на протяжении определенного количества исторических периодов времени. Такой подход применим не только к городу, но и государству. Мы можем охарактеризовать человека, который живёт сегодня в этом государстве, и мы будем понимать, с каким типом людей имеем дело и чего от них ожидать. Это и есть менталитетная составляющая.

В экспедициях мы используем метод погружения в среду, разработанный академиком Григорием Семеновичем Поповым, который я дорабатывал уже в ходе своей профессиональной научной деятельности в режиме полевых исследований (Г.С. Попов 1951). Суть метода погружения в среду заключается в том, что ученый действительно превращается в человека, проживающего в исследуемом городе, и это крайне непросто. Вышеуказанные специальные методы исследования позволяют решать исследовательские задачи и получать крайне достоверную информацию. Таким образом, Экспедиционный корпус, проводя исследования более 6 лет по всему миру, научно вывел и обосновал крайнюю эффективность и результативность данной методологии, как с точки зрения добывания точной и исключительной информации, так и практического применения этих данных в жизни и деятельности.

Литература:

Szondi L. (1956). Ich-Analyse. Die Grundlage zur Vereinigung der Tiefenpsychologie. Teil 1. Bern: Hans Huber.

Szondi L. (1956). Ich-Analyse. Die Grundlage zur Vereinigung der Tiefenpsychologie. Teil 2. Bern: Hans Huber.

Мальцев О.В. (2019). "Тень европейского континента". Середняк Т.К.

Мальцев О.В. (2018). "Обманчивая тишина". Середняк Т.К.

Мальцев О.В., Лунев В.Е. (2020). "Философия Юга Италии". Середняк Т.К.

Попов Г.С. (1951). Феноменология памяти: основные методологические подходы к исследованию памяти человека. [Рукопись]. Архив «Института Памяти».

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД

Prof. Максим Лепский

Постановка вопроса: «С чего начинается город?» определяет понимание того, как формируется горожанин, что определяет его социализацию, включение и освоение культуры города, передача ее и противоречие с другими культурами, становление, развитие и обучение человека в городе, а также пространство и время его проживания, механизмы общежития людей в том, что они наполняют смыслом и значением города. Первоначальное для человека осознание города связано с домом как убежищем и центризмом института семьи, но первая сборка социальных отношений происходит не

только в среде семьи, но и в отношении «семья-соседи» — во дворе. Во многих произведениях литературы, мемуарах и микросоциологических исследованиях именно двор занимает особое место не только как пространство повседневности, но и пространство формирования социальных отношений с другими, да и, собственно, характера человека.

Сначала ребенок получает понимание личностных опор, когда гуляет во дворе под присмотром мамы, бабушек и дедушек, старшей сестры или брата. Степень контроля, расширение пространства деятельности, одобрение или неодобрение определяют способность личности рисковать, брать на себя ответственность [1], понимать отношения во дворе, которые не всегда полностью соответствуют закону, но быстро корректируются дворовыми обычаями, нормами, фреймами и правилами. Так вот, центр сборки у нас — это двор, квартал, в Испании — *barrio* (существительное — квартал, район, соседство, в глагольной форме — подметать и даже воровать), в Италии — *cortile*. Это центр сборки отношений на территории проживания и межпоколенческих взаимодействиях. Именно поэтому такая идеализация детства городских дворов запорожских, одесских, киевских, питерских, Арбата и т.п. Позже добавляются социальные институты (первичной социализации), которые часто называются по аналогии с выращиванием и окультуриванием природы — детский сад (аналогия: выращивание растений), детские ясли (аналогия: выращивание животных), позже школа и университет (первоначальное обучение в которых строилось по аналогии с религиозным обучением), после обучения социализация происходит в профессиональной среде организаций и предприятий. Модульные концепции кварталов, районов (спальных, торгово-бытовых комплексов, административных, культурно-исторических и др.) связаны как раз с микро- и мезо-пониманием начала города как среды.

Динамическое понимание города — это определение города, как взаиморасположения зданий, архитектурных сооружений на рельефе местности и транспортных путей. Динамика определена скоростной размерностью движения, так «города и поселения на пути Святого Якова (Сантьяго-де-Компостела)» соразмерны динамике движения паломников, их светопериодичностью, культовыми объектами и т.д., «город для людей» соразмерен движению людей, проживающих в городе — прежде всего прогулкам. Город может быть соразмерен велосипедному движению, автомобильному транспорту, авиационному (вертолетам) и массовым потокам — метро и общественный транспорт. Все это определяет техно-социальную динамику города с доминанцией технологии перемещения, направленностью, ориентирования, которая определяет случайные и периодические связи горожан. Появление случайных социальных групп: прогуливающих, пассажиров общественного транспорта, ожидающих на остановках, а также профессий, обслуживающих эти динамики. В социальном плане динамика городов — это не только поколенческая динамика, которая безусловно входит и важна в социологическом анализе, но и миграционная динамика — отсюда такой интерес к мигрантам, беженцам (бегущим от катастроф и войн, «динамика от») и экономическим мигрантам (меняющим место жительства в поисках лучшей жизни, «динамика к»). Миграционные процессы определяют целый комплекс исследований: мест и компактности проживания, сегрегации, противостояния и освоения культуры города и культуры мигрантов, ресоциализация и адаптация, вытеснение приезжими или приезжих, криминализация и т.д. Этими проблемами первой занималась Чикагская школа социологии, заложив определенные традиции проблематики социологии города. После активной фазы военного конфликта на Донбассе «временно перемещенные лица», граждане Украины, селились на подконтрольных Украине территориях, что отражено в исследо-

вании доктора социологических наук, профессора Иванковой-Стецюк О.Б., в различных формах — в компактном территориальном проживании (это форма по аналогии была названа «гетто»), в разреженной форме проживания, но с устойчивыми социальными связями — «диаспора», и как, собственно, граждане Украины, без акцентирования внимания на статусе пострадавших, включающихся в жизнь городской громады.

Рассматривая специфику механизмов обучения в городе, необходимо обратить внимание на потоки притяжения и отталкивания, что тесно связано с методами изучения, известными как «ментальное картирование» — в местах и пространствах презентации города, в которые горожане ведут своих друзей для знакомства с городом, и «теневыми», непрезентабельными местами и пространствами, в которые точно приезжих друзей не поведут. Естественно, пространства аттракции, притяжения, обладали своим центризмом и ранее: агора и культовые сооружения в полисах древней Греции, в средневековых городах — это центры власти (дворцы и палацы), религиозные сооружения (центральные и поместные соборы), торговые площади, университеты и т.д. Так, во время Пражского рейда в 2019 года мы изучили полицентризм Праги, ее 5 центров формирования власти и, соответственно, тяготение периферии к этим центрам, что обуславливало историческую специфику формирования социальных отношений в городе, его «генераторы энергии жизни» [2].

Город проявляется как среда, сфера и полиморфные сети. Среда определяет условия формирования социальных отношений, локально и глобально, абстрактно и конкретно, сфера определяет направленность жизнедеятельности человека, группы, общности в совокупности социального пространства и времени, социальных институтов как совокупности (в социальной, экономической, политической, культурной, военной, технологической сферах), сети отражают самоорганизационную специфику связей при отсутствии жесткого централизма, в конфигурации отношений. В результате город выступает в своем содержании как зависимость от таких характеристик, как масштаб и плотность. Масштаб определяет «след города» в окружающей среде, в продовольственном плане, в связанности путей сообщения и торговли в схеме Ф. Броделя «село-городок-город-столица». В психологическом и социологическом срезе Г. Зиммеля масштаб города, точнее его увеличение, отражает возрастание психологической нагрузки и разобщенности [3]. Масштаб городов, близость их границ и взаиморасположенность определяют и геополитическую связанность (дуальные, триплетные города, круги городов, связанные в маршруте города и т.д.). Плотность городов, как плотность проживания, определяет глобальные угрозы и скорость их поражающего фактора. И, наоборот, плотность городов определяет их политическую, экономическую, а также творческую и интеллектуальную емкость, нехватка которых определяет застой и упадок. С плотностью городов непосредственно связаны процессы джентрификации (реконструкции пришедших в упадок городских кварталов, благоустройство и привлечение состоятельных жителей), ревитализация, возобновление, воссоздание и оживление городских пространств, включение в городскую черту поселений-спутников, маятниковая миграция из пригородных зон, расцвет городских предместий и субурбанизация и т.д.

Практически центральной темой фантастического произведения Клиффорда Саймака «Город» был мысленный эксперимент о том, к чему может привести катастрофическое снижение масштаба и плотности городов. Так, холодная война, в которой центральной является атомная угроза, определила в качестве предмета поражения ядерного взрыва города с высокой концентрацией населения. Для преодоления этой угрозы принимается решение о деконцентрации населения в предместья в удобных постройках поместья

в индивидуализированном модульном строительстве жилья. С развитием робототехники, воздушного транспорта — вертолетов, информационной связанности, вместо городов стали развиваться предместья со своими психологическими проблемами и социальными противостояниями неуспешного городского андеграунда. Некоторые тенденции фантастики Клиффорда Саймака становятся пророческими при другой глобальной угрозе — пандемии, которую также связывают с плотностью населения. Плотность города определяет и другие важные для изучения значения с позиции глобального значения города, иерархии власти, торговой и финансовой мощи, новых и традиционных технологий, индустриальных, информационных, когнитивных, культурных, общественных и других пространств. Город обладает и другими измерениями с позиции семиотики, символики, смысла и прототипов для себя и других. Все это фокусирует исследование города при высокой чувствительности города к технологиям, как об этом гениально написали братья Аркадий и Борис Стругацкие в произведении «Хищные вещи века», когда случайно открытое влияние технологий на удовольствие меняет полностью социальные отношения, зависимости и дееспособность людей, далеко не к лучшему. Фокусировка восприятия и осознания города непосредственно связана с «зумингом» (приближение или удаление, смены масштаба рассмотрения) изучения города с фокусировкой исследования на различном масштабе от дома и двора до глобального значения, избрание рамки исследования города и его основных связанностей и процессов.

Все это определяет целесообразность и междисциплинарность исследования города историческими, экспедиционными методами, а также инструментами визуальной антропологии и социологии, ментального картирования; символического и семиотического подхода, психологии и социологии города, системного, синергетического, фрактального исследования, деятельностного и институционального подхода. Изучается человек и его дееспособность, повседневность, общности, социальные группы в стратификации, деятельности разномасштабных субъектов, инновационных изменений и инфраструктурно-технологического развития. Такое многообразие тем и аспектов изучения все больше ставит вопросы о сущностном и универсальном в многообразии. Поэтому вопрос «С чего начинается город?» определяет лишь только точку отсчета для последующего исследования единства в многообразии городов, возможности развития человеческой цивилизации в будущем.

Литература:

Колризер Дж. Спасти заложника. Как управлять эмоциями, оказывать влияние на людей и разрешать конфликты. Практические советы от опытного переговорщика / Джордж Колризер; пер. с англ. Г. Любимовой. М.: Мани, Иванов и Фербер, 2014. С. 119–132.

Лепский М., Дударева И. Культурні коди та функціональні смисли поліцентризму міста (на прикладі Празького експедиційного рейду 2019 року) // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпряниці / Гол. ред. М. А. Лепський; Запорізький національний університет. — Запоріжжя: КСК-Альянс, 2019. Випуск 40. Том 2. С. 12–22.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журн. по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 23–34.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ КАК СОВОКУПНОСТЬ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СТАТУС И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

- **Методология исследования города как учебной аудитории.**
- **Шкала статусов горожан и факторы, определяющие развитие личности в городе.**

Ph. D. Олег Мальцев

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Говоря о методологии исследования городов, поделюсь той практикой, которую я получил совместно с моими коллегами в ходе работы в разных городах во время экспедиций. В такой исследовательской деятельности нам действительно было необходимо получить качественную научную информацию.

Методология исследования города — это достаточно сложная тематика, целое поле. И знакомство с этим «полем» я бы хотел начать следующим образом: давайте представим себе *город как многоэтажную систему наук*. «Зачем это нужно?» — возникает вопрос. Такой подход требуется ровно для того, чтобы мы могли понять, с какой из наук нам надлежит иметь дело при исследовании, чтобы выстроить методологию эффективно, в соответствии с поставленными задачами.

Так, в среде любого города, словно невидимые этажи, существуют и антропологическая составляющая, и психофизиологическая составляющая, и психологическая составляющая, и менталитетная составляющая (эти блоки изучают многие дисциплины — от социологии — до статистики); и символическая составляющая, которую формирует огромное число артефактов и объектов — от памятников архитектуры, культовых учреждений — до картин, фресок, изваяний, скульптур, и т.д. Соответственно, если подходить к исследовательской задаче изучения города «однобоко», то есть, применяя методологию только одного уровня, то при таком подходе будем получать информацию только на этом уровне. Например, выбрали уровень психофизиологический для изучения города Венеции, соответственно, выбрали методологию этого «этажа» — и получили на выходе только информацию психофизиологического толка о Венеции. А о четырёх других блоках — не узнали ничего. Но это совершенно не отразит ситуацию комплексно. Все потому, что мы будем видеть только часть информации о городе, но не всю, не на 100 процентов. Поскольку речь идёт о городе как об учебной аудитории, в данном разрезе важно отметить, что именно **все уровни методологии исследования города воспитывают человека как личность в этом городе**. В этом и заключается сложность подхода к исследованию городов, поэтому нужно либо выяснить некую зависимость этих уровней друг от друга, либо поэтапно исследовать каждый уровень, а затем соединять эту информацию между собой.

Долгое время работа в разных точках мира привела нас с коллегами в Экспедиционном корпусе к разработке чёткой методологии комплексного исследования города (на всех уровнях — от символического до антропологического). Более того, в полевых исследованиях мы давно заключили, что именно символический уровень города строит прочие уровни вниз. Причём символический уровень города существует как видимый, так и не видимый. *Что такое невидимый символ?* Предположим, в городе «А» жил какой-то человек, информация о нем практически не сохранилась, да и в самом городе нет ни одного архитектурного сооружения, памятника, который нам бы показывал значимость этой личности для города. Но этот человек оставил в истории города ни с чем несравнимый вклад. Для туриста или обычного посетителя невидимая историческая фигура может так и остаться неизвестной, но для любого местного жителя эта личность может

быть легендой и символом (собственно, не все знаменитые люди в городах стали международными символами, известными на весь мир). Далее эта система видимых и невидимых символов города «А» впоследствии как раз и строит менталитетную составляющую. В свою очередь эта менталитетная составляющая будет формировать психологическую составляющую города. Соответственно, ещё ниже будет выстраиваться психофизиологическая составляющая и антропологическая составляющая. То, что я описываю, — это принципиальная схема (визуальная для обзора) методологии исследования города.

На схеме изображена многокомпонентная (или «многоэтажная») машина, формирующая среду города, причём некоторые её элементы видимы (памятники архитектуры), а иные — недоступны глазу человеческому (традиции, эпос, неписанные правила и так далее). Данная машина, как невидимый двигатель города, неким образом влияет на жизни и судьбы живущих в этом городе, и под этим влиянием возникает некая иерархия общества (не секрет, что все люди — разные и уникальные). Безусловно, проживая в городе, человек проходит определённую тренировку, которая формирует его как личность, и, что немаловажно, это совершенно не зависит от желания или предпочтения жителя города, поскольку всё происходит на бессознательном уровне.

Более того, сегодня «объять» при исследовании в одном городе вместе две части самого города — традиционную (что было ранее, историзм) и постмодернистскую (что происходит сейчас, современная динамика) — достаточно непросто. Но именно символизм, словно инструмент, существующий вне времени и пространства, позволяет удержать обе составляющих города вместе, соединяя их в своего рода шар — единую систему, единую невидимую машину субстанции.

Далее предлагается рассмотреть шкалу статусов горожан и осмыслить факторы, влияющие на приобретение того или иного статуса в любом городе. Ранее, при рассмотрении основ методологии исследования города, отмечалось, что эта исследовательская концепция строится сверху вниз: от символизма до антропологического уровня (см. схему «Методология исследования города»). Вторая же шкала — шкала статусов — движется снизу вверх, подобно растущему дереву, а факторы среды города влияют на приобретение личностью статуса в этом городе.

Представим две структурные параллели: так, шкала № 1 «Методология исследования города» строго соответствует шкале № 2 «Статус и осознание себя личностью в городе». Каждая личность, которая или родилась в городе «А», или проживает в нём длительное время, может стать символом этого города (самый высокий статусный уровень — уровень авторитета) Однако не будем «прыгать на самый верхний уровень», будем двигаться снизу вверх.

Первый уровень шкалы «Статус и осознание себя личностью в городе» — **это жители этого города**. Некоторые учёные по аналогии сравнивают этот первый уровень с муравейником. Дифференциация горожан делит жителей на тех, кто в городе проживает постоянно, и на тех, кто приехал ненадолго (туристы, гости). Значит, исходя из представленной дифференциации, ты либо принадлежишь этому городу, либо не принадлежишь. И «муравьи» одного города (образно выразимся) очень сильно отличаются от «муравьев» другого города.

Далее мы переходим на **второй уровень дифференциации статусов**, и на этом уровне говорим о занятости человека, то есть, **о принадлежности человека к профессии этого города**. Например, если говорить о Венеции, в среде этого уникального города есть такая профессия как «гондольер» — настоящий символ Венеции; более того, эта профессия передается по наследству. Чтобы стать гондольером, вы должны быть венецианцем, вам должны передать по наследству эту профессию, по-другому на Венеции гондольером стать невозможно. К слову, уже на этом уровне человек только за счет профессии может стать символом города.

Уровень статусов № 3 определяет, к какому обществу принадлежит тот или иной человек в городе, что **подразумевает степень его влияния и власти**. Например, некоторые личности не представляют своей жизни и деятельности без участия в движении общественных организаций, многие становятся членами партий, клубов, организаций по защите окружающей среды и так далее.

Уровень № 4 говорит о том, **как жителя некоего города воспринимают в других странах, в других городах**. Например, когда я приезжаю в Мюнхен и говорю, что я из Одессы, обыкновенно все рады, поскольку Мюнхен и Одесса — города-побратимы; так, огромное количество одесситов живет в Мюнхене, и эти города весьма схожи.

Уровень статусов № 5 свидетельствует, становится ли человек **символом своего города**. Приведём такой пример. Жители других городов могут ничего не знать о некоем городе «А», и всё, с чем у них будет ассоциироваться этот город «А» — некий исторический факт, что в городе некогда родился и жил влиятельный человек — яркий персонаж, значимая историческая фигура. Допустим, я назову город Вормс. Наверняка некоторые представят малый аккуратный немецкий город с точёными домиками, как из сказки. Вспомним, что в этом городе жил мудрец Раши и что здесь сохранилась синагога с его наследием — и образное восприятие вами города изменится. А если обратиться к тому факту, например, что именно здесь, в Вормсе, Мартин Лютер провозгласил идеи протестантизма — так представление о городе снова поменяется. Почему?

Ключ — личность и её вклад в развитие города (в том милое, на международной арене). **Личность как символ города — и есть наивысший статус**, отмечающий знаменитых и выдающихся людей, воспитанных и закалённых в условиях ого или иного города. При этом, безусловно, символическая составляющая города «перечнем людей-символов» не ограничивается, это лишь один из исторических «пластов», которые мы можем исследовать и извлекать полезные уроки. Например, как достичь такого триумфального уровня, как великий Нарни Эразмо, хозяин Падуи, которому и по сей день слагают песни и возводят памятники? Или вот вопрос: почему некоторые люди уезжают из родных городов, чтобы сделать карьеру в иной среде? Или как так получается, что в одном городе человеку удастся достичь, например, бизнес-высот, а в другом городе он не может «переповторить» свой успех? Эти и иные вопросы имеют непосредственную практическую значимость; даже малые догадки и гипотезы уже позволяют по-другому взглянуть на тайны воспитания личности, формирования характера победителя и триумфатора или успешного человека.

СИМВОЛИЗМ ГОРОДОВ, ФОТОГРАФИЯ, ЭКСПЕДИЦИОННАЯ НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДОВ

- **Методы исследования городов, в том числе посредством технических средств, таких как: фотография, визуальная социология, технические средства регистрации информации и другие инструменты исследования.**
- **Природа и причина существования символизма в городах и как символизм влияет на развитие личности?**

Ph. D. Олег Мальцев

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Будучи ученым, я использую фотоаппарат для научной фотографии, а также для работы в криминологии и криминалистике. В свое время прочитав «Золотую книгу Rolleiflex» (1928), я был очень удивлен, какое огромное число ученых используют фотоаппарат

в своих научных целях. Мне довелось быть участником конференции в Гейдельберге, где было множество ученых и профессоров, которые в ходе конференции пришли к общему согласию, что фотография, особенно научная, требует определенных параметров. Особенно это касается аналоговой фотографии, которая имеет бесспорный аспект доказательства в науке. К тому времени я уже достаточно длительный промежуток времени использовал фотоаппарат в качестве инструмента для исследования городов по всему миру, и когда мы вышли на определенный исследовательский уровень, я издал научно-методическую книгу «Тень Европейского континента», в которой описал **методологию использования фотоаппарата для получения научных данных при исследовании городов.**

Достаточно недавно я вместе с моими коллегами профессором Максимом Лепским и членом-корреспондентом УАН Алексеем Самсоновым написали научную монографию «Фотография как источник научной информации». Мной также были использованы и многие другие методы при исследовании городов, например, методы журналистики и другие технические системы, о чем также подробно можно ознакомиться в книге «Компас судьбы». Эта книга является неким гибридом криминальных расследований, научного и журналистского подходов, примененных в исследовании городов.

Особое внимание я бы хотел сосредоточить на деятельности мировых фотографических обществ. Я являюсь председателем Одесского фотографического общества, одного из старейших в Европе. В этом году общество празднует 129-летие со дня основания. У нас есть дружественные общества в Италии и в Германии. Многие из фотографов этих обществ проводят свои научно-фотографические работы в городах. Архивы этих фотографических обществ имеют огромную ценность для любого ученого как источник научной информации.

Сегодня фотоаппарат является основным научно-исследовательским инструментом при исследовании городов, но существует огромная проблема с научной методологией при использовании технических средств и фотографии. Этому в академической среде почему-то уделяется очень мало внимания на протяжении последних 50–70 лет, хотя сама фотография развивалась достаточно активно. По этой причине сейчас приходится проводить дополнительные научные исследования с целью построения новых методик решения этих задач в городах. Я занимаюсь исследованием символизма в городах более 30 лет.

Символы — это целый язык, несущий в себе огромное и бесценное знание. Кто знает этот язык и умеет его читать, тот может понять, что хотели донести предыдущие поколения. Сокровищницей символизма является Западная Европа: Германия, Австрия, Италия, Испания, Франция и т.д. Когда рассматриваем символизм в городе, важно понимать, что, по сути, причиной этого символизма является необходимость передавать дальше во времени знания и данные тем людям, которые понимают, что здесь написано символьным языком. Но сегодня, когда мы смотрим на архитектуру современных городов, видим исключительно психологическую составляющую архитектуры, и она без символов (то есть, не имеет символов). Это говорит о том, что современная наука практически потеряла это знание. Но еще относительно недавно, в период 16–19 веков, архитектура городов была совершенно иная: архитектура, которая содержит символизм, создана 200–400 лет назад. Поэтому именно символизм городов делает город учебной аудиторией.

Prof. Максим Лепский

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Мои первоначальные исследования символизма были связаны с историей и социологией. Но, когда я как социолог впервые принял участие в экспедиционных исследованиях в составе Экспедиционного корпуса, у меня возникли достаточно серьезные изменения в восприятии городов. В старых городах Европы я увидел определенное ядро символизма (символического языка). Эта символическая генетика менялась поэтапно и значительно упростилась. Мы увидели, что в тех городах, где были разрывы истории, впоследствии возникал новый язык и новые архитектурные формы с упрощением. В экспедициях мы увидели первоисточники, которые либо последовательно эволюционировали и обучали, либо успешно забывались и стирались. Серьезные изменения были замечены, например, в Испании и в Италии, когда «реконструкция» часто означала «упрощение предыдущей символики». Особенно ярко это было видно в местах паломничества туристов. Наибольший интерес для меня представляло временное наслоение и исчезновение значимой символики при сохранении прототипологии персонажей. И чем выше была технологическая часть города (развитие новых технологий), тем более снижалась символическая нагрузка. На мой взгляд, возможности экспедиционных исследований позволяют изучить многослойность города. Это связано с тем, что в конечном итоге символика показывает сборку социальных отношений в городе, которую мы можем зафиксировать фотоаппаратом и непосредственными картами включенного наблюдения. Первоначально, когда я начинал работать с фотографией, это была работа как с первоисточником, то есть с оттиском фотографии, которая лежала уже на столе. Но моим следующим шагом использования фотографии в научных исследованиях, безусловно, стало принятие участия в исследованиях в рамках экспедиций, где я впервые столкнулся с высокотехнологичной работой команды профессиональных фотографов и ученых. **И во время экспедиционной деятельности фотоаппарат является объектом для тренировки внимания, а также важным инструментом совершенствования собственной памяти и восприятия.**

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА

- **Безопасно ли сегодня жить в городе?**
- **Категории риска в условиях города.**

(Разные категории людей подвержены разным категориям рисков)

Ph. D. Олег Мальцев

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Когда говорим о безопасности и о том, безопасна ли жизнь в городе, думаю, что большинство людей сегодня не имеют ни малейшего представления об этой проблематике. Я занимаюсь отраслью безопасности более 30-ти лет; будучи очевидцем истории развития безопасности деловых кругов, я провел ряд исследований в разных странах мира. **К безопасности необходимо подходить как к науке, а в ее основе должен лежать фундаментальный научный подход.**

Начиная с 1990-х годов безопасность деловых кругов, безопасность в городе и в государстве, частная безопасность, а также безопасность граждан существенно претерпела изменения. Раньше положение выглядело таким образом: чем ниже человек был в статусе, тем была большая вероятность в том, что с этим человеком что-то может случиться.

Сегодня ситуация поменялась прямо до наоборот: чем выше статус человека, тем больше у него неприятностей. И этого переворота никто не заметил.

Моя практика безопасности была не только профессиональной, но и преподавательской (я учил генеральных директоров и ученых, преподавал телохранителям). Но в один прекрасный момент я прервал преподавательскую деятельность на 10 лет, потому что мир начал кардинально меняться, и я посчитал невозможным кому-либо давать рекомендации, не проведя до этого фундаментальных научных исследований. И буквально несколько месяцев назад, во время Португальской экспедиции, я написал «Учебник по безопасности деловых кругов в 21 веке». Если раньше мы классифицировали угрозы по определенной шкале угроз, то сейчас эта классификация исчезла — угрозы стали временными и переменными, возникли угрозы среды. То есть человек живет в определенной среде, в которой появились собственные угрозы, ранее не существовавшие. Появились глобальные угрозы, которые касаются всех, чего раньше также не было. Примером тому является мировая пандемия COVID-19.

Важно заметить, что независимо от того, хочет человек или нет, касается это его или нет, верит ли он в существование такой угрозы или не верит — это все не имеет никакого значения, поскольку подобного рода глобальная угроза прямо влияет на его жизнь и деловую активность. Мной совместно с профессором Виталием Луневым была написана монография «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины», где изложены все виды угроз, которые существуют сегодня.

Опасно ли сегодня жить в городе или нет? С моей точки зрения, **пока люди не поймут, что всё в мире кардинально изменилось, пока к этому не будет применено фундаментальное научное знание, пока над этой проблематикой не будут работать специалисты, пока людей не научат бороться с этими угрозами и управлять этими угрозами, все это будет продолжаться бесконечно и иметь только тенденцию к увеличению.**

Как говорил Жан Бодрийяр, люди живут в гиперреальности, и считают опасным то, что безопасно, и считают безопасным то, что жутко опасно. Например, мир борется с терроризмом, и никому в голову не приходит, что ни одна террористическая организация не способна сама себя финансировать. Представляете, сколько нужно денег, чтобы ее содержать? Вероятнее всего, существуют инвесторы, которые их содержат и путем терроризма решают государственные, экономические и политические вопросы. Важно понять, что спецслужбы должны научиться работать, не нарушая прав граждан. Но в последнее время они работают за счет граждан государств: за счет их неудобств и нарушения их прав. В продолжение диалога моего друга Дуайта Уилсона (Dwight Wilson) я начал изучать протесты в США и собираюсь сейчас снимать фильм, который называется «Коктейль для обезьян». У меня уже собрано достаточное количество материалов, чтобы доказательно изложить в фильме, что эти протесты в США очень хорошо организованы.

Поэтому, пока опасность для всех выгодна капиталу, пока пандемия является инструментом зарабатывания денег и решения глобальных политических вопросов, пока люди желают быть обманутыми и находиться в неведении — это будет продолжаться бесконечно и закончится очень печально.

Prof. Максим Лепский

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Моя докторская диссертация была связана с проблемой выживания, и с коллегой в течение 10 лет мы делали передачу «Школа выживания. Городские джунгли», изучая политические риски на уровне города и области. Но мое теоретическое восприятие

проблем угроз перевернулось после курса, который связан с Португальской экспедицией, когда мы столкнулись с ситуацией мировой пандемии COVID-19, увидели разные двигатели этой ситуации. Одним из двигателей сейчас можно называть инфо-пандемию, поскольку постоянное тиражирование одних и тех же посылов создавало определенные психологические и моральные угрозы. По этой причине моими коллегами, Ph. D. Олегом Мальцевым и Ph. D. Виталием Луневым, была написана монография «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины», где непосредственно рассматривается психология Европы и почему её необходимо было изучать в глобальных угрозах.

Одновременно происходит гиперреальная подмена понятий, а вторичным поражающим фактором является снижение обучения и профессиональной компетентности людей в глобальной угрозе. Я абсолютно согласен со своим другом и коллегой Ph. D. Олегом Викторовичем Мальцевым в том, что некомпетентность государственных органов становится ключевой угрозой в нынешней ситуации, поскольку медицинская проблема тиражируется в экономику и в политику. По этой причине единственным призывом, который с моей точки зрения возможен — это призыв к ученым объединять усилия в изучении этих вопросов, и первый шаг уже сделан Экспедиционным корпусом. Категоризация риска и определение тех категорий людей, которые подвержены этому риску, являются очень важными. Одним из таких факторов является бюджет времени человека: у людей всё больше времени увеличивается в сторону диджитализации и информационных технологий. Второй фактор, который мы изучаем в категориях риска — это люди, которые теряют ориентацию в тех или иных ситуациях. Еще один важный аспект — это включение в группу и в социальную общность. Под угрозой часто оказывается и такая категория, как стиль жизни. Если раньше в макросоциологии изучалось, что революции происходят в столице, а войны начинаются на окраине, то сейчас ярко прослеживается, что эти процессы охватывают значительно большие площади, потому что достаточно часто революция происходит еще и в мировоззрении. В силу этого, с моей точки зрения, изменение ситуации с пандемией достаточно понятно — ее экономическая составляющая связана с выгодой получателя.

СИМВОЛИЗМ, МИСТИЦИЗМ, ВИЗУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА, А ТАКЖЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ ВЗГЛЯДЫ НА ГОРОДА ДРУГИХ КОНТИНЕНТОВ

- **Города как память континентов и сравнительный анализ городов разных цивилизаций (взгляд на город как на учебную аудиторию).**
- **В чем разница факторного воздействия (обучения) в городах разных цивилизаций.**

Ph. D. Олег Мальцев

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Я посвятил более 30 лет научной деятельности изучению городов и стран, созданию ряда исследовательских методик в этом направлении, а также, кроме этого, я являюсь последователем школы академика Г. С. Попова, который всю свою жизнь исследовал память человека. Результатами нашей экспедиционной деятельности являются написанные монографии и научные книги, разработанные исследовательские методики, концепции и многое другое.

Если мы рассмотрим известный исторический период, то история городов насчитывает два периода.

Первый период характерен тремя видами городов:

- город-крепость;
- некий культовый центр, на примере Вавилона или Иерусалима;
- торговый город, который основан на базе рынков в центре (рынок является градообразующим).

В определенный момент времени эти три типа города сменяются пятью типами городов.

Второй период характеризуется такими типами городов:

- города, похожие на Венецию: Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Одесса и т.д.;
- города, похожие на Флоренцию, Великий Новгород (в Имперской России), Киев и т.д.;
- города-символы: Мюнхен, Палермо и т.д.;
- города, образованные университетом: Гейдельберг, Падуя, Болонья, Модена (университет является градообразующей системой);
- маленький провинциальный город. Таких городов очень много в Италии, Германии и т.д. Сам город похож на игрушечный (как из сказки Г. Андерсена), но такие города оторваны от жизни: там живут люди, которые ничего особо не видят и ни с кем не общаются, а каждый их день похож на предыдущий.

Почему три первых города сменились на следующих пять типов городов никто не знает; есть только гипотезы на эту тему. Но важно, что города отличаются друг от друга и символизмом, и символической смысловой нагрузкой, у них есть кардинальное отличие с точки зрения психологического воздействия на человека.

Первые три типа городов (первого периода) имеют естественное воздействие на человека. В данном случае у человека есть выбор: хочет ли он, чтобы этот город на него воздействовал или нет. Говоря о следующих пяти типах городов (второго периода), здесь человека никто не спрашивает, хочет он, чтобы на него воздействовали, или не хочет. Когда человек попадает в один из городов этой пятерки, то его город сразу же начинает воспитывать на всех уровнях: от религиозно-символического уровня до антропологического.

Сегодня мы не имеем дело с первыми тремя типами городов, поскольку эти города уже исчезли в истории, но постоянно соприкасаемся с пятью типами городов второго периода: непосредственно живем в этой цивилизации, где города выглядят именно таким образом, и они, безусловно, оказывают на нас серьезно влияние. Но разные города по-разному влияют на людей, и чем серьезнее город, с которым вы имеете дело, тем меньше современных изменений в нем видите.

ГОРОД КАК УНИВЕРСИТЕТ И ТРЕНИРОВОЧНАЯ ПРОГРАММА

1. Город как тренировочная программа.

2. Составные части программы на разных стадиях жизнедеятельности человека в городе.

Ph. D. Олег Мальцев

(На основе дискуссионной онлайн-панели)

Вопрос «Город как тренировочная программа», с моей точки зрения, крайне интересен. Рассмотрим, как город тренирует человека на примере одного из городов. Но прежде необходимо понять две вещи: в чем разница между «развитием» и «погружением»? Когда говорим о «развитии» — это связано с тем, что человек родился в этом городе, который влияет на его личность в ходе ее развития. При «погружении» человек приезжает в город, и здесь важно рассматривать степень погружения человека в этот город.

В качестве примера того, как тренирует город, я выбрал Палермо. Давайте рассмотрим, как эта тренировочная программа работает. Совершенно неважно, какой город мы выбираем — блоки тренировочной программы будут идентичны, но при этом содержание блоков может быть разным.

На антропологическом уровне Палермо делает человека очень внимательным, хочет он того или нет. Среднестатистический человек при ходьбе по городу всегда смотрит перед собой, но в Палермо так не получится, ему придется смотреть как в глобусе — со всех сторон одновременно (и вверх, и вниз, и по диагонали).

Психофизиологический уровень: этот город воспитывает у человека очень хорошую реакцию, а также выработает 100%-ное безразличное отношение к событиям. В Палермо люди совершенно не соблюдают правила дорожного движения. Хотите что-то знать о жителях этого города? Посмотрите на то, как они водят машины — это говорит об очень многом.

Психологическая составляющая: Палермо ярко показывает «кто ты есть как личность». Человеку придется научиться проявлять уважение к другим людям, если он планирует какое-то время жить в Палермо или ему нужно уезжать. Безусловно, это не касается туристов, которые могут приехать на день, но, если человеку необходимо жить в этом городе определенное количество времени, ему придется научиться уважать других.

Менталитетная составляющая — составляющая человеческой ущербности. На этой стадии необходимо осмыслить, что вам нужен человек (вам нужна помощь). Город Палермо научит искать тех людей, которые вам помогут. В конце концов вы найдете человека, который будет помогать вам постоянно, по сути, вы обретете друга.

Итак, я описал уровни города и представил его в качестве программы тренировки личности, которая попадает в этот город, либо погружается в этот город, либо родилась в этом городе. Я выбрал Палермо в качестве примера не просто так — говорят, что там герои «растут на деревьях». Этот город в качестве тренировочной программы крайне интересен.

Но может ли человек отказаться проходить эту тренировочную программу? В Палермо — да, в Неаполе — нет, в Калабрии — тем более нет. **Поэтому в зависимости от того, в какой город попадает человек, он все равно будет проходить те же самые уровни по шкале «Методологии исследования города», но содержание этих уровней будет разным. То есть каждый город вам предложит совершенно иную тренировочную программу.**

Рассмотрим содержание этажей шкалы. Двигаться мы будем снизу вверх, от антропологического уровня к символьному.

Антропологический уровень города — это уровень детства и истории: когда вы родились в этом городе, уже стали сопричастным к нему; если вы не родились в этом городе, а только приехали, этот город сразу старается вас «погрузить» в себя до антропологического уровня, тем самым делая вас ребенком.

Психофизиологический уровень — это движение, уровень безопасности. Дело в том, что любое движение связано с опасностью, и совсем не важно, переходите ли вы дорогу или просто не умеете забирать нож у грабителя. Разные города имеют разные проблемы.

Психологический уровень — это уровень взаимодействия между людьми в городе (весьма многогранный уровень).

Менталитетная составляющая или уровень ущербности (как ее называет психология степеней) — это уровень многозадачника (то есть, как себя человек чувствует в условиях, когда перед ним стоит не одна, а несколько задач одновременно). На этом уровне аккумулируются все предыдущие уровни одновременно.

Символический уровень — это тайное, нечто невидимое, стоящее за видимым, символы как раз и являются неким механизмом, связывающим вас с этим городом. **Символический уровень выстраивает все прочие уровни вниз.**

Больше материалов научно-практической конференции «Город как учебная аудитория», а также доклады других экспертов вы найдете на официальном сайте мероприятия: International scientific and practical conference «City as a Classroom» <https://conference-city.euasu.org/>

ГЛАВА 3

ДУБРОВНИК И ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

СТАДИЯ ПОВТОРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Подход к организации начальной стадии экспедиционного исследования предполагает три этапа:

1. Этап постановки цели и задач исследования, в результате которого мы получаем объект и предмет исследования, отвечающие исходной цели.
2. Научный этап: проведение самого исследования и получение результатов.
3. Прикладной этап; подразумевает получение технологии.

Рекомендация: исследователю первоначально полезно ознакомиться с уже существующими материалами по теме запланированного исследования. Однако не стоит обременять фокус исследовательского внимания излишними деталями, уводящими «в сторону» от комплексной картины. В противном случае можно стать следствием сформированных установок, стереотипов и непроверенных гипотез, выданных в качестве фактов, что искажает восприятие объёма, свойственного «полевому этапу». С практикой у исследователя на «почве» валидной и эффективной методологии и подходов формируется навык, позволяющий уже на первом этапе правильно определять объём исследования. Приведём следующую аналогию: если представить поле неизвестного в качестве карьера, то объёмом исследования выступает тот объём руды, который предполагается переработать. Проводя исследования в стране или регионе, исследователю необходимо заранее сформировать конфигурацию городов, которые планируется исследовать. Работать с экспертами перед экспедицией тоже не рекомендуется.

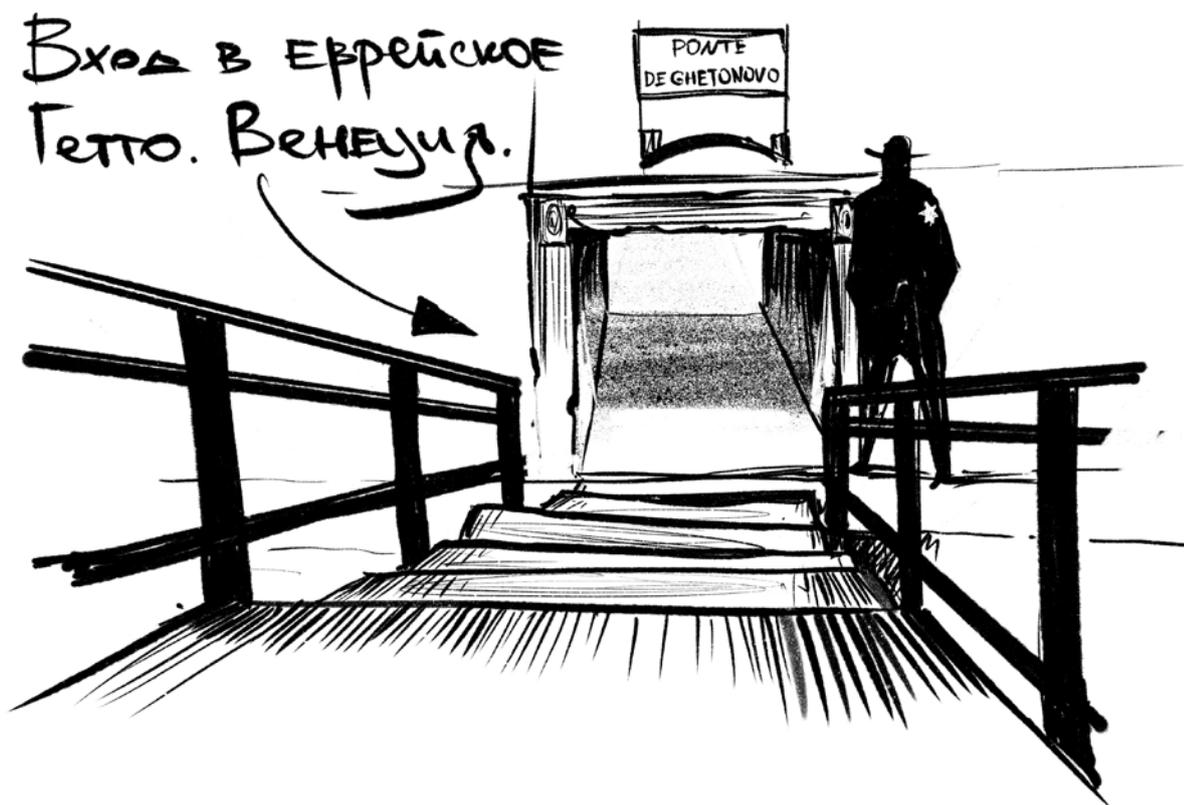
Представленные рекомендации связаны с двумя психологическими особенностями каждого индивида (как два экстремума): А) желанием, чтобы все сделали вместо человека, и Б) превращением себя в субъективного скептика. Нередко бывает так, что, после ознакомления с работами того или иного эксперта, у исследователя складывается субъективный взгляд на явление, который выступает интеллектуальным препятствием в дальнейшей работе. Дискутировать с экспертами рекомендуется на том этапе, когда уже сформирована собственная аргументированная позиция относительно исследуемого вопроса. Поэтому, как правило, изыскание не начинается с дискуссий с экспертами и работы с первоисточниками, за исключением того случая, когда сама работа основана, прежде всего, на документальных первоисточниках.

Бывает так, что уже на этапе работы с источниками предмет исследования сформулирован сразу (редкий случай); сообразно предмету и сопутствующим научным задачам организовывается экспедиция. Однако так происходит нечасто. Например, исходя из нескольких десятков экспедиций Олега Мальцева, отметим, что первая экспедиция на остров Сицилия проектировалась на основании работы с документальными источниками, поскольку и сам предмет исследования был получен по итогам анализа документов. Впоследствии, по прибытию научной группы на Сицилию, объект и предмет исследования пришлось кардинально переосмыслить. Среди задач экспедиции было и доказательство ранее сформулированной гипотезы, однако полученные данные потребовали новый, совершенно иной взгляд на предмет исследования.

Подход к формированию предмета исследования должен быть беспристрастным.

Рекомендуется провести **научную разведку**, прежде чем отправиться в экспедицию. Научная разведка как подход предполагает получение предварительных данных. Предположим, планируется экспедиция в Дубровник. Будет полезно посмотреть фотографии в открытом доступе и фотокаталогах, чтобы получить представление о том, как выглядит город. Возможно, вы еще не знаете, что именно ищете и с чем предстоит работать, а, возможно, уже известно, что надлежит найти, но на фотографиях искомый «X» не отображён. Именно поэтому программа исследования не разрабатывается до старта экспедиции, так как неизвестно, придётся ли менять предмет исследования.

«Меня очень часто спрашивают о тайнах. Тайны существуют везде! На самом деле, многие тайны тайнами вовсе не являются. Когда приезжаешь на место и смотришь на объект, понимаешь, что только дураку неясно, что это. Но многим людям непонятно, им нужны тайны. Поэтому тайны должны существовать. В своё время, мы проводили рекогносцировку в Стамбуле и отправились искать две синагоги. Приехав на место, мы увидели, что обе синагоги — это обыкновенные дома, расположенные неподалёку друг от друга. Мы же привыкли, что синагоги должны выглядеть как отдельно стоящие храмы, а здесь — просто обыкновенный двухэтажный дом. В исследовании синагог Венеции мы выяснили, что они и вовсе располагаются в квартирах жилых домов. Вот такие предрассудки и обманутые ожидания бывают у исследователей! Вы ожидали найти храмы с вензелями... Но с чего вы это взяли? Что вы ищете? Почему вы решили, что это должно выглядеть именно так? Постепенно, в процессе научной работы, вопросы «А почему это должно выглядеть так?», — очень быстро ставят человека на место», — Олег Мальцев.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ
ТЕТТО.

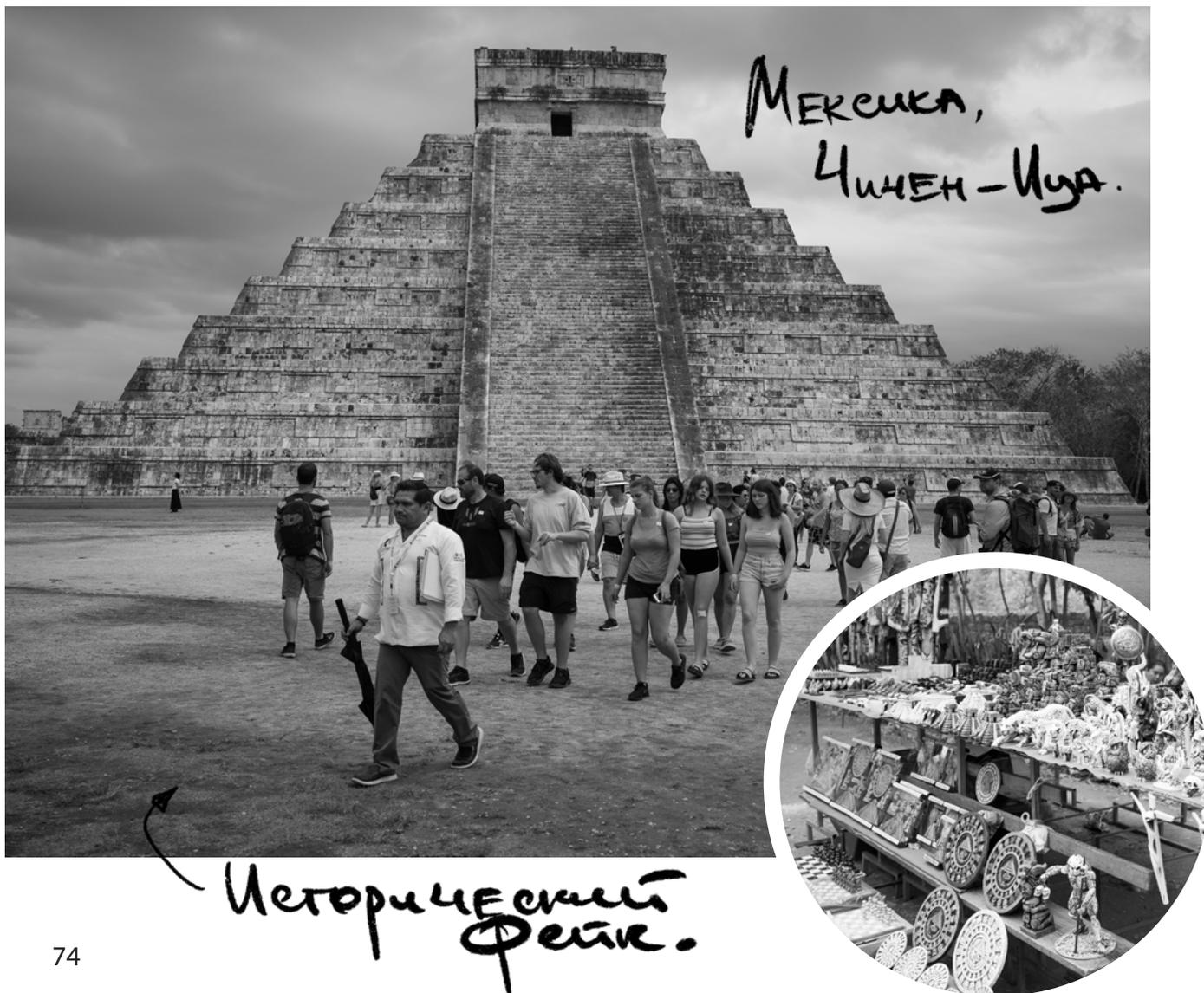

Подход «я думаю, что это должно выглядеть «так» — опасен для учёного, потому что чаще всего действительность противоречит ожиданиям.

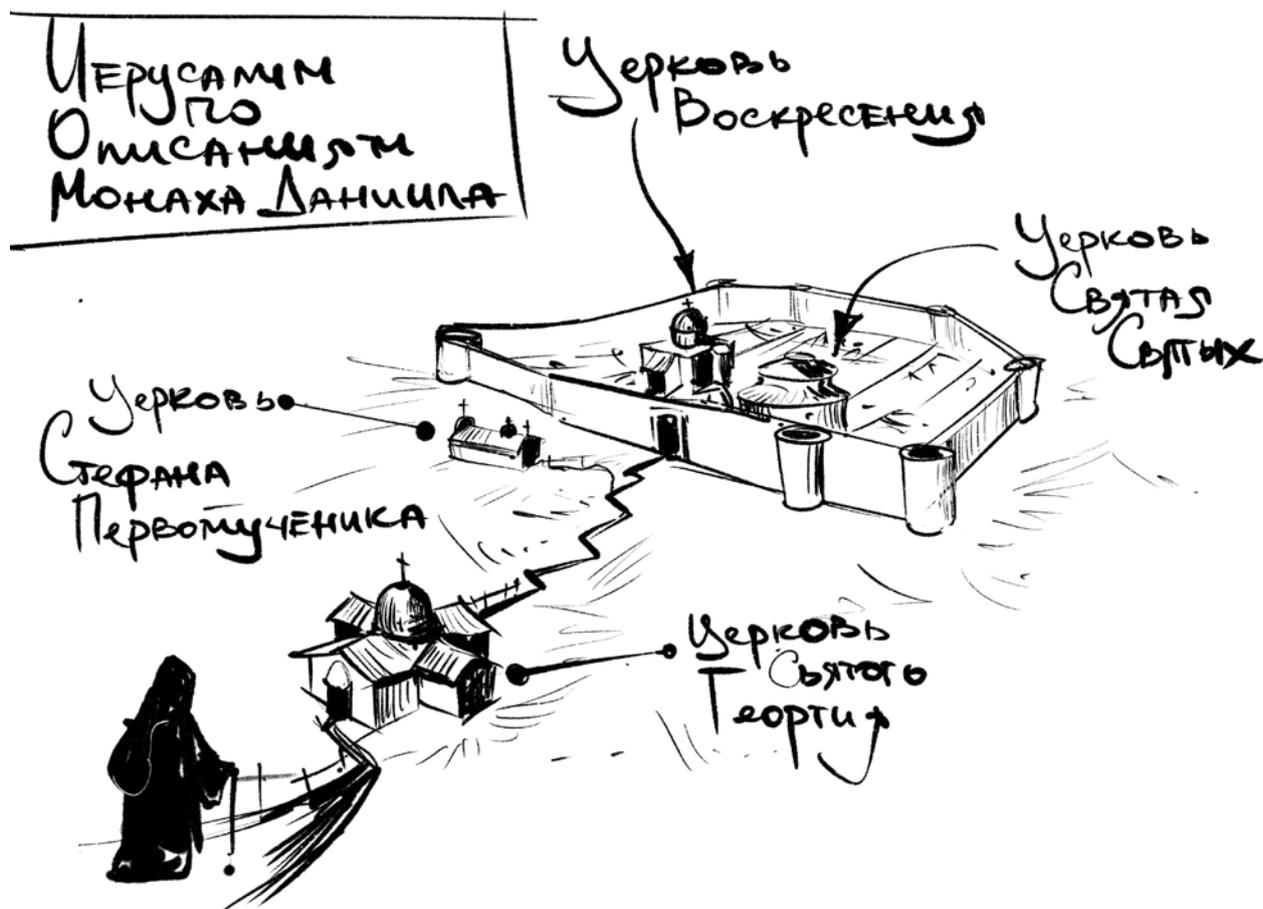
Ученый, к примеру, предполагает, что некий объект или явление выглядит «так» и начинает это искать. По сути, происходит формирование сборки воображения ученого, который хочет быть правым, но не ищет истину. Только живой непосредственный образ, отражающий полученные факты ученым в «поле», может проверить воображаемый комплекс представлений. В итоге он попадает в собственную ловушку и может десять раз пройти мимо того, что действительно нужно. Особенно актуальна проблема формы, она всегда существует для человека. Например, на Канарских островах существуют так называемые пирамиды. Когда Экспедиционный корпус прибыл на это место — стало очевидно, что это фортификационные сооружения, вовсе не пирамиды. Но для местного населения и туристов — это пирамиды. Также мексиканские пирамиды народов Майя являются элементами тренировочных центров, как было выяснено в ходе экспедиции на полуостров Юкатан. Люди представляют себе пирамиду, либо как остроконечную, либо как усеченную. Пирамиды на Канарских островах не соответствуют этой форме, представляя собой просто два слоя камней, сложенные один поверх другого.

Стремление выдавать желаемое за действительное создаёт тайны.

Безусловно, туристический бизнес способствует созданию тайн и культурно-исторических симулякров. Пирамиды в Египте и Мексике собирают толпы туристов и миллионы долларов — почему бы не создать «пирамиды» где-либо ещё?

Бывает так, что предмет исследования крайне сложно обнаружить. Первый и даже второй дни обзорного выхода в город могут не дать никаких результатов для осмысления предмета исследования. Так сложилось в научной экспедиции Олега Мальцева в Грецию. Экспедиция была посвящена исследованию Иерусалима и поиску места распятия Иисуса Христа. Не удивляйтесь, «Греция — Иерусалим» — это не опечатка, это проверка маршрута в пространстве движения христианского символизма. Некий монах игумен Даниил описал свой путь к месту распятия Иисуса Христа в городе, который в то время считался Иерусалимом. Экспедиционному корпусу предстояло найти город, описанный монахом — им оказался город в Греции, именуемый сегодня Салоники (см. книгу «Предел справедливости» О. Мальцева). Это была крайне тяжелая экспедиция. Для формулировки предмета исследования потребовалась целая неделя. Салоники — это многоэтажный город, в котором разобраться непросто, а тем более отыскать Иерусалим. Как люди представляют себе Иерусалим? Как город из золота? В Мексике тоже рассказывают про города из золота, но ни одного золотого города или храма никто не видел. Даже ни одного золотого фундамента нет.

ТРЕУГИ, САЛОНИКИ.

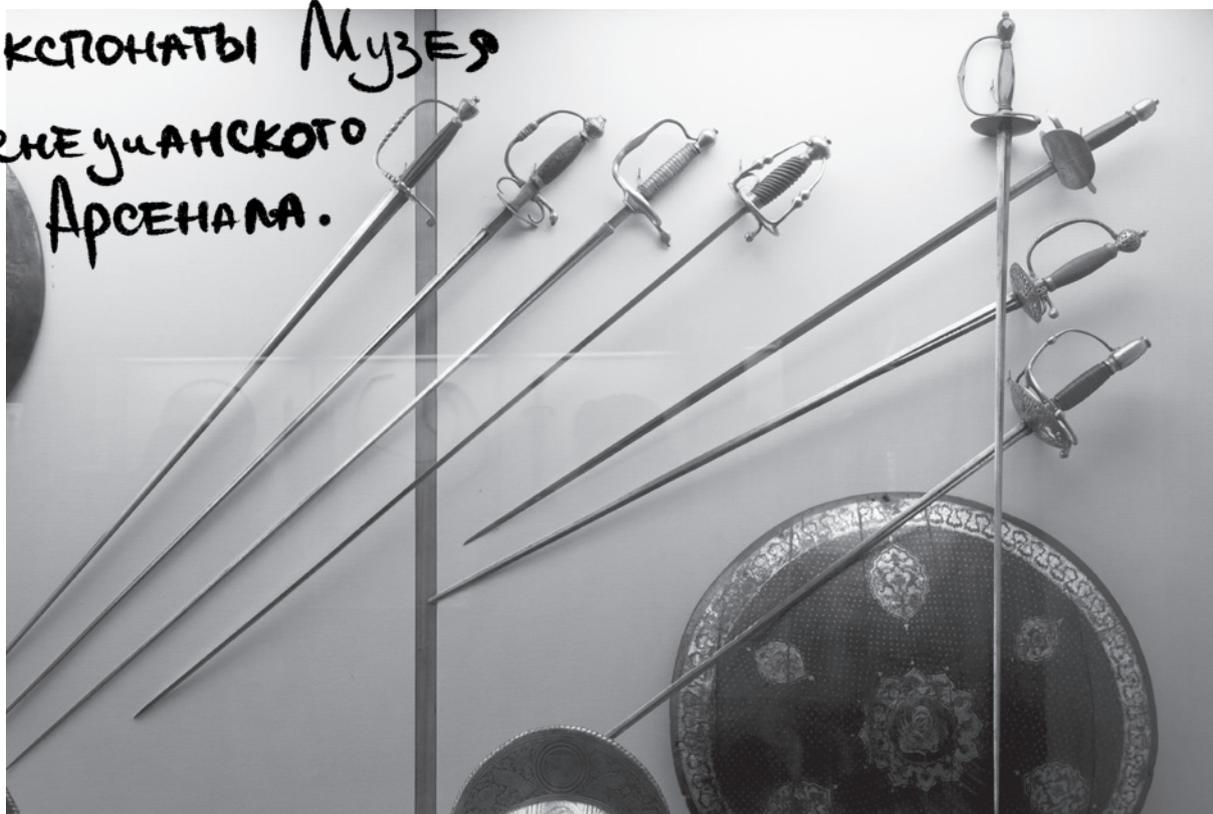

Еще один важный аспект: не следует обращать внимание на классическую историю и особенно технологическую. Все, что написано в интернете и учебниках по истории, читать не нужно. Это вредно для исследования.

«Один наш коллега, исследователь Алексей Кунгуров, изучал короны разных императоров и императриц, особенно российских. Алексей Анатольевич поставил важный вопрос: «Согласно технологической истории мира, технологическая обработка бриллиантов появилась в 20-м веке. Как тогда в 14-м веке в коронах монархов могли появиться бриллианты с технологической обработкой? А если можно обработать бриллиант, то можно обработать что угодно, ведь бриллиант — это высшая степень сложности обработки, которой предшествует обработка металла, стали, вся высокотемпературная химия, и только потом технологии доходят до обработки бриллиантов. Как это возможно? Либо мы должны допустить, что в 14-м веке существовала технологическая обработка алмазов и промышленное производство, либо короны монархов были сделаны в 20-м веке» — Олег Мальцев.

Еще один пример из практики Экспедиционного корпуса. Арсенал оружия в Венеции заполнен... экспонатами 20-го века. Члены научной группы сделали фотографии и отправили их опытным мастерам кузнечного дела. Кузнецы однозначно ответили, что это оружие изготовлено не раньше 20-го века. Затем Олег Мальцев поинтересовался у представителей венецианского Арсенала, где же находится оригинальное древнее венецианское оружие? Представители Арсенала ответили, что оригиналы якобы находятся в запасниках музея, но посмотреть на них нельзя даже по официальному запросу для научных исследований. Стоит также вспомнить захват Венеции Наполеоном Бонапартом. Почему Бонапарт забрал каменных лошадей, но не взял оружие? Ведь в первую очередь войска Наполеона должны были изъять оружие. И находится ли настоящее венецианское оружие в запасниках музея или все-таки оно «досталось» войскам Наполеона? В частности, если допустить, что в 14-м веке существовали технологии для обработки алмазов, тогда вполне возможна технологическая обработка гор, следы которой часто встречаются в Европе.

Экспонаты Музея
Венецианского
Арсенала.

Еще одно интересное исследование нашего коллеги Алексея Кунгурова связано с Императрицей Екатериной II. Исследователь проверил цитируемость работ Императрицы и выяснил, что первые упоминания работ Екатерины II приходятся на середину 19-го века, а не 18-го, в период ее правления. Вот вам еще одна загадка. Это достаточно простой эксперимент, но, не в пользу современных историков. Поэтому не только классическую историю не стоит читать, но и мнения не нужно собирать. Это опасно тем, что может завести исследователя в «дремучие дебри» мнений, основанных исключительно на воображении.

Принцип: можно визуально изучать объект предстоящей экспедиции, но читать о нем не рекомендуется.

ИТАК, ПЕРЕХОДИМ К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Задача №1: Сформулировать объект и предмет исследования. Для этого необходимо физически находиться на той местности (в той среде), где будет проходить исследование. Все, что предшествует формированию предмета и объекта исследования — это разведка. Не стоит надеяться, что разведка займет один день. «Пришел, увидел, победил!» — так бывает крайне редко даже у опытных исследователей.

Для того чтобы найти объект и предмет исследования, нужно быть очень образованным и подготовленным человеком. Что нужно знать? Все! От классической науки до прикладной науки, заканчивая европейским мистицизмом и прочими данными. Поэтому до экспедиции нужно работать над повышением энциклопедичности своих знаний. Чем вы умнее и образованнее до экспедиции, тем качественнее будет исследование в экспедиции.

В чем суть и залог исследования — в уровне подготовки до экспедиции: интеллектуальной, умственной, разумной, физической, разноплановых навыках и прочих.

Чем больше вы читаете интеллектуальную специальную литературу, чем больше вы работаете с загадками и ребусами до экспедиции, тем проще будет в ходе экспедиции.

Важный аспект, который не осознают начинающие исследователи: вам придется работать с собственным сознанием и памятью, ручки и блокнота у вас в руках не будет. Поэтому нужно заблаговременно научиться работать без ручки и блокнота. В экспедиции кроме фотоаппарата в руках ничего не должно быть. Голова должна работать отдельно, руки и тело с фотоаппаратом — отдельно. Исследователь должен быть с техникой на

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕКТА
НА МЕСТЕ С ФОТОАППАРАТОМ.**

«ты», иначе работать в экспедиции не получится. При этом речь идет о технологии проверки группой исследователей, каждый из которых тренирует аналитические и синтетические способности, способности работы с памятью и сознанием, все то, что в качественных методах социологии и психологии устойчиво понимается как эвристические процедуры. Поэтому, когда в Экспедиционном корпусе появляется новое оборудование, новые фотокамеры, Олег Мальцев никогда не берет их в экспедицию, какими бы высококлассными они ни были. Дело в том, что работа с этим фотоаппаратом еще не доведена до автоматизма, что очень важно в условиях экспедиции. В экспедиции некогда разбираться с фотоаппаратом, осваивать новую технику важно до экспедиции.

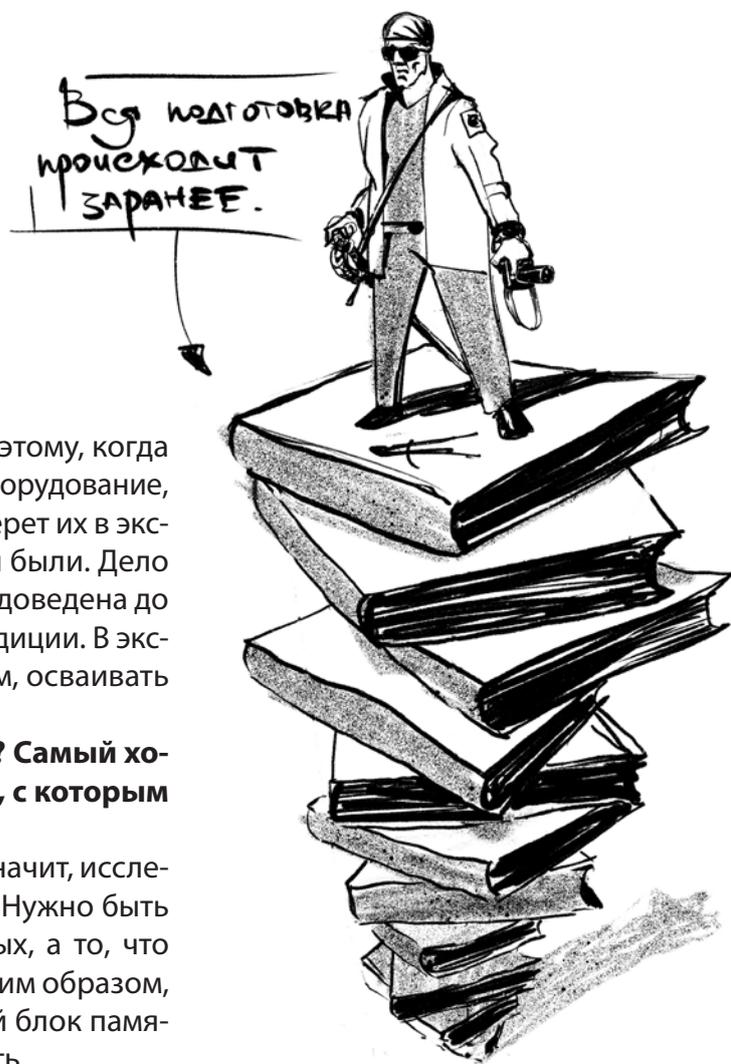
Какой фотоаппарат брать в экспедицию? Самый хороший фотоаппарат тот, который вы знаете, с которым вы умеете работать.

И поскольку блокнота и ручки в руках нет, значит, исследователю надлежит тренировать свою память. Нужно быть способным запоминать большой объем данных, а то, что запомнить нельзя, снимать на фотоаппарат. Таким образом, с помощью фотоаппарата мы создаем внешний блок памяти, который впоследствии сможем использовать.

В каких областях важно и целесообразно расширять горизонты знания:

- Мировая история, как классическая, так и технологическая;
- Социология;
- Криминология;
- Психология;
- Философия;
- Все точные науки: математика, физика, сопромат, теоретическая механика, инженерия, нейрофизиология, физиология и т.п.;
- Системы технологий отраслей промышленности;
- Все, что может понадобиться, чтобы сделать выводы.

Состав научной группы формируется под каждую экспедицию отдельно. В состав группы должны входить эксперты и ученые из разных областей науки, в зависимости от поставленных задач. Безусловно, не всегда есть возможность взять в экспедицию всех экспертов, которые могут понадобиться. Поэтому очень важна работа с другим экспертами в ходе самой экспедиции. Например, когда Экспедиционный корпус исследовал студенческий карцер Гейдельбергского университета, который славится загадочными надписями и символами, покрывающими буквально каждый сантиметр стен, потолка и пола этого удивительного места, отснятые фотографии были тут же отправлены двум выдающимся профессионалам в области глубинной психологии — Александру Николаевичу Сагайдаку и Михаилу Ильичу Вигдорчику — для экспертной оценки. Очень важно было получить заключение экспертов по некоторым вопросам прямо в ходе экспедиции.

Заключения стали важным элементом дальнейшего исследования.

Пленочный фотоаппарат или цифровой? В экспедиции нужны оба фотоаппарата: и пленочный, и цифровой.

Факты и доказательства обязательно нужно снимать на пленку и дублировать цифровыми фотографиями.

Объем (пространство) — фотографировать на цифровую камеру.

Все фотографии, которые будут являться доказательствами фактов и будут опубликованы в научной работе — обязательно должны быть сделаны на пленку, чтобы остался негатив кадра. Фотографии, которые составят банк данных для анализа, делаются на цифровую камеру.

«Поэтому я предпочитаю фотоаппараты, которые не мешают жить. Очень рекомендую именно такие», — Олег Мальцев.

То есть, фотоаппараты, как Ricoh GR1 — лучшая камера для стрит-фото в мире, компактная, имеет вес около 200 г, простая в использовании.

Степени разрешения фотографий. Нужно заранее выбрать на какой пленочный фотоаппарат фотографировать. Достаточно ли будет 35 мм или нужен средний формат? Разница заключается в разрешении полученных фотографий. Средний формат подойдет для съемки артефактов, 35 мм для фотографирования фактов, а цифровой фотоаппарат для съемки объема. Мы исходим из того, что во время экспедиции, как правило, нет возможности проявлять пленку. Некоторые фотографии нужны «прямо сегодня», например, для фоторепортажа в журнал. Эту задачу решает цифровая камера.

Вооружившись соответствующей фотоаппаратурой, можно приступить к исследованию. Рассмотрим пример, как это делал Экспедиционный корпус в Дубровнике. Войдя в город с бокового входа, Олег Мальцев вспоминает картину на стене каминного зала и сразу делает фотографию на среднеформатную камеру, чтобы запечатлеть объем. Сделав фото, ученый начинает анализировать, с какого ракурса была нарисована картина и какой ракурс получился на его фотографии. Улица ступенями уходит далеко вниз к центру города, и таких спусков в Дубровнике несколько. Все спуски просматриваются от начала до конца города. Далее возникает второй вопрос: «Захочется ли потом подниматься обратно по этим ступеням?» На тот момент ученый еще не знал, что существует вход в город без крутого спуска. Ученый решает на обратном пути провести эксперимент при подъеме наверх. Подобная практика исследования городов с большим перепадом высоты рельефа у Экспедиционного корпуса уже была в Сиене, Фьюмefреддо-Бруцио и других калабрийских городах. Например, подъем в замок в городе Фьюмefреддо-Бруцио (Калабрия), где жил Экспедиционный корпус, был очень крутым — шесть лестничных

пролетов, по которым приходилось подниматься несколько раз в день.

Войдя в Дубровник с бокового входа, Олег Мальцев уже понял, что этот город может отлично потренировать человека. Предстояло выяснить, как именно. Экспедиционная группа спустилась вниз по ступеням. Справа заметили синагогу, к которой вела очень крутая лестница, угол наклона около 70-ти градусов. Как же люди взбирались в эту синагогу, особенно пожилые горожане? Спустившись еще ниже, слева увидели храм Св. Николая. Как уже было сказано, его нахождение в морском городе вполне понятно и ожидаемо — Св. Николай является покровителем моряков. Члены Экспедиционного корпуса спустились вниз и вышли на центральную улицу. Слева Храм Св. Влаха, рядом колокольня с часами и несколько зданий венецианской архитектуры — что указывает на принадлежность города к венецианской цивилизации. Храм Св. Влаха в Дубровнике является аналогом иезуитского храма в Гейдельберге. Мы видим венецианский протекторат в обоих городах, а также свидетельство того, что Дубровник имеет серьезную учебную нагрузку.

Все эти подробные описания работы Экспедиционного корпуса в Дубровнике приводятся авторами для того, дорогие читатели, чтобы вы обратили внимание на логику размышлений на ходу, как это происходит непосредственно во время работы.

Пока научная группа исследовала город, храм Св. Николая был закрыт. *«Раз он закрыт, значит никому не нужен. Почему он никому не нужен?»*, — возникли следующие вопросы в ходе осмотра города. На центральной улице Дубровника есть храм Корабельного Бога, который тоже был постоянно закрыт. Зайдя в порт, обратили внимание на то, что порт достаточно маленький, что тоже удивительно.

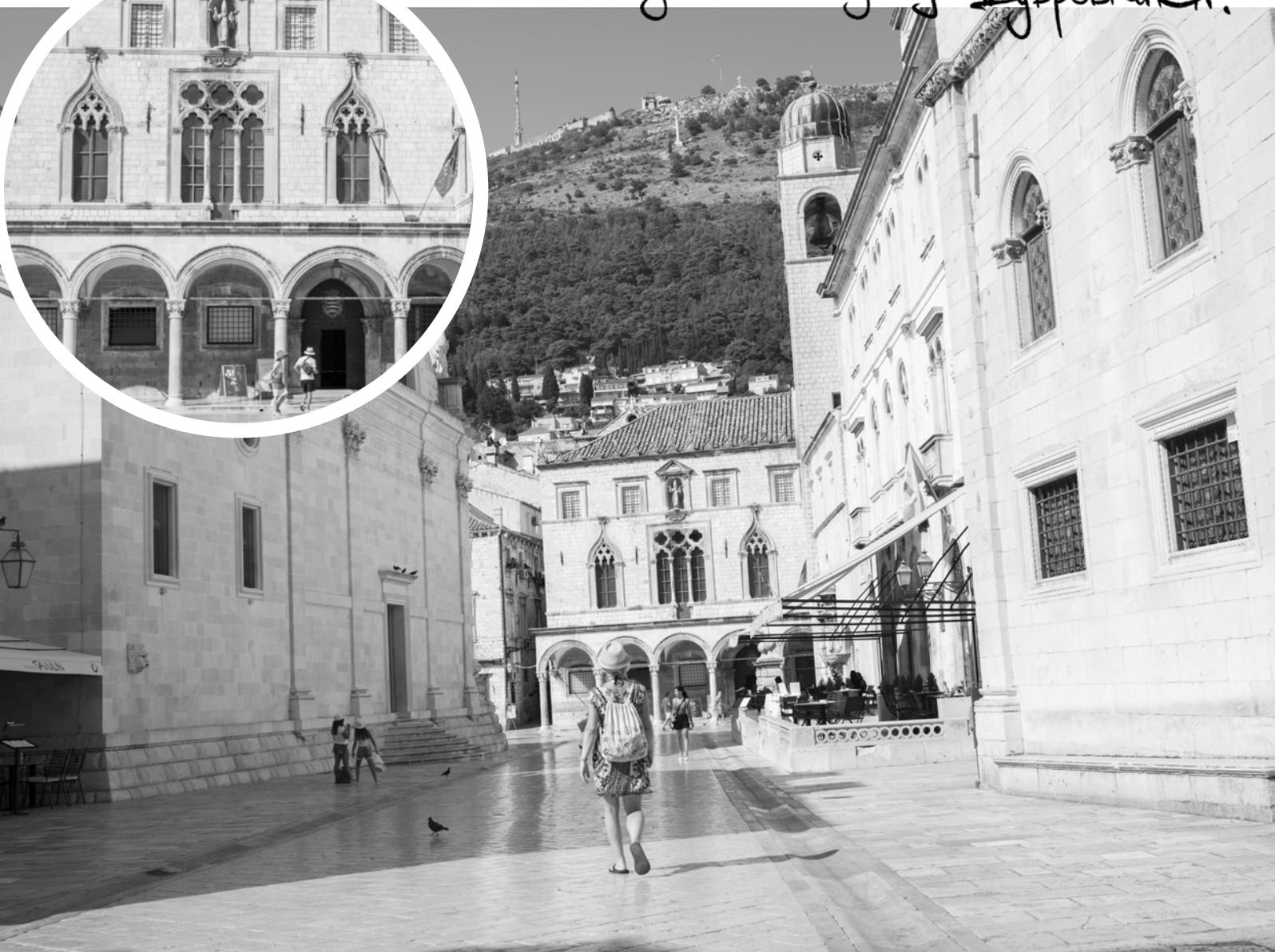

«По сути, в начале требовалось понять, с чем мы имеем дело и насколько это представляет научный интерес. В Дубровнике понять это сразу оказалось невозможно», — Олег Мальцев.

Из порта научная группа вернулась обратно в город и направилась к до последнему блоковому храму, дальше начинались крутые подъемы наверх. Экспедиционная группа исследовала этот храм, он был открыт. Также было изучено оружие в Арсенале Дубровника, что не дало полезных данных для исследования, поскольку в этом музее собрано оружие из разных стран.

Закончив обзор города, научная группа направилась к центральному входу в город. Сразу возникли прототипы — этот город похож на Сиракузы и Венецию. Вероятнее всего, Дубровник раньше выглядел иначе. Здесь наступает стадия работы с документальными источниками, в которых обнаружено несколько изображений и карт разных периодов. То же самое происходило с Одессой, которая выглядела по-разному в разные периоды. В Дубровнике были водные каналы, которые сегодня уже засыпаны и превращены в улицы. Существует даже версия, что в городе функционировала система утилизации трупов, которая посредством определенных механизмов их перемалывала и сбрасывала в открытое море. В Дубровнике по сей день работает одна из первых в Европе систем канализации, построенная в 1296 году.

Венецианские улицы Дубровника.

Ветеруанске улица Дубровника.

ХРАМ ВОЗНЕСЕНИЯ ДЕВЫ МАРИИ.

На этом этапе перед исследователем возникает очень важная задача: осмыслить и понять технологию города.

Нужно мысленно пройти путь от предмета исследования, этапы самого исследования, и по итогам анализа сделать вывод о технологической пользе. Сделать это очень непросто. Модель города, от антропологической до символической составляющей (см. главу 2), позволяет проходить это осмысление во время обзора города. Разум «сканирует» всё, что вы видите, и отбирает то, что нужно, отсекая ненужное. Отбор происходит с помощью фотоаппарата: все нужные элементы требуется фотографировать, а ненужные снимать нет смысла.

Нужно понять, зачем вообще построили исследуемый город. Так, в частности, крутые подъемы по ступеням определяют антропологические параметры. Сначала человеку очень сложно передвигаться по этому городу, а через некоторое время он привыкает и уже не замечает крутых подъемов.

Размышления Олега Мальцева: «Что можно сказать с ходу после первого дня в Дубровнике? Это сложная, очень серьезная тренировочная машина, в том числе, антропологической и физиологической тренировки. Но технологическую часть мы пока не видим. Мы понимаем, что город связан с обучением, подготовкой людей, но для чего и почему, пока не ясно. Здесь важен фотоаппарат, для того чтобы сделать снимки, которые натолкнут нас на какие-то мысли, когда вечером мы будем обрабатывать фотографии и работать с ними».

Сформировать задачу на исследование — это главный элемент первого этапа разведки.

Многие ученые допускают ошибку, которую Олег Мальцев называет «поездка в поисках Атлантиды». Проблема в том, что вы никогда заранее не знаете, что обнаружите. Возможно то, что вы откроете, окажется намного интереснее, чем мифическая Атлантида. Поэтому Олег Мальцев всегда ставит обширную технологическую задачу, а прибыв на место исследования принимает решение, что из этой «руды» можно извлечь.

Важно понять связь звеньев цепочки: предмет исследования, само исследование и технологическая часть.

В частности, когда Экспедиционный корпус искал в Баварии родовой замок семьи академика Г.С. Попова — это была непосредственно поисковая задача, было известно, что именно требуется найти. В других исследованиях чаще всего непонятно, что искать. Можно приехать в город и найти центральный объект. Например, в г. Лука (Италия) возвышается огромный храм Архангела Михаила — сразу становится понятно, что

• Храм Архангела
Михаила.

это криминальный город, в котором — лучшие рестораны, магазины и сервис. Криминал — люди привередливые, поэтому в таких городах самая вкусная кухня, хорошие гостиницы и т.д.

Ошибки — это скоропалительные выводы.

На первой стадии исследования, безусловно, важно не допустить ошибок. Руководитель Экспедиционного корпуса обращает внимание на то, что многие города раскрываются постепенно, требуя повторных экспедиций. Таким городом является Палермо (о. Сицилия). Каждый раз он раскрывается с иной стороны. Даже на тех улицах, где Экспедиционный корпус проходил десятки раз, снова и снова замечаются новые объекты. **Поэтому фотография — это основной исследовательский инструмент, которым мы располагаем на стадии поиска предмета исследования и постановки задачи на исследование.** Люди, которым такой подход неведом, обыкновенно фотографируют достопримечательности. Но достопримечательности снимают туристы, а не учёные.

Не проделав этой предварительной работы, сформулировать цель и задачи на исследование, выявить предмет исследования не представляется возможным. В таком случае программа исследования будет примерно такой: «посетить города». Вы их посетите, а в результате ничего не получите.

Также есть сложные города, которые, возможно, еще рано исследовать. Важна определенная практика, чтобы в них разобраться. Так сложилось, что Олег Мальцев начал экспедиционные исследования сразу со сложного города — Мюнхена (Германия). Постепенно накапливая практику экспедиционных исследований, ученому становилось проще работать в других городах. Молодым исследователям не стоит начинать свою работу с Палермо — это слишком сложный город. Сначала нужно исследовать все провинции Палермо. Как отмечает Олег Мальцев, первая экспедиция в Палермо — это лишь крупинка того, что удалось сделать в последующих экспедициях на Сицилию. После экспедиции на о. Фавиньяна Олег Мальцев до сих пор продолжает исследование. Выводов сделано много, но «взломать» систему острова не удалось, осталось очень много вопросов. Бывает, что учёному удастся проникнуть в суть системы сразу, в первый же день, как это было со взломом Системы венецианских масок. Но так происходит нечасто. Такой регион, как Рейн, по мнению ученого, — это «карьер», который можно разрабатывать несколько лет.

Те, кто давно анализирует и следит за работой Экспедиционного корпуса, неоднократно слышали волшебный и многообещающий возглас «ВЗЛОМ!», означающий, что Олегу Мальцеву удалось открыть очередную тайну европейского мистицизма, проникнуть в суть древних систем и механизмов, найти самое главное ядро — технологию.

ВЗЛОМ — это осмысленное замыкание цепочки между предметом исследования и технологией.

Взлом может быть осуществлён один или несколько раз в ходе экспедиции. И это самый важный момент в экспедиционном исследовании, свидетельствующий, что учёному удалось сделать новое научное открытие, имеющее прикладной аспект.

Основное достижение — это открытие, которое вы сделали.

Основные открытия, которые были сделаны в Дубровнике:

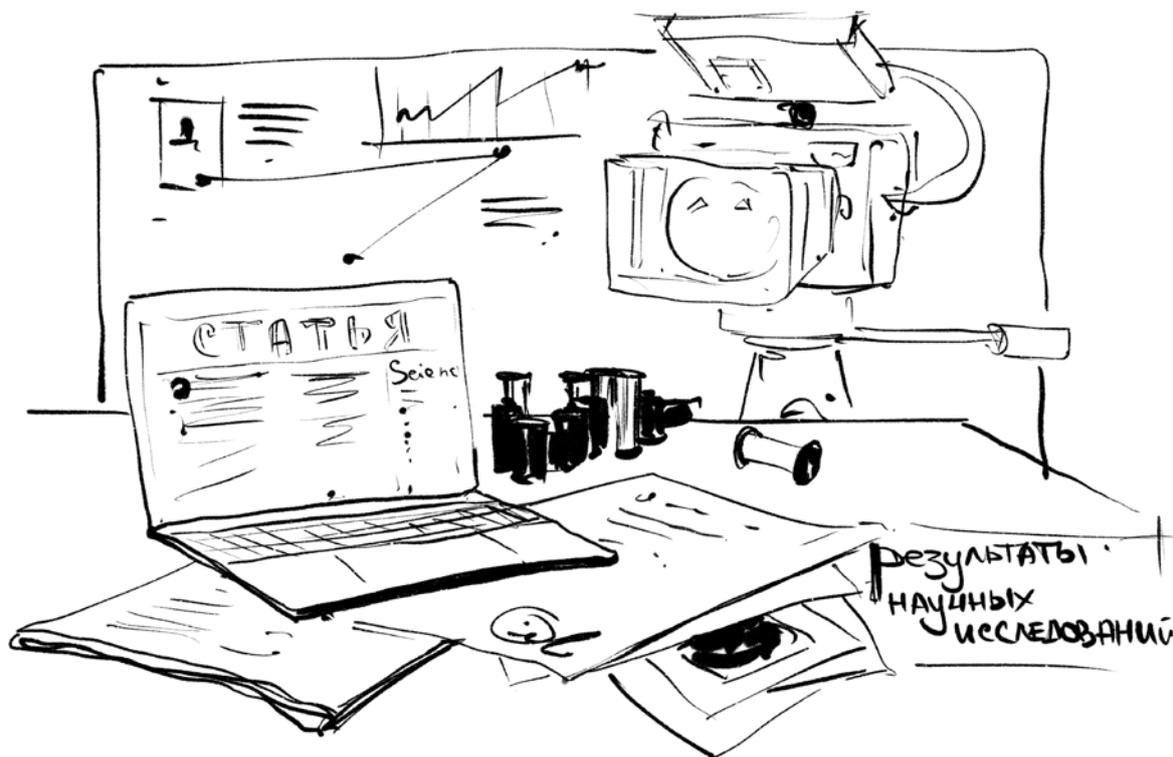
1. Найден сам механизм «вайтах» — механизм, превращенный в город;
2. Впервые найдена символьная система «Венецианская Слава»;
3. Впервые найден механизм «Францисканская наковальня»;
4. Найден символ «Многоликая правда» (символ: крест, вокруг которого изображены пять ангелов);
5. Ряд сопутствующих открытий, проистекающих из выше перечисленных.

Ремарка относительно символа «Многоликая правда»: в Дубровнике в разных храмах были найдены символы европейского мистицизма, олицетворяющие двуликую, трехликую, четырехликую и пятиликую правду.

Четыре основных открытия имеют технологическую пользу, способствующую дальнейшему разрешению разноплановых задач.

Многоликая правда.

Далее надлежит определить продукт и его формат, позволяющий целостно и аргументированно отразить ваши открытия: например, серия статей, монография, научно-популярная книга. От того, насколько правильно вы выберете форму продукта, который представит ваши открытия, зависит степень восприятия вашей работы другими членами общества, насколько точно вам удастся донести ваши открытия до общественности и научных кругов.

Чем доступнее написана работа, тем большее количество людей смогут ее воспринять. Чем сложнее работа подана, тем уже круг читателей. Учёному важно найти баланс между доступностью и сложностью научных выкладок.

Безусловно, рекомендуется выбрать ту форму, которая наилучшим образом отразит результат вашей работы. С этим вопросом полезно определиться в ходе экспедиции.

Многие считают, что монография или научная книга как формат лучше, нежели научно-популярная книга — как показывает практика 21 века, это заявление не соответствует действительности.

Самой лучшей формой подачи результатов исследования является научно-популярная книга. Как бы активно большинство учёных ни заявляли, что «...научная монография лучше, серьезнее, «научнее», мировая практика и практика Экспедиционного корпуса показали, что самыми известными стали научно-популярные книги. Даже сами ученые чаще и с большим интересом читают научно-популярные книги, чем монографии и диссертации. Поэтому целесообразно сначала написать научно-популярную работу, а затем, если требуется, научную монографию для академического сообщества.

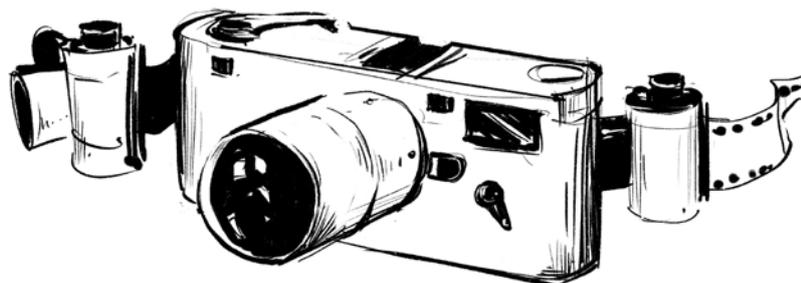
Научно-популярная книга — не значит «ненаучная» работа, напротив, это та же наука, описанная и иллюстрированная популярным, понятным языком. Написав научно-популярную книгу, вы легко сможете превратить ее в монографию, если в этом возникнет необходимость.

ЧЕМ НАУЧНАЯ РАБОТА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НЕНАУЧНОЙ:

1. Научный патронаж: у научной работы всегда есть научный редактор (научный руководитель). Научный патронаж написания книги “Невидимый ангел или что фотографировать” осуществлял многоуважаемый профессор социологии, академик Украинской Академии Наук Максим Анатольевич Лепский.
2. Методология: научной работе предшествует методология, из которой происходит содержание работы.
3. Логика изложения.
4. Наличие доказательств: научная работа — это не повествование, она должна представлять факты, выводы, гипотезы и доказательства.
5. Рецензирование, которое должно быть тематическим (специализированным). Будет крайне странно, если работу по глубинной психологии будет рецензировать социолог или физик. Иногда рецензия эксперта может иметь большее значение, нежели рецензия из научного сообщества. Есть люди, которые являются признанными ведущими экспертами в своей области, но не имеют научной степени. Существуют узкие отрасли, в которых рецензентами могут выступать только эксперты, по причине отсутствия возможных рецензентов из научной среды. Например, Стив Лотт лучше разбирается в боксе, чем любой дипломированный специалист, поскольку мистер Лотт живет в этой среде всю сознательную жизнь, с ранних лет занимаясь профессиональным боксом и сотрудничая с лучшими профессионалами и боксёрами своей эпохи. Монографию Олега Мальцева «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины» рецензировали двое учёных и заслуженный журналист Украины Ким Борисович Каневский. В данном случае авторитет журналиста К. Б. Каневского намного выше любого ученого, поскольку его экспертный уровень позволяет комплексно анализировать, как работают СМИ, равно как и посредством СМИ создаются «пандемии» и прочие формы информационного воздействия на общество.

Если работа не соответствует этим пяти параметрам, будет достаточно сложно заключить, является ли она научной. Также следует помнить о требованиях к фотографиям как источнику научной информации и необходимости использовать плёночную фотографию для съёмки фактов и доказательств. Учёный не может работать в экспедиции без фотоаппарата, поскольку запомнить всё — просто невозможно.

Фотография играет важную роль, и как внешний блок памяти, и как материал для вторичного анализа, и как инструмент доказывания гипотез и верификации фактов и полученных выводов.

ГЛАВА 4

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОЙ ФОТОГРАФИИ

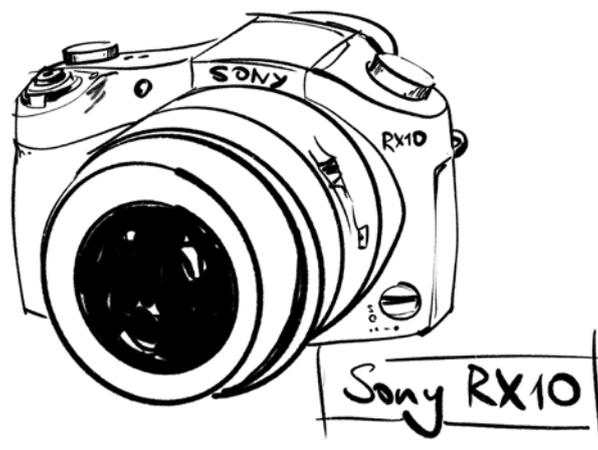
До определенного момента структурированного свода данных по *общей теории научной фотографии* не существовало в академической науке, однако за пределами поля «академического» такая теория уже проходила этапы становления, приобретая определённую форму. В частности, на примере «Золотой книги Rolleiflex» можно удостовериться в том факте, что многие учёные, профессора, академики и 50, и 70 лет назад делали фотоснимки на Rolleiflex — и это были непосредственно фотографии научного порядка. Соответственно, генезис формирования представления о том, что такое «научная фотография» и как делать такие снимки, корнями уходит к XX столетию. Однако создание валидной методологии научной фотографии — это достижение научного подразделения «Экспедиционный корпус» Института Памяти под руководством академика УАН, доктора философии О. В. Мальцева. Задача создания единой теории научной фотографии также не решалась «в один год»; так, Экспедиционному корпусу предстояло проделать долгий исследовательский путь.

У Экспедиционного корпуса ещё на старте главным инструментом исследования стал фотоаппарат. И этот выбор фатально неслучаен. **Изначально научная группа изучала теорию научной фотографии (в том числе, с целью создания методологии), исходя из двух осмысленных и проверенных на практике посылок:**

1. **без фотографий не возникает предмет обсуждения и исследования;**
2. **сама работа с фотоаппаратом позволяет видеть то, что изначально не замечает человек без фотоаппарата.**

То есть, фотоаппарат создавал для нас некую логическую дисциплину подхода к исследованию среды.

Первым фотоаппаратом Экспедиционного корпуса была камера Sony RX10 с фокусным расстоянием 24–200 мм. Она прекрасно зарекомендовала себя в работе на Сицилии, но также позволила прийти к выводу, что мы нередко фотографировали «всё интересное» и пропускали те важные элементы, за которыми впоследствии пришлось возвращаться. Работа с этой камерой показала, что, когда у начинающего исследователя в руках камера, позволяющая менять фокусное расстояние в диапазоне от 24 до 200 мм — это очень плохая идея для первой экспедиции. В результате рейда или выхода в город у исследователя получится несколько сотен разрозненных фотографий, отдельные элементы, при отсутствии понимания, что к чему относится. Фотоаппарат Sony RX10 подходит весьма опытному исследователю, для молодого исследователя такой фотоаппарат — это беда. Рекомендуется идти последовательно, либо от длиннофокусных объективов к широкоугольным, либо от широкоугольных к длиннофокусным объективам.

Таким образом, методология работы с фотоаппаратом перестраивает обывательский взгляд человека на эффективный исследовательский взгляд и логику.

Налучшее экспедиционное фокусное расстояние — 40 мм. Все остальные фокусные расстояния являются вспомогательными. Также хорошим вариантом уже для опытного исследователя и фотографа будет объектив с фокусным расстоянием 24-70 мм. Работа со среднеформатными камерами Hasselblad показала, что объективы 30 мм крайне эффективны для работы с большими объемами, как, например, во Флоренции.

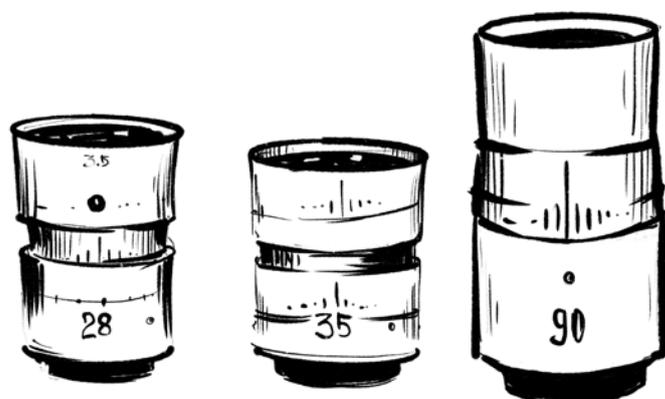
Подход к исследованию определяет тактику съемки:

Если выбран подход исследования города от общего плана к деталям — следует начинать работу с широкоугольных объективов и переходить к длиннофокусным.

Если выбран подход исследования от частного к общему — начинайте работу с длиннофокусных объективов, а для съемки объема переходите на широкоугольные.

Эти два подхода к работе с фотоаппаратом в экспедиции позволяют ничего не пропустить и создать фотоархив исследовательских фотографий, с которым впоследствии можно работать.

Для съемки больших объемов и широких площадей понадобятся объективы: 21 мм, 20 мм, 18 мм, 17 мм. Также широкий угол имеет большое значение на узких улицах городов. Например, в Палермо очень сложно сфотографировать храм, даже перейдя на другую сторону улицы, так как все улочки достаточно узкие. В такой ситуации вам понадобится широкоугольный объектив, чтобы «захватить» весь храм в одном кадре. То есть будьте готовы к тому, что каждый город имеет свою специфику съемки.

Можно выделить три объектива которые должны быть в базовом арсенале исследователя: 28 мм, 40(35) мм, 90 мм.

Для опытного исследователя идеальным экспедиционным объективом является 24–105 мм. Универсальным вариантом также выступает фотоаппарат Leica d-lux 7 с фокусным расстоянием 24–70 мм.

Объектив 50 мм понадобится для вечерней съемки, так как он чаще всего самый светосильный.

Тяжелая оптика типа 70–200 мм тоже может понадобиться в экспедиции, но нужно понимать, что работать с ней долго не получится из-за большого веса.

Фотографии формата 6X7 — это стандарт, с которым обычно работают ученые. Формат Rolleiflex 6X6 тоже подойдет для работы. Существует формат 6X9, который используются, когда нужно большое разрешение, а также более панорамный вид. Особую роль играют камеры формата 6X4,5, они относятся к среднему формату и дают высокое разрешение изображения, с такими фотоаппаратами можно работать на протяжении всей экспедиции, так как на 120-й пленке у них больше кадров — 16, и сами по себе чаще всего камеры более компактные и легкие.

Важно: в научной экспедиции нельзя исключать такой фактор как «непредсказуемость», в частности, это касается погодных условий. Следовательно, важно иметь с собой пылевлагозащитный фотоаппарат. Например, у компании Leica практически все

фотоаппараты не влагостойкие, когда у Pentax — наоборот, почти все цифровые камеры и объективы с достаточно высокой защитой.

Технический арсенал исследователя должен быть сбалансирован. Не рекомендуется бездумно повторять за другими учёными и фотографами. При выборе оборудования следует учитывать свои психофизиологические особенности, уровень мастерства съёмки, погодные условия местности и другие описанные в данной книге факторы.

Методология — это не только «как», но и «что», и при каких условиях снимать.

Существует предубеждение относительно того, что методология «решает» вопрос «что именно фотографировать»; тем не менее эта позиция не соответствует действительности. Первая экспедиция в город Бари (Италия) на деле показала, что, возможно, придётся снимать не только на улице или в темных храмах, но ещё и фотографировать документы в архивах. Работа в архивах — это тема отдельного разговора, но для съёмки документов потребуется либо телефон с высококачественной камерой, либо отдельная камера, позволяющая снимать документы. Поэтому руководитель Экспедиционного корпуса всегда берет с собой маленькую камеру, на тот случай, если придётся снимать в архиве.

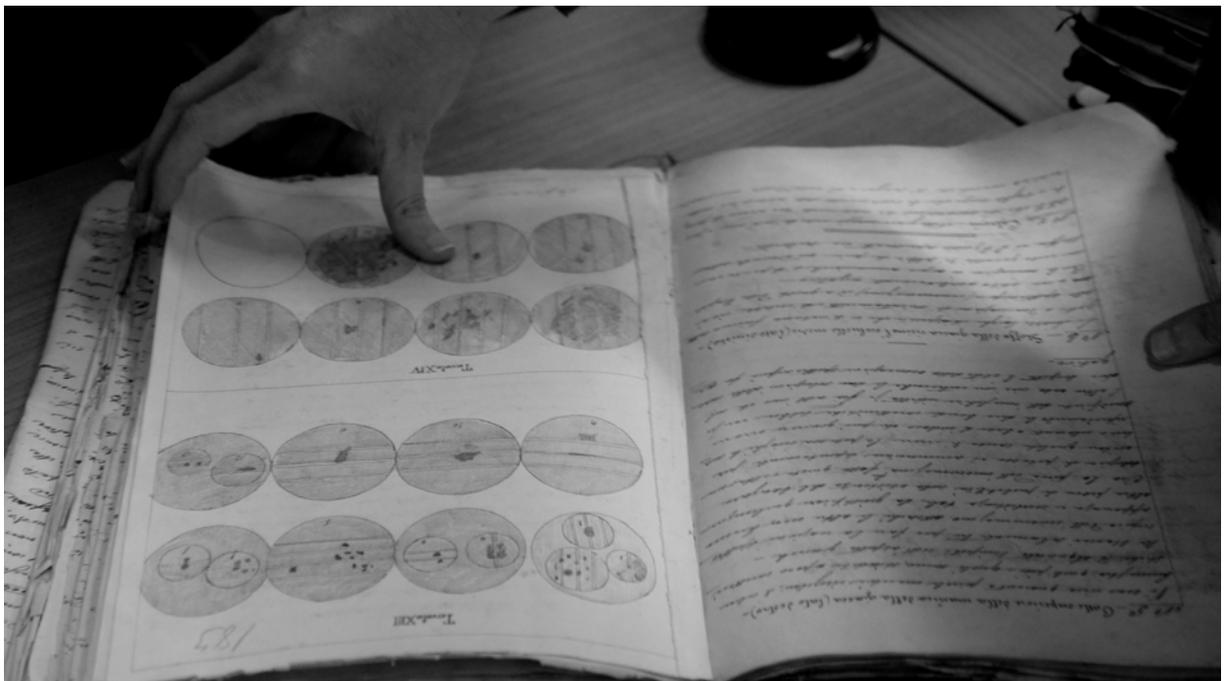
В одной из калабрийских экспедиций, в частности, состоялась работа в городском архиве Реджо-ди-Калабрия, которая заняла целый день. Возможно, потребуется снимать музейные экспонаты, что требует отдельного навыка. Например, у действительного члена Экспедиционного корпуса Алисы Новоселовой прекрасно получается осуществлять съёмку музейных экспонатов. Может возникнуть и такая задача: перефотографировать уже существующие снимки, что также требует знания дела и мастерства.

РАБОТА В АРХИВЕ
Реджо-ди-Калабрия.

Работа в архиве Реджо-ди-Калабрия.

Особенности фотосъемки в архивах: вам понадобится специальный фотоаппарат или телефон с хорошей камерой; нужно уметь правильно снимать документы; важно сделать фотографии, подтверждающие ваше нахождение в архиве, текущую живую работу с документами, ваше взаимодействие с сотрудниками архива. Желательно, чтобы фотографии были сделаны с разных ракурсов и разными людьми (чтобы впоследствии ни у кого не возникло сомнений, что вы действительно были в этом архиве и именно вы сделали снимки документов). Также могут быть полезны фотографии официальных запросов и пропусков в архив.

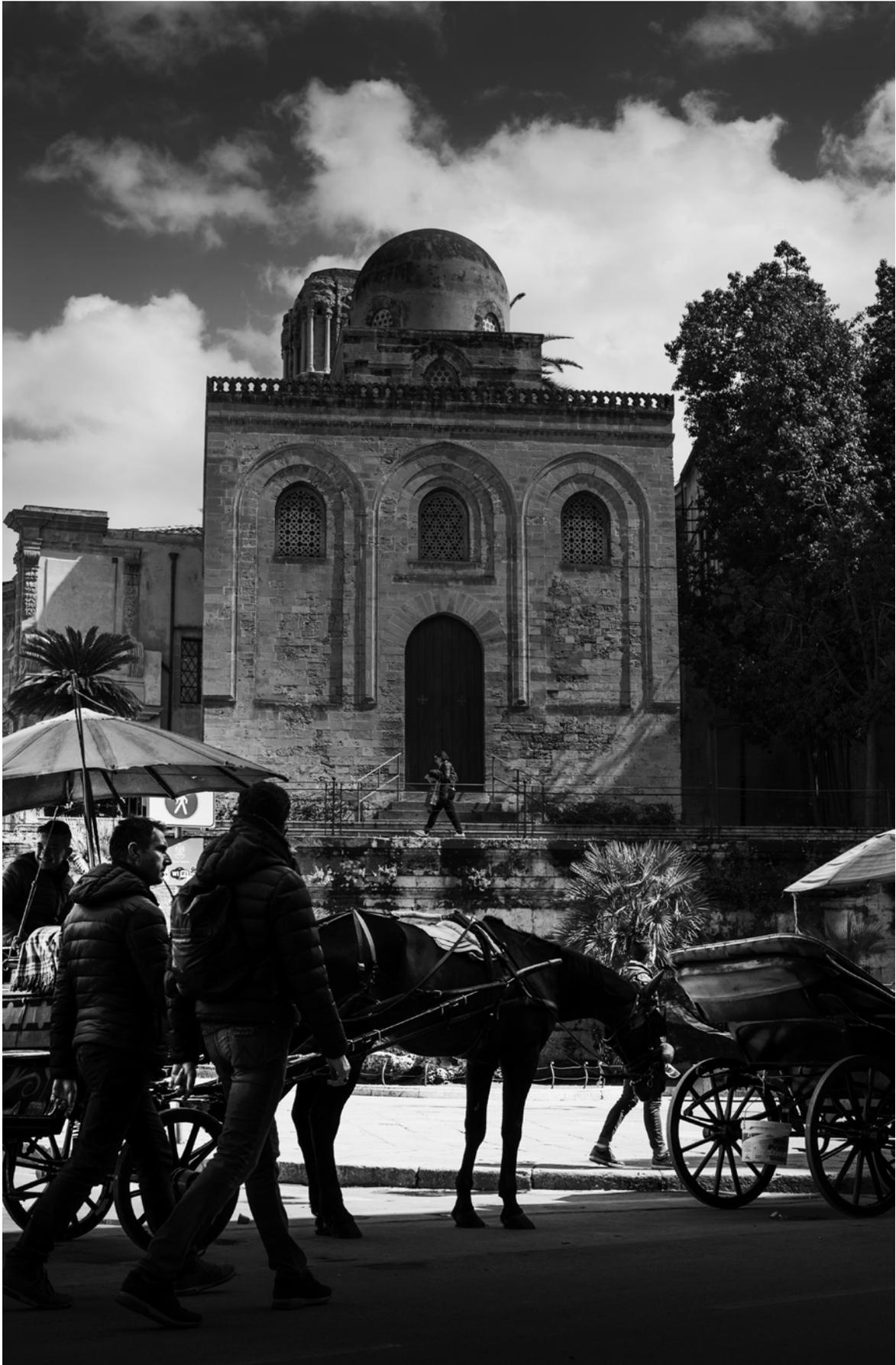
РАБОТА С ИСТОЧНИКАМИ

Работе с источниками научной информации посвящена книга «Тень Европейского континента» Олега Мальцева. Отдельного пояснения требует тот факт, что *фотосъемка храмов* и *стрит-фотография* сильно различаются между собой. Наблюдателю или туристу может показаться, что снимать храмы и их архитектурные элементы важнее, нежели делать стрит-фотографии. Данное заявление в действительности не выдерживает проверки. Например, в Калабрии важнее снимать стрит-фото, чем храмы. Дело в том, что без стрит-фотографии невозможно понять самобытность этого региона. Стрит-фото желательно делать так, чтобы люди не замечали, что вы их снимаете; в данном случае во-первых, акцент делается на категории «естественность», поскольку постановочные фотографии точно не нужны. Также невозможно воспринять среду Палермо, не сделав тысячи стрит-фотографий. В провинциях Палермо подход к фотографии иной: *выстраивать съемку от культовых объектов и переходить к стрит-фотографии*.

Кара V. г. Парермо.
Сусуанга.

г. ПАНЕРОМО. Суванна.

г. Панаермо. Сувениры.

†. ПАНЕРМО. Сицилия.

Очень важно научиться снимать незаметно для окружающих.

Во-вторых, работая в замках Баварии, Экспедиционный корпус часто сталкивался с запретом на съемку и навык незаметной фото- и видеосъемки в таких ситуациях сыграл важную роль для получения исследовательских данных.

Книга «Тень Европейского континента» описывает методологию работы с источниками научной информации. Не изучив эту книгу, будет непонятно, что исследовать. Нужно сказать, что эта методология дала сбой только один раз — во Флоренции. Оказалось, что в этом городе нет ничего, что требовалось найти для исследования: все храмы разбиты, фрески стёрты, многие объекты перестроены и созданы симулякры. Это была сложнейшая экспедиция, поскольку научной группе пришлось кардинально менять подход к исследованию в ходе самой экспедиции.

Книга «Компас судьбы» раскрывает вопрос навыков, которыми должен обладать профессиональный исследователь.

После этого рекомендуется прочесть книгу «Вековой обман», поскольку она позволяет научиться правильному подходу.

После важно обратиться к экспедиционным книгам, таким как «Обманчивая тишина», «Мина замедленного действия» и прочие. Они способствуют пониманию того, как принципиально определяется тактика научного исследования; так, для каждого исследования выбираются различные, в том числе, специальные инструменты. Например, исследование калабрийской криминальной субкультуры, описанное в книге «Обманчивая тишина», проводилось с помощью таких инструментов, как эвристическая модель, а также счетно-решающая модель Сонди. В книге «Мина замедленного действия» описаны исследования, проведенные с помощью исследовательской амальгамы. Амальгамная книга «Мой Бог Франческо Виллардита» написана благодаря использованию комплекса инструментов и нескольких амальгамных методов.

Где описаны все методы исследования? В монографии «Философия Юга Италии» вы обнаружите множество методов и инструментов исследования, в том числе, рассмотрен практикум применения методов исследовательской концепции и мировой прототипологии.

При написании книги «Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины» Олег Мальцев использовал модель Ж. Бодрийера и рекомендует использовать её как исследовательскую модель.

После того, как выше перечисленные труды и книги изучены, поняты, а практические рекомендации освоены, наступает черёд переходить к монографии по источниковедению «Фотография как источник научной информации», написанной в соавторстве руководителем Экспедиционного корпуса Олегом Мальцевым, профессором социологии Максимом Лепским и профессиональным фотографом, членом-корреспондентом УАН Алексеем Самсоновым.

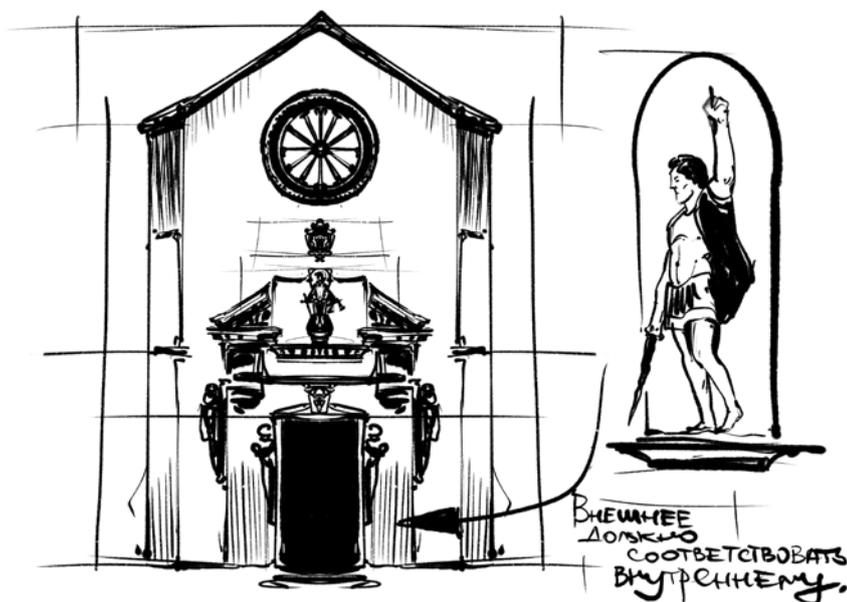
Не менее плодотворным является изучение методологии и материалов научной экспедиции в Мексику. В данном случае была использована методология, которая позволяет производить расчёт объема посредством теста Роршаха, с помощью этой методологии можно строить выборки и применять математические и прочие исследовательские методы к полученным выборкам.

ТЕХНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начнем с фактического, наглядного примера.

В декабре 2019 года Экспедиционный корпус впервые прибыл на остров Фавиньяна

(Италия) — центральный остров в легенде о создании трех криминальных организаций на Юге Италии. Сойдя с парома, научная группа начала движение по объекту, делая общие планы, чтобы понять, с чем имеет дело. Съемка производилась на широкоформатные камеры. У первого храма, были сделаны фотографии фасада здания и интерьера. На основании полученных данных нужно было сделать предварительные заключения об этом сооружении, его смысловой нагрузке. Если не знать содержания вышеперечисленных книг, понять что-либо не представляется возможным. Элементы фасада позволяют сделать умозаключение, что за храм перед вами и что стоит ожидать внутри.

Внутренние символы храма должны соответствовать внешним. Если они не соответствуют — вы имеете дело с симулякром. С такой ситуацией Экспедиционный корпус столкнулся на Юкатане в Мексике — внутренние элементы храма не соответствовали внешним. То есть, внутренние элементы этих храмов (статуи, алтари, картины, фрески и пр.) совершенно новые и не представляют ценности для исследования. Поэтому стоит быть очень осторожным, когда вы делаете вывод, исследуя культовые объекты.

Как уже было отмечено, проникновение в суть начинается с осмысления предмета исследования. Если предмет исследования еще не сформулирован, необходимо двигаться от общего к частному. Если во время первого выхода в город не удалось сформулировать предмет исследования, этой задачей следует заняться, вернувшись на базу, проанализировав сделанные фотографии.

Только после того, как сформулирован предмет исследования, можно приступать к составлению **программы исследования**. Для этого важно, чтобы изначально был качественно составлен эскиз исследования. Если эскиз сделан некачественно, будет собрана некачественная «руда» (исследовательские фотографии), и в результате не будет сформулирован предмет исследования.

Во время экспедиции во Флоренцию пришлось менять объект и предмет исследования, поскольку того, что ожидалось найти во Флоренции, фактически, на месте, не

оказалось. Во время этой экспедиции также был поставлен последующий эксперимент с поездкой в Венецию. Вывод был таков: **культурно-исторические проекты — основа деятельности современных культурных центров.** Для исследователя это имеет краеугольное значение, поскольку изучая культурно-исторический центр, невозможно сформулировать предмет исследования, разве что вашим предметом исследования является создание симулякра.

г. Пиза, Италия _____

Хорватия →

Поэтому на стадии подготовки к экспедиции необходимо отставить в сторону все культурно-исторические «диснейленды». Культурно-историческому проекту свойственны характерные признаки: толпы туристов, хорошая туристическая инфраструктура, платный вход и т.д. Таким симулякрком оказалась Пиза в Италии, пирамида Чичен-Ица в Мексике и др. Там, где расположены настоящие исторические объекты, как правило, пусто и вход бесплатный.

«Очень многие считают, что экспедиция — это прогулка по городу с фотоаппаратом в руках. Они сильно заблуждаются», — Олег Мальцев.

Стоит быть готовым к большим физическим нагрузкам и работе в разных условиях. Например, в Хорватии научной группе пришлось делать съёмку с катера во время движения, к тому же еще на волнах. Во-первых, важно не выпасть за борт, а во-вторых, успеть сделать качественные снимки несмотря на качку и движение катера. Если мы имеем дело с морским городом, обязательно посмотреть на него с воды и сделать снимки с этого ракурса. Очень сложной была съёмка в Венеции, поскольку на скорости можно было просто проехать мимо важного символа или объекта и не успеть его сфотографировать. Поэтому была разработана специальная тактика съёмки в четыре эшелона, что позволило создать качественный фотоархив. И тем не менее, готовьтесь работать с первого дубля. В экспедиции нечасто бывает возможность вернуться второй раз или подождать другого момента. Ни один фотограф не станет снимать против солнца или в полдень, потому что получится плохой кадр. Но перед исследователем стоит задача сделать высококачественные снимки в любых условиях, и это требует отдельной подготовки. Существуют объекты, которые не только сложно снимать, до них еще нужно добраться. Таким объектом является Святилище Мадонны ди Польси, спрятанное высоко в горах Калабрии (Италия).

Венеция →

Святище
Мадонны Липови.

Поездка к этому Святилищу, настоящее восхождение по горному опасному серпантину, недаром сравнивается с прохождением кругов Ада и является настоящим испытанием (о чём можно прочесть в книге Олега Мальцева «История одного Святого»). Но даже благополучно добравшись до Святилища, научной группе пришлось делать снимки уникального храма в полной темноте, по причине отсутствия света. Благо, удалось найти смотрителей храма, которые включили освещение.

Во время экспедиции исследователю предстоит взбираться по горам, проходить километры по брусчаткам, лестницам и бездорожью, поэтому очень важно иметь соответствующую удобную обувь и беречь ноги.

Иначе это мешает фотографировать. Препятствиями выступают любые раздражители: неудобная обувь, неудобная одежда, неудобный рюкзак или спадающая с плеча сумка, холод и отсутствие перчаток, любые отвлекающие внимание и раздражающие факторы. Поэтому необходимо заблаговременно все продумать и исключить подобные нюансы.

«Теория» и «методология» научной фотографии — в чём существенная разница этих категорий? Так, под теорией подразумевается то, что убирает препятствия, а под методологией — то, что дает понимание, что нужно сделать и как это сделать.

Например, когда Экспедиционный корпус планировал поездку к Святилищу Мадонны ди Польси, многие говорили, что этого делать не стоит, это очень опасно. Однако девиз Экспедиционного корпуса «Ни шагу назад!». Благодаря тщательной подготовке, поставленная задача была выполнена.

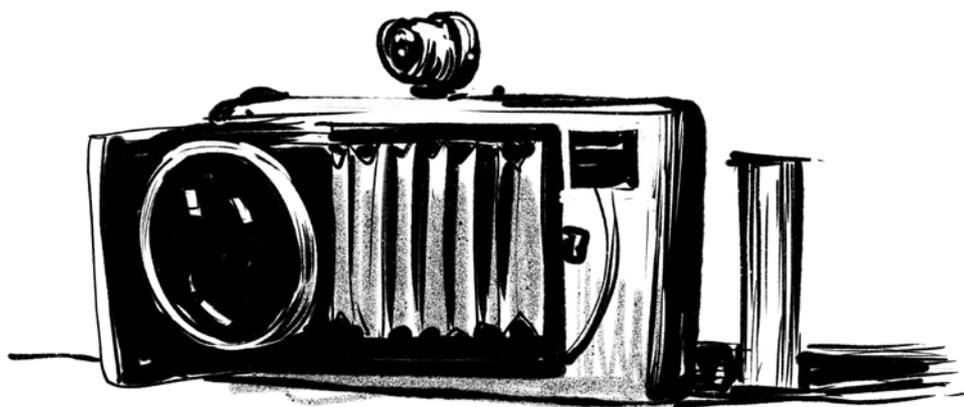
Суммируя вышесказанное, прежде чем проводить экспедиционное исследование, следует:

- Подготовить эскиз исследования;
- Собрать «руду» из фотографий городов и объектов, которые вы планируете исследовать;
- Понимать условия, в которых вы будете работать, и что необходимо взять с собой;
- Выбрать соответствующее оборудование и фотоаппараты;
- Максимально продумать и исключить препятствия, которые могут возникнуть;
- Четко понимать, что вы ищете, предмет и объект исследования;
- Иметь методологию, которая позволит правильно сформулировать предмет исследования, написать программу исследования и заранее понять, в какой продукт вы превратите результаты ваших исследований, чтобы донести их до аудитории;
- **Самое главное — понять прикладной аспект, а именно: какую технологию вы в результате должны получить. Задавайте себе вопрос: «А что это дает?»**

В противном случае ничего не получится. То, чем занимаются многие современные ученые — это лишь попытка осмыслить предмет исследования. Написано немало книг, которые просто являются попыткой осмысления предмета исследования, который, в итоге, так и не был сформулирован. Предмет исследования может быть сформулирован

посредством анализа группы вопросов, на которые нужно ответить, или сформулированной гипотезы, которую предстоит проверить. В любом случае, предмет исследования обязательно должен быть чётко обозначен и понятен.

Выводы: подход к методологии и теории научной фотографии должен быть последовательный; необходимо объективно рассматривать на опыт предшественников. Безусловно, опыт предшественников нужно учитывать, но важно понимать, что каждая экспедиция уникальна, а значит, категория «опыт» не является краеугольной основой для следующей экспедиции. Соответственно, всякий раз требуется искать и выбирать новый подход или конфигурацию подходов, обеспечивающих разрешение научных экспедиционных задач.

Дорога к святилищу
Мадонны ди Польси.

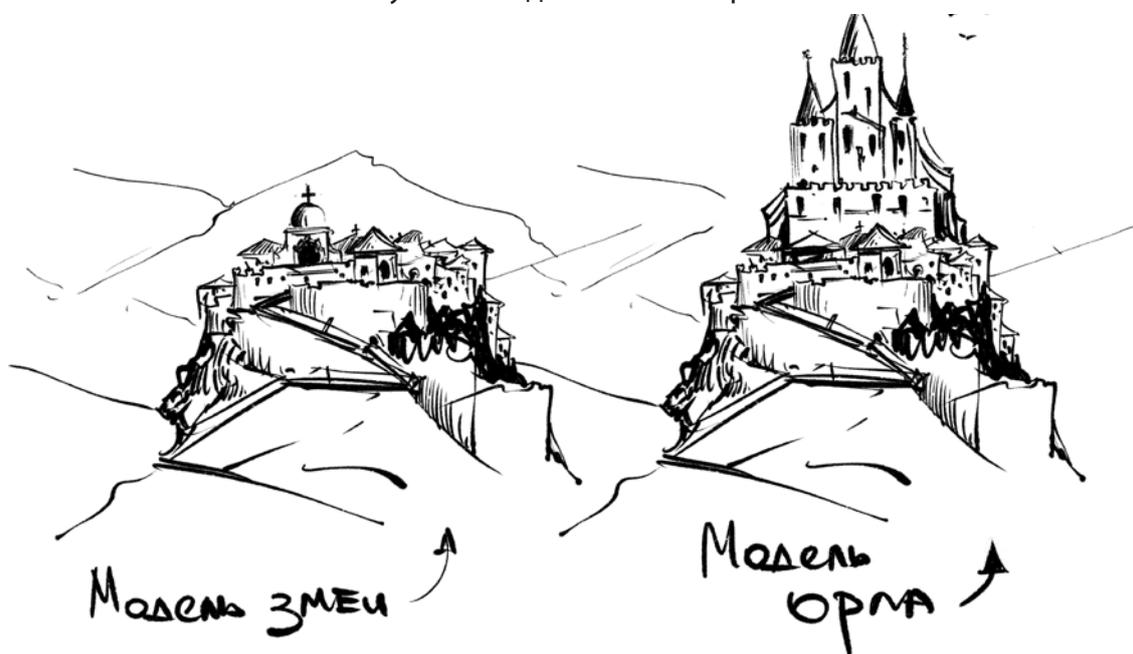
ГЛАВА 5

ПЕРВЫЙ ВЫХОД В ДУБРОВНИК

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ С ФОТОАППАРАТОМ В РУКАХ

Каждый раз приезжая в новый город, вы попадаете в другой мир, мир, созданный другими поколениями, в котором, несмотря на урбанизацию и выросшие постройки эпохи наших дней, по-прежнему сохраняется изначальная модель. Непосредственно эта исходная модель представляет особую ценность и важность не только с позиции научных исследований, но, в первую очередь, для жителей самого города. Изначальная модель города определяет его назначение и обладает особой силой, оказывающей прямое воздействие на судьбы людей.

Дубровник, с этой точки зрения, оказался очень необычным городом. За десятки экспедиций, как отмечает руководитель Экспедиционного корпуса Олег Мальцев, ничего подобного ранее не встречалось. В соседствующей Италии, особенно на Сицилии и в Калабрии, города возведены по принципу двух моделей: «модель змеи» и «модель орла». Как их различить? Если вы видите город, над которым возвышается храм — этот город построен на основании модели змеи. Если над городом стоит рыцарский замок — мы имеем дело с моделью орла. Главный объект — замок или храм — находится на холме, что так или иначе заставляет путника подниматься вверх.

В Дубровнике все наоборот: город будто построен сверху вниз, его центр сокрыт внизу. Интересен и то факт, что Венецианская цивилизация развивалась идентичным образом: её сердце — в горной Венеции, а далее, с гор, эта цивилизация спускается (на остров Венеция), простираясь вплоть до Генуи. Запомним и отметим это сходство.

Итак, первая задача — сориентироваться в городе, исходя из собственных знаний, практики предшествовавших экспедиций и применения научных инструментов. Если вы как исследователь не знакомы с результатами всех предыдущих экспедиций Экспедиционного корпуса, подробнейшим образом не изучили указанных в предыдущей главе методических книг и не владеете практическими инструментами исследования — с ориентированием возникнут большие проблемы. Дезориентация точно не способствует формулированию предмета исследования, выступая фоновым препятствием внедрения программы исследования. Соответственно, в таких условиях качественное исследование провести не получится.

Вторая задача — выделить ключевые явления в городе. Впрочем, это ещё не предмет и объект исследования, а лишь его элементы. Что по-настоящему должно заинтересовать ученого — это механизм того, как он это понял. Было бы странно, если бы город был как открытая книга, все его тайны лежали бы на поверхности, и любой мог их познать. На практике всё как раз наоборот. Видимо, некто-устроитель изначально предполагал, что, если в это город приедет подготовленный человек, он сможет получить необходимые знания, а простой турист или проезжий — нет. Такие знания открываются только людям с определенным уровнем подготовки. Поэтому исследователя, прежде всего, должен интересовать тот механизм, который позволяет осознать ключевые элементы.

У каждого города существует невидимый механизм, который способствует проникновению в тайну города и замыслов тех, кто его построил. Это механизм и есть «вайтаха» или «невидимый ангел». Он не только превращает город в неприступную крепость, организует жизнь людей в этой среде, но и воспитывает жителей города, будто «вылепливая» или «вытачивая» их личности на определённый манер, в результате чего возникает тип личности, свойственный среде города. Этот механизм работает на всех уровнях: от антропологического до мистического.

Вайтаха — это механизм, выраженный в городе, который заставляет человека стать, кем нужно, согласно изначальному замыслу создателей города.

В этом заключается секрет Дубровника. Именно Дубровник позволил Олегу Мальцеву сделать научное открытие: в каждом городе заложен некий механизм, который создаёт из людей определённый тип личности, подобно тому, как станок обтачивает деталь.

У города Одесса, например,— свой вайтах, превращающий одесситов в определенный тип личности: в авантюристов, склонных к приключениям, путешествиям и преступлениям. Обратите внимание, чем славится Одесса? Рассказы, фильмы и песни посвящаются жуликам, мошенникам, хитрецам. Любимый герой Одессы — конечно же, Мишка Япончик. Это прототип, к которому все стремятся — «любой ценой получить то, что хочется, успеть пожить красивой жизнью и умереть». Таковой посыл и стремление весьма свойственны Неаполю, что красочно и подробно описывает в своих книгах итальянский

журналист и писатель Роберто Савиано. Как Неаполь, так и Одессу построили европейские дворяне, которых сегодня и «след простыл». Зато по странному стечению обстоятельств оба города славятся своей преступностью. Одесса по сей день живет собственным укладом и, как станок, «штампует» авантюристов.

Вайтах воздействует на людей на бессознательном уровне, независимо от того, знает человек об этом механизме или нет, хочет ли он подвергаться этому воздействию или нет. Современные горожане, безусловно, даже не догадываются о существовании этого механизма.

Итак, первый обзор Дубровника дал научной группе три элемента. Сопоставим их с треугольником методики Постамент, которая также состоит из трех элементов.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОЛУЧАЕМ ФОРМУЛУ ГОРОДА ДУБРОВНИК:

Венецианская Слава = Францисканская наковальня + Правда*

** Правда: в центре Дубровника находится храм Корабельного Бога, как символ начала осмысления правды, а конец осмысления правды происходит в иезуитском храме в самом конце города — символ пятиликой правды. То есть, каждая составляющая формулы имеет глубину содержания.*

Вывод: у каждого города есть механизм вайтаха, который не только позволяет осмыслить систему, но и вывести формулу города. В каждом отдельном городе будет свой механизм вайтаха и своя уникальная формула.

Таким образом, при исследовании города перед научной группой стоит задача найти элементы и осмыслить механизм вайтаха; из механизма вайтаха вывести формулу города, которая даст ответ на вопрос, какой тип личности воспитывает этот город, то есть, каков его главный прототип.

Сопоставив диапазон исследования города — от антропологического уровня до мистического — с формулой города, мы получим программу, посредством которой вайтаха будет создавать людей определенного типа в этом городе. Значит, таким образом возможно восстановить бессознательную программу тренировки в конкретном городе. Для этого необходимо написать формулу города (согласно нашему примеру — это Дубровник), выстроить диапазон уровней тренировки (представленный во второй главе данной монографии), восстановить всю программу тренировки и понять, каким образом в результате получается «Венецианская Слава».

Итак, данное исследование позволило понять следующее:

В каждом городе существует невидимый механизм, который выполняет множество функций, а самое главное — как станок, формирует определенных людей в этом городе. Вайтаха воздействует на всех жителей города на бессознательном уровне, и поскольку «заготовки» разные (у каждого человека есть свои особенности), в результате работы механизма будут получаться люди определенного типа (например, авантюристы), и каждый из них будет обладать своими особенностями. «Резцом» этого «станка» являются условия, в которых живёт человека.

Кроме основного прототипа города также существует диапазон статусов в этом городе. Сопоставив диапазон уровней тренировки и диапазон статусов, можно при помощи формулы города осмыслить диапазон влиятельности этого города. После этого можно проанализировать,

как формируется менталитетная составляющая города, которая является «резцом» этого «станка», формирующая личность человека на бессознательном уровне. **Перед нами иная, третья теория личности, наряду с теорией личности Л. Сонди и Г. Роршаха!**

Поскольку универсального города не существует, это порождает во всех людях определенную степень ущербности, что еще раз доказывает: ущербность как предмет исследования психологии является основной исследовательской категорией до тех пор, пока существуют города. А психология степеней является единственным объективным инструментом, позволяющим на научном уровне управлять этим явлением.

Идеальный город не может существовать как таковой. Каждый город посредством механизма вайтаха создает только определенный тип личности, что порождает степень ущербности всех его жителей. Исходя из этого, Олег Мальцев заключает, что ущербность возникла, когда появились города. Города являются причиной существования ущербности, независимо от их размера. Если вы живете в маленьком провинциальном городе — вас считают провинциалом, недостойным высокого общества человеком. Если же вы живете в столице — вас нередко считают чопорным и высокомерным, ибо «вы не видели настоящей жизни», то есть, как одни, так и другие, ущербны в определенной степени.

Таким образом, говоря об ущербности, мы имеем дело с очень древним явлением, что порождено механизмом вайтаха, закладываемым в основу города ещё на этапе формирования его замысла, и это присуще всем городам в мире. Обратим внимание, люди во всех городах отличаются, даже в тех, которые расположены недалеко друг от друга. Даже если мы рассмотрим современные города, которые построены без учёта применения механизма вайтаха, этот механизм все равно возникнет и будет влиять на

людей. Например, Нью-Йорк и Венеция являются одним прототипом, но если в Венеции этот механизм заряжает человека силой, то Нью-Йорк, наоборот, обессиливает.

Дубровник — это действительно город учебная аудитория. Он многому научил наш Экспедиционный корпус и открыл существование механизма вайтаха, который без ведома человека вытаскивает из него определенную личность. Каждому человеку в Дубровнике откроется своя часть системы, которую он сможет осознать, в зависимости от персонального уровня подготовки.

Почему без фотоаппарата этого нельзя сделать?

Дело в том, что человек не может осмыслить все выводы в одну минуту. А возвращаться в Дубровник по щелчку пальца, когда нужно уточнить какую-то деталь, у исследователя нет возможности. **Поэтому фотоархив — это внешняя память, которую исследователь самостоятельно создал и с которой может продолжать работать после экспедиции.** Именно эта процедура позволяет до конца проанализировать собранные данные и сделать достоверные выводы.

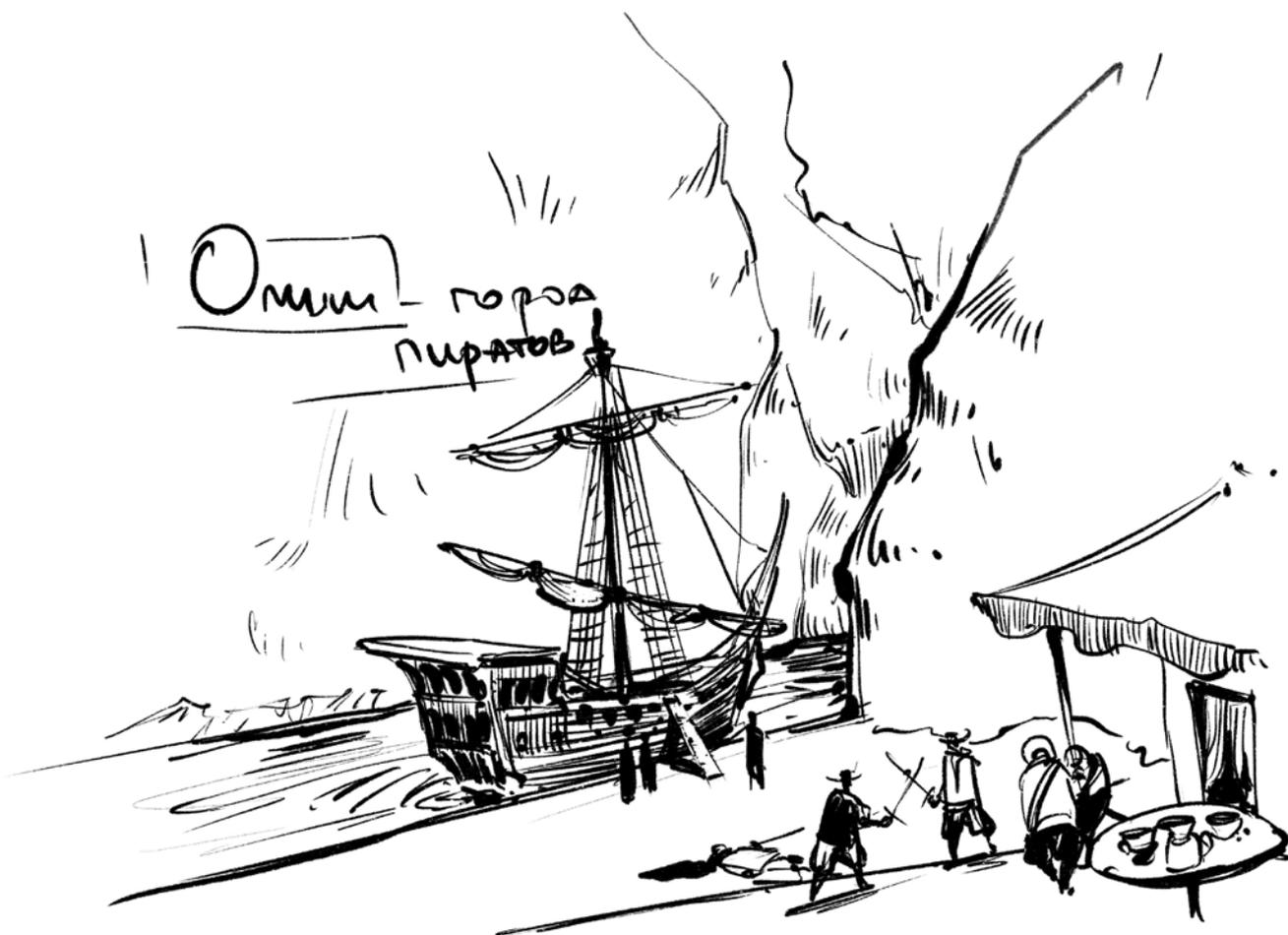
Такие страны, как Испания и Германия являются настоящими учебниками. Германия — символический учебник; эта среда лучше всего обучает европейскому мистицизму и символизму. Испания — это «учебник» по психологии. В частности, в результате экспедиционных исследований на Канарских островах было сделано 22 научных открытия. Безусловно, без предварительной серьезной подготовки, осмыслить подобное просто не представляется возможным.

Олег Мальцев приводит пример из экспедиции в Хорватию:

«Возле Дубровника есть город пиратов, где находятся одни кабаки. Чему он учит? Маленький город, нагруженный символами, в центре — Архангел Михаил и одни кабаки... Чему здесь могли научить? Драке! И не просто драке, а поединку в невменяемом состоянии, на очень вялых ногах — а ведь именно такие ноги будут на abordаже! Они напивались и начинали тренироваться. Кто оставался в живых, были готовы идти в море. Этот город может научить драться не только на земле, но и на море. Были обнаружены заводы, где ставили два корабля борт к борту и учились abordажу. Мы увидели тренажер того, как корабли штурмуют бастион, как корабли подходили к скале, а с них пираты взбирались и штурмовали сложные объекты, которые специально были построены для тренировок такого рода. Пиратский тренировочный центр! Все это скрыто за горами, от посторонних глаз. Если на первый взгляд, крепость-симулякр вызвала вопросы, зачем ее построили... То, когда осмыслили назначение города, все стало на свои места. Крепость специально построили как тренажер — это бутафория, позволяющая научиться штурмовать стены. А кому была нужна подготовленная пиратская банда в этих местах? Неизвестно...»

В одном из интервью профессор Джером Крейс однажды сказал, что социология должна делать общество лучше. И поскольку перед учёными действительно стоит такая задача, значит, нам следует строить такие города, которые позволят взрастить и воспитать это лучшее общество. Статусная линейка играет здесь ключевую роль, так как она определяет, к чему будет стремиться человек в этом городе. Человек бессознательно стремится стать символом города. Нужно понять, какой прототип является символом того или иного города, потому что изменить это невозможно.

Например, в Одессе жители города бессознательно стремятся стать Мишкой Япончиком. В то же время, в Одессе некоторые известные люди трагично закончили свою жизнь. Дело в том, что в этой среде можно «сделать имя», стать уважаемым человеком, но категорически нельзя претендовать на власть в городе. Это касается только Одессы, в силу заложенного механизма вайтаха в этот город. Соответственно, благодаря данной методологии можно исследовать любой город с целью выявления механизма вайтаха и понимания, какой тип людей создаёт сам город. Таковые данные представляют большую ценность для решения многих задач в области социологии, психологии, экономики и других областях. Это позволяет определить как степень ущербности, так и перспективные, востребованные виды деятельности, а также, что в этом городе делать категорически не стоит.

От того, какой механизм вайтаха заложен в город при строительстве, зависят характерные признаки и особенности формируемого городом общества, как-то: диапазон статусов, кем люди будут стремиться стать, и путь, по которому они к этому статусу идут.

Постсоветское пространство, в частности, с большим трудом становится «европейским обществом», потому что люди живут в городах, построенных в эпоху Советского Союза, продолжая жить под воздействием заложенных механизмов.

Есть и ещё один, весьма немаловажный эффект, который точно следует отметить: так, исследовательская деятельность в составе Экспедиционного корпуса, за счет работы в разных городах по всему миру, позволяет ликвидировать ущербность.

Обратимся к урокам истории и будем анализировать практику самых лучших, самых выдающихся личностей. Так, испанские маэстро фехтования были мудрыми и проницательными людьми, они учились по всему миру, сражались на всех континентах, благодаря чему быстро ликвидировали свою ущербность. Поэтому неаполитанский стиль испанского фехтования — венец всех наций, он вобрал в себя науку всех континентов и подарил миру выдающихся маэстро. А основателями методологии исключения ущербности были такие маэстро фехтования как Иеронимо де Карранза, Луис Пачеко де Нарваэс. В трактате «Философия оружия» создатель науки Дестреза, Гранд Маэстро Иеронимо де Карранза так и писал: «Как своим поведением ни Бога не гневить, ни товарищей не смущать», то есть, как устранить свою ущербность.

Выводы: Данное исследование представило миру не только новые открытия, но и выступило еще одним актом верификации существования категории ущербности и психологии степеней. В данной главе авторы продемонстрировали логический ход размышлений, как проводится исследование и какую важную роль играет фотография. В частности, исследователю важно делать такие фотографии, чтобы они были приятными, чтобы их хотелось рассматривать снова и снова. Пока исследователь их изучает, он и осмысляет механизмы, «спрятанные» в среде городе. Универсального города не существует, но разные города, тренируя человека, способствуют созданию безущербной личности. Соответственно, Экспедиционный корпус — это не только уникальное научное подразделение «Института Памяти», но и настоящая «машина» по ликвидации ущербности.

ГЛАВА 6

КТО И КАК ПОСТРОИЛ ДУБРОВНИК

ЧАСТЬ 1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Так ли много мы знаем об окружающем мире и его главном герое — Человеке?

Почему бы не поразмыслить о Науке? О той самой современной науке, которая дорожит нано-технологиями, прорывами в разработке искусственного интеллекта и прожектами будущего освоения космоса. И не забудем про ту «науку», что изучает влияние вкусовых качеств колбасы, если её сразу на язык класть без масла; взвешивает тела умерших, чтоб понять, «сколько весит душа» или пропагандирует «защиту уязвимых нейронов в мозге» методами поедания зелёных листьев. Так или иначе, представления о науке в 21 веке бывают различными. Порой — на грани абсурда и безумия, а однажды — восхищающая каждого.

За что мы любим науку? Пожалуй, за то, что она помогает жить. Решать жизненные задачи, умело отвечать вызовам нашего времени, поражать новыми изобретениями и технологиями.

А как обыкновенно воспринимаем учёного? Тоже по-разному: можно его в халате в лаборатории представить, можно за кафедрой на саммите или пишущим что-то в толстой тетради. Представить его можно как угодно, но распознать, чем учёный отличается от не-учёного, несложно. Существует такой ключевой параметр: результат. Именно результат его научной деятельности: научное открытие в форме того или иного продукта: методики, теста, модели, изделия и так далее.

И вот на этом этапе, уважаемый читатель, в предисловии к главе мы бы и хотели остановиться.

В науке 21 столетия наблюдается настоящий кризис открытий.

Выдающийся учёный-когнитивист, профессор Герд Гигеренцер, который в ряде своих лекций в Институте Макса Планка не боится обсуждать призрачность и ценность «современных открытий», поясняет эту тенденцию так: «Если наука — это океан, то в нём нам надлежит увидеть два моря: Море Открытия и Море Доказательства. И вся наша проблема в том, что Море Доказательства пытается диктовать Морю Открытий правила игры, которые ему чужды по сути. Море Открытий и Море Обоснования — два равноправных Моря, однако же сегодня руки большинства учёных связаны требованиями Моря Обоснования, которые описаны в некоторой степени. А Море Открытий структурировать и обязать какими-то ограничениями просто не представляется возможным».

По факту, многие учёные и вправду остерегаются «поднять паруса» и отправиться в Море Открытий. Они понимают, что приверженцы Моря Обоснования могут просто на первых же этапах, ещё в гавани, задушить все начинания и не позволить открытию — пускай даже и по-настоящему полезному и прекрасному — снизойти на сушу, где живёт Человечество. И проблема в данном ключе формулируется одним словом: **методология**.

При отсутствии развития методического научного направления, когда новые задачи не могут быть осмыслены прежними, пускай и валидными методологиями, а новые науке «не возникают», естественно, рано или поздно в исследовательском поле наступает застой. Как известно, методология — не статичная дефиниция. Их тоже продумывают,

изобретают, конструируют, апробируют и уже много после — представляют на суд академической мировой общественности как систему надёжных подходов и принципов, позволяющих изучать даже самые сложные и запутанные явления.

Без преувеличения «задачи повышенной категории сложности» — это задачи исторического поля исследований. Линейные математические и статистические подходы «не спасут» и не позволят «рассчитать, как всё было на самом деле». Работа с документами и письменными источниками — также занятие весьма ограниченное, в силу того, письменные свидетельства появились не так давно; многие документы утеряны навсегда; иные «трактаты и находки» — новодел и плод вымысла заинтересованных лиц; а если речь идёт о ещё более древних временах, когда не существовало традиции «писать и записывать», бесспорно, при таких обстоятельствах требуются иные подходы, способствующие проводить научные изыскания и проникать в тайны наследия мировой памяти.

В качестве дополнительной ремарки отметим и такой парадокс: многие открытия и изобретения принадлежат фантастам (от подводных лодок и космических ракет — до интернета и смартфонов). Так, при написании романа данные рассчитываются механизмами памяти человека, а при осуществлении общепринятых в 21 веке обоснований учёные используют инструменты точных наук — математики, физики, статистики и так далее. Однако же инструменты памяти безупречны и многофункциональны, а инструменты точных наук ограничены научным инструментарием расчётов и принятыми академической наукой методологиями. Иными словами, фантасты и изобретатели, чьи «умы и руки» не связаны ограничениями Моря Обоснования, совершают открытия многократно чаще, чем учёные, связанные правилами.

Тем не менее, речь не идёт и том, что правила «плохи» и их можно не соблюдать. Фундаментальные научные основы и принципы «работали» тысячи лет. Определённого рода стагнация — это явление современное, следственное. А значит, надлежит, в первую очередь, разобраться с причиной текущего положения дел. Издревле в науке существует такое весомое понятие как методология; её ключевой принцип (применимый во всех сферах жизни и деятельности человека) весьма прост: **прежде чем что-либо исследовать, необходимо что-то использовать.**

Одни и те же методы исследования, скажем, статистическо-математические, вероятно, дают какую-то информацию, но по-прежнему не отвечают на множественные научные вопросы. И один из таких вопросов, который и выступает заголовком данной главы:

Кто и как построил Дубровник?

При условии отсутствия каких-либо надёжных документальных свидетельств, анализируя архитектурную, символическую и антропологическую составляющую города, члены научной группы Экспедиционного корпуса, осмыслив предмет исследования (о чём говорилось в предшествующих главах), пришли к выводу, что методологический выбор при изучении этой загадки мировой памяти пал на метод «исследовательской амальгамы». Так, в ходе Хорватской экспедиции, глава Экспедиционного корпуса, доктор философии Олег Мальцев применил амальгаму исследовательского типа. Амальгамный метод исследования — не «новая или альтернативная технология 21 века». Ещё в 30–40е г.г. прошлого столетия выдающийся советский академик Григорий Семёнович Попов, гений, систематизировавший доктрину и учение о Памяти (а также автор множества открытий о памяти, её модели и устройстве, механизмах и принципах функционирования и пр.) применял амальгамный метод в изучении исторических, антропологических, социологических и прочих задач.

Прежде чем перейти к демонстрации амальгамного метода исследования на предмет построения гипотезы и выявления тех самых «X-персон», которые возвели прекрасный город Дубровник, обратимся непосредственно к вопросу «А что такое амальгама и амальгамный метод»?

ЧАСТЬ 2. ЧТО ТАКОЕ АМАЛЬГАМА?

Итак, отвечая на поставленный в предисловии вопрос, предлагается ознакомиться с научно-популярной статьёй доктора философии Олега Мальцева, опубликованную ранее на официальном сайте учёного, а также в немецком научном журнале «Экспедиция». Статья написана простым научным языком, содержит ряд наглядных демонстраций и даже диалогов. Оригинальный текст статьи без сокращений с минимальными комментариями [в скобках] прилагается ниже.

АМАЛЬГАМА. ПРОТОТИПОЛОГИЯ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА

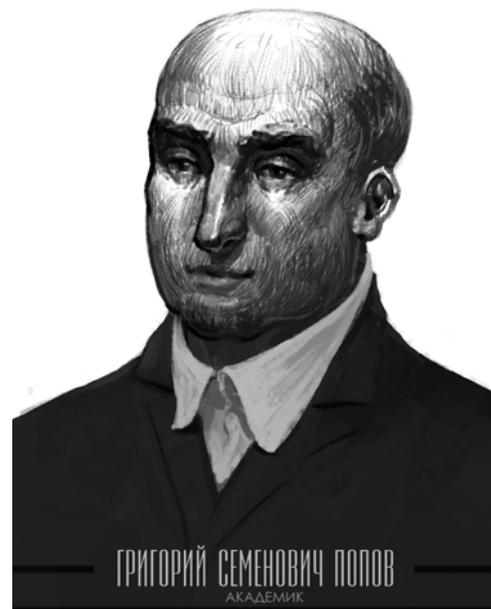
Здравствуйте, уважаемые дамы и господа!

Я взял на себя смелость впервые описать **амальгамный метод**, как его называл академик Григорий Семёнович Попов,— это метод использования прототипологического блока памяти человека. Сначала, как принято, нам нужно разобраться в самом слове «амальгама». Итак, это понятие означает некий сплав или смесь твёрдого металла с жидкой ртутью. Данное название выбрано неслучайно. Академик Попов считал мир, в котором мы живём, «твёрдым металлом», а память — его среду — жидкой ртутью.

Определение амальгамного метода мы дадим в самом начале, чтобы у читателя сформировалось некое представление. Итак, **амальгамный метод предусматривает переплетение управляемой реальности с действительностью на основании уникальных свойств памяти человека, присущих прототипологическому блоку**. И я выбирал, как лучше было бы представить объяснение амальгамного метода, чтобы он был понятен любому человеку вне зависимости от уровня подготовки и понимания — это, безусловно, важно.

На симпозиуме в Палермо (сентябрь 2018 года) мы приступили к изучению непосредственно прототипологического блока памяти. Дело в том, что у каждого блока памяти существуют основной и дополнительный методы. Основной метод работы каждого блока памяти надлежит исследовать по принципу движения «с конца — в начало», и по этой причине мы начинаем изучение с прототипологического блока, а затем (условно) пойдём «вниз» — к архетипологии и родовой концепции. «Из глубины памяти — вовне, наружу» — так строится обучение.

И поскольку первый блок, который расположен в глубине памяти,— блок прототипологический, соответственно, первый метод для исследования — метод амальгамный [непосредственно свойственен прототипологическому блоку памяти].

Понять, что такое «амальгамный метод» достаточно просто и сложно одновременно; самый простой способ разобраться во всём — самому в этом поучаствовать.

[Вскоре после этой статьи в сентябре 2018 года Экспедиционный корпус провел научную экспедицию в Калабрию]. Предстоящая экспедиция и пройдет методом амальгамы: мы построим амальгаму — и вы это всё увидите, поскольку результатом создания амальгамы станет особая, новая книга — «Мина замедленного действия» [В настоящий момент научно-популярный труд «Мина замедленного действия» находится в свободном доступе; каждый желающий может с ним ознакомиться]. И дабы не томить заинтересованного читателя, приступим к разъяснениям об амальгамном методе — причём его суть я изложу так, как буквально недавно рассказывал своим партнёрам по бизнесу.

С одной стороны, **амальгама** — это игра, с другой стороны — это игра, которая и так существует. С иной стороны, говоря простым «человеческим языком», — это **встраивание «кусков жизни» (фрагментов) в киноленту жизни, но таких фрагментов, которых не должно было существовать**. Амальгама проживается человеком в полном смысле этого слова. Итак, воспроизведу свой прежний рассказ партнёрам о том, что это такое и как работает.

Мы сидели с партнёрами за столом, и вот я выбрал одного человека и говорю ему:

— Представь, что мы с тобой сидим — вот просто два человека, безусловно настоящие, ты и Я. Факт наличия «Я» — это самое важное; да, что есть именно «Я», но не другой персонаж, не другое лицо, не персона придуманная, а именно то «Я», что живёт здесь и сейчас.

Но мы совершаем интересную и странную вещь — попадаем в некую историю: давай представим эту историю — кстати, в этом нет ничего необычного, люди ежедневно себе что-то представляют и рисуют картины в воображении. С чего начнём? *Предположим, что мы — два адвоката, и мы нашли в какой-то старой коммунальной квартире некую древнюю книгу об Одессе, например. Вот я сделал предположение: «я нашёл книгу».* И теперь мне нужно понять, как именно я её нашёл — и мы начинаем выдумывать, как мы её обнаружили. Допустим, мы говорим: «У нас есть клиент (раз мы адвокаты, факт наличия клиента — это вполне логично), и он живёт в этой квартире. Предположим, что этот клиент пригласил нас к себе на разговор с какой-либо целью: получить консультацию, услышать совет, попросить, чтобы мы помогли разобраться в каком-то вопросе. Итак, мы пришли к клиенту и попали к нему в эту коммунальную квартиру», — и на этом фрагменте СТОП, останавливаемся.

То, что я говорю — «пришли в квартиру» — это я придумывал всё время, верно? А теперь надо эту историю превратить в действительность. Для того зовём нашего фотографа или оператора, или сами берём в руки фото- и видеокамеру, и начинаем действовать. Мы встаём со стульев, берём фотоаппаратуру и идём искать коммунальную квартиру, и делаем всё, чтобы её найти. Находим некую старую коммуналку — и находку обязательно фотографируем и снимаем на видео (во времена академика Попова, в основном, фотографировали на плёнку, несколько позже и на видео снимали), самая главная задача всё досконально зафиксировать.

Итак, снимая и фотографируя, мы доходим до двери квартиры; можем даже в дверь позвонить — нам, вероятно, откроют, и если спросят, к кому прибыли, можно и придумать имя-фамилию-отчество некоего человека... Затем, понимаем, что не можем вечно шататься по незнакомым местам и звонить в чужие квартиры, идём в бар, присаживаемся, берём кофе... и спрашиваем себя:

— Как книга попала к нам в руки?

Партнёр меня слушает внимательно и говорит:

— Такую историю предлагаю. Я вместе с тобой отправился в квартиру и позвонил в звонок (мы ведь к клиенту пришли, так?). Нас встречает тётя одесская, характерная жительница коммунальных квартир (такие обычно жутко любопытные, пронирливые, всё про всех знают), и спрашивает: «А вам к кому? А вам кого? Ой, а что случилось? А... в гости пришли — так вот он вышел на рынок за *** (какой-то ерундой) и будет дома через 20 минут. Вы можете у него в комнате пока подождать — у него всё равно открыто».

Итак, по приглашению проходим в комнату. Комната как комната, внутри всё обыкновенное. В середине комнаты расположен круглый стол, вот за него и садимся (в ногах правды нет). А двум адвокатам в ожидании, наверное, грустно. Они начинают смотреть по сторонам. И один из них на полке замечает странную книгу, достаёт с полки, начинает листать и находит какую-то схему, например, какого-то генератора. Изучает—читает... и из книги получается, что, когда Одессу строили, её строили на базе определённого генератора. Он где-то до сих стоит в подземелье, мы не знаем ни его функций, ни его свойств — вообще не знаем, как им пользоваться. И вот он по-прежнему где-то стоит и функционирует.

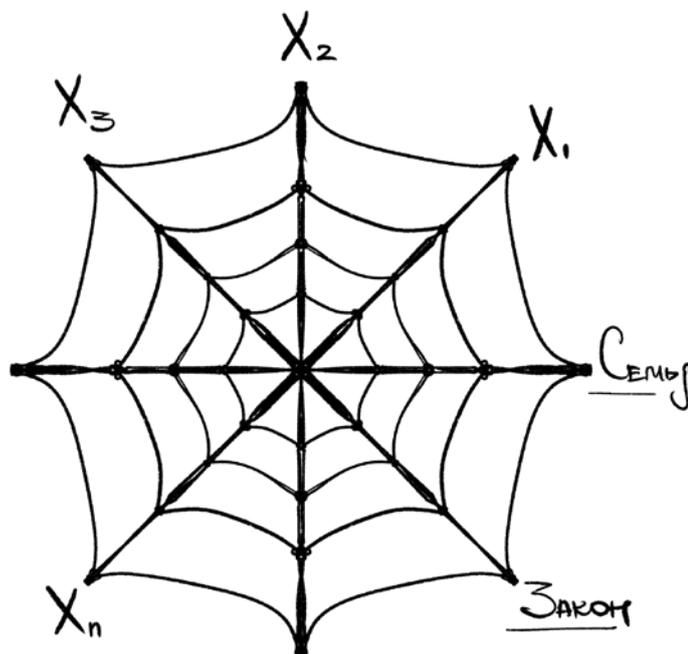
На этом обрывается история. Я только что объяснил, как проживается амальгама. И вы все — любой и каждый — сможете так сделать. Почему? Да все люди и так постоянно только тем и занимаются, что вводят себя в заблуждение, что-то выдумывая или приписывая происходящему собственное понимание, не имеющего к фактическому никакого отношения. Каждый человек способен выдумать такое, чтоб стояло на грани действительности и реальности. И поскольку он регулярно практикуется в том, чтобы вводить самого себя в заблуждение — то ничего нового для человеческой памяти в описываемых мною шагах попросту нет.

Итак, я уже показал, как поэтапно строится амальгама.

Далее предлагаю рассмотреть, как она возникла.

Всё начиналось даже не с того, что мы обсуждали — с совершенно другой проблемы. Итак, пусковая — это проблема, и чтобы всё изложить досконально, я буду всё объяснять по блокам.

Сначала рассмотрим некую паутину. Паутина, в которой живёт каждый человек — это совокупность всех наших зависимостей: закон, семья, родственники, друзья, люди, которые нам дороги и масса прочих параметров.

Для тех, кто знаком с технологией 2CAO, эта паутина хорошо известна. Уже, пожалуй, каноничен тот случай, что я многократно описывал, когда во время одной из тактических игр при подготовке телохранителей (лет семь-восемь назад в Академии безопасности), один из участников игры не смог бросить яйцо в субъект, потому что тот находился в маршрутке, мотивируя это тем, «что бросаться яйцами в маршрутке — это асоциально». Итак, яйцо и маршрутка — это асоциально, а тот факт, что его команда проиграла тактическую игру, поскольку «товарищ» просто не смог засадить варёное яйцо в заданный субъект — это «нормально», с этим он готов мириться. Или другой пример: человек не может снять штаны и рубашку с вешалки, чтобы переодеться (замаскироваться) и тихо, не привлекая внимания, выполнить задачу; не может, потому что «брать чужие вещи — это нехорошо, это неправильно», даже если речь идёт о ситуации в военное время.

Фразы такого рода как «у меня же семья и двое детей», «моя любимая жена, на кого же я её покину», «мои бедные родители» — перечисленные примеры представляют собой объекты, формирующие паутину, в которой крепко, как муха, закутан в кокон современный человек.

И вот в чём беда: если человек попадает в экстремальную ситуацию, такую как война — человек, живущий в такой паутине из зависимостей, — он просто смертник: он умирает сразу же, в первом бою, в первом столкновении.

Вы спросите: «Так с чего же начинается амальгамный метод?» С модели «паутины» и проблемы, с ней связанной напрямую. Впрочем, описанное ещё не проблема — с этой задачей Попов справляться умел хорошо. Советской науке известны были способы «освобождения из паутины», безусловно, требовался некий период подготовки, но люди обучались, освобождались из паутины — и всё было в полном порядке. Итак, констатируем: человека подготовили, в полном объёме освободили от зависимостей, от паутины. Первый «выход на сцену» — это «выход» подготовленного солдата или офицера на войну; и поскольку у Попова «война» по параметрам поставленных задач была «странная», в варианте «один против многих», при фундаментальной ранее полученной подготовке человек спокойно отправляется на войну. И первое столкновение с войной, первый выход — это для человека всегда приключение. В частности, десантники так и говорят: *самый нестрашный прыжок с парашютом — самый первый, он воспринимается как что-то новое, как приключение*. Страшный прыжок второй, но не первый. И даже если перед первым прыжком человек испытывает некий страх — это страх приключений. *Резюмируем: первый выход на войну человеком воспринимается как приключение, но на деле оказывается, что война — это сплошное разочарование.*

Итак, боец разочаровался, завершён его ход за линию фронта, он вернулся обратно в условия мирной жизни. Здесь он герой, и всё должно быть в порядке. Но проходит немного времени, и ему надлежит готовиться к следующей боевой задаче — и вдруг, именно на данном такте начинается самая главная неприятность. Повторно уже человеку вернуться на войну — огромная проблема. Второй раз попасть на войну — то уже совсем другой сказ, на первый раз никак не похожий: ты уже знаешь точно, что тебя ждёт; осознаёшь, что никакое это не приключение, известно, что по ту сторону баррикад тебя ждёт суровая действительность. И в этот момент времени период высвобождения из паутины катастрофически увеличивается; по идее, боец, должен быть готов, но ему ставится ряд тестовых задач и выясняется обратное!

Человек не готов второй раз возвращаться на войну. Третий месяц сменяется четвёртым, но это ничего не меняет: тренируемый человек по-прежнему не готов к выполнению задачи в военных условиях за линией фронта. Именно это явление послужило первой

проблемой, определившем научную задачу (что и была поставлена академику Попову). Период подготовки — высвобождения из паутины во второй раз — растягивается в 3–4 раза, почему так?

Небольшая ремарка. «Молчи, говно, я воевал, я кровь мешками проливал...», — такая модель поведения обыкновенно демонстрируется людьми, которые и не воевали вовсе. Война, знаете ли, накладывает на психику человека определённый отпечаток. То есть, например, человек не хочет об этой части своей жизни вспоминать, не желает чем-то делиться, это не те воспоминания, которые он хочет извлекать из памяти. Напротив, он не хочет возвращаться к войне — и именно этот тест и показывает: человеку тяжело заново переживать войну и её ужасы.

«Молчи, говно, я воевал» — кто так восклицает? Да просто «присоседившийся» человек. Ещё раз повторюсь: обратите внимание на фронтовиков — они обычно о войне вообще не хотят говорить и обсуждать ничего не желают. Знают, конечно, многих и многое, и поведать об этом тоже могут. О друзьях могут, например, рассказать, но сами переживать это заново не хотят. Фактически, очень долгий возврат к стадии готовности наблюдается во второй раз; и это касается каждого последующего раза, в том числе. Причём при возвращении из каждого выхода всё становится хуже и хуже: на третьем, четвёртом, пятом витке (и т.д.) времени на подготовку требуется всё больше — оно увеличивается в геометрической прогрессии.

Отметим и такой момент: надлежит обладать идеальной, нерушимой догматической подготовкой, чтобы сокращать описанный период. Кто способен практически мгновенно сократить таковой промежуток? Фанатик. У него нет никакого «второго-третьего и т.п.» периода. Но людей данного склада и формации — обычно единицы. Они фанатично преданны войне и не хотят возвращаться в мирную жизнь. Но их единицы! Большинство же — просто люди, не фанатики (ни религиозные, ни идеологические), а потому им крайне сложно вернуться на войну во второй раз.

Григорий Семёнович Попов только приступил к разрешению данной проблемы, как возникла следующая проблема:

— Когда мы там на войне — это одно... а теперь рассмотрим, что происходит, когда мы находимся в мирной жизни (вторая сторона медали).

Что происходит в этом случае? В качестве примера опишем ситуацию с любым контрразведывательным подразделением: обычно они живут в тылу, не на войне (не в очаге). Диверсанты же, попавшие в тыл (пришедшие, переместившиеся туда по задаче и т.д.) — они другие, они всё время на войне; потому-то они и готовы к ситуации, в которой их могут раскрыть, поймать с поличным — да по сути, что их могут взять и расстрелять как преступников и врагов. И в начале войны каждый раз, когда контрразведчики встречали вражеских десантников, вторые всегда одерживали верх над первыми (солдат тыла даже не успевал отреагировать). И в этом явлении и кроется проблема номер два (2).

Смотрим снова на модель паутины. При условии первого похода на войну, требуется один месяц подготовки. При встрече с противником — у тебя ровно полторы (1,5!) секунды на переключение. А эту огромную паутину за полторы секунды не пройти, невозможно просто! Итак, полторы секунды этого времени для перехода в боевое состояние НЕДОСТАТОЧНО! Вот что составляет вторую проблему.

Другими словами, первая проблема — это возврат на поле боя обратно во второй раз и последующие.

Вторую проблему отображает мирная жизнь: как осуществить переход за полторы секунды в боевое состояние? Увы, не получится за столь короткое время этого проделать.

Тогда Попов придумал следующую «штуку»: он посадил людей, обременённых второй проблемой перед собой, и говорит:

— Предположим, уже всё закончилось, — говорит Попов, (а ничего и не начиналось, но таков вопрос) и спрашивает, — КАК это было? — и это и есть первый ключ к амальгаме, вопрос КАК ЭТО БЫЛО? Всего ключей к амальгаме существует двенадцать (12), рассмотрим же первый из них.

— КАК это было?

На что бойцы с недоумением и отвечают:

— Что значит «как это было»?

— Расскажите мне, как это было, — продолжает Попов.

— Не понимаем Вашего вопроса, Григорий Семёнович... ничего ж не было!

— А я хочу, чтоб вы подробно, в деталях, мне всё описали — КАК это было?

— Не понимаем... ведь не было ещё ничегошеньки!

— Так придумайте в таком случае, как же это было! То есть, предположим, всё закончилось. Вот и поведайте мне сюжет происходившего: вот появился злодей, вы его обнаружили, спеленали и доставили в штаб. Рассказать не могут они... Придумайте!

— Товарищ академик, мы офицеры, мы не можем придумывать, только приказы вышестоящего руководства исполнять!

Тогда пришлось Григорию Семёновичу советских писателей звать и ставить им задачу:

— Берите и учите вот этих придумывать!

Через неделю всё было уже в полном порядке! Попов постоянно спрашивал: «Расскажите мне, как это было, давайте байку!» Люди рассказывали. Думаете, на этом всё закончилось? Нет. Какого же было удивление военных, когда Попов изрёк следующее:

— А теперь это всё показать! Везите меня на место происшествия, везите «злодея» — берите кого-то из своих же, делайте злодеем — и всё в деталях, в натуре мне и показывайте, КАК ЭТО БЫЛО.

Что же, пришлось военным разыгрывать комедию. А Попов, как Станиславский, говорил в ответ на увиденное «не верю!».

— Не верю! Удары не настоящие, пеленали вы его не по-настоящему! Я хочу твёрдую действительность увидеть от вас.

Пришлось работать в полную силу, демонстрируя задержание.

И в это же время специальные «подготовленные» люди с фотоаппаратурой в руках всё фиксировали и фотографировали. И в итоге по снимкам было видно: и люди, и задержание — всё настоящее. Часами фотографы бродили, наблюдали и всё фиксировали.

Потом Попов начал заставлять своих подопечных проходить такие процедуры каждый день; впоследствии и вовсе поделил «жизнь» на неких три части:

1 часть — действительная жизнь;

2 часть — амальгама;

3 часть — дела семейные, заботы рутинные, домашние и т.д.

Все события крутились по такому кругу из трёх элементов. Затем Попов придумал и построил специальные «города»: так, в лесу вырубался участок, скажем, 5х5 км — и на этом участке полностью воспроизводилась немецкая действительность. Сооружали целые кварталы «немецкие» — с домами, ресторанами, рынками, ратушами — и человек там жил, как настоящий немец, ходил в рестораны, пил пиво в биргартене, читал газету и т.п. Так производилась подготовка; а уже готового эксперта забирали и отправляли на войну для разрешения задач.

Хотите знать, что из этого получилось, как сработал подход? Просто приведу вам в ответ официальные статистические данные:

В начале войны насчитывалось 75% потерь и лишь 15% успешно выполненных операций.

Конец войны: 12% потерь; всё остальное (78%) — процент успеха! И в этом мы обязаны амальгамному методу.

Что же происходит с человеком, который его использует?

Он начинает разделять жизнь пополам на две составляющих: на амальгаму и действительность. И он сам находится то в действительности, то в амальгаме.

Почему это возможно? Дело в том, что блоки памяти человека вращаются и вращаться они могут, как в игре с напёрстками, хаотично; и какой блок подставлен в сознание в конкретный момент времени — неизвестно. Но в описываемом нами случае мы память именно «переворачиваем» — прототипологический блок становится на первое место, а родовая концепция — на последнее. Условно, по модели так: напёрсток, который нужен, встал на входе в сознание. Амальгама такая штука, она вами создаётся.

Академик Алексей Самуилович Яковлев говорил так: **«Задача класса создания ломает всё»**. И вот мы и наблюдаем удивительный эффект памяти. Наш партнёр, к слову, вчера спросила:

— То есть, если я была в зелёной юбке в амальгаме; и затем я действительно надела зелёную юбку, проделав это, я сразу попала в амальгаму? Вышла из дома в зелёной юбке, и мгновенно попала в амальгаму, так что ли?

Бесспорно. И это ключ второй — № 2. Ключ — это предмет. Можно и такой пример привести: я взял фотоаппарат — и я сразу попал в амальгаму.

Что же происходит в этот момент времени? Действительность, как говорил Попов, становится «пластилиновой». Другими словами, когда мы живём в том обыкновенном режиме, в котором жить привыкли, мы всего добиваемся за счёт физических, интеллектуальных и психологических усилий. Существует в нашей жизни огромное знакомое препятствие между «хочу» и «получу», об этом все известно.

А в амальгаме всё наоборот: там нет препятствий — там мысли мгновенны, и они материальны. Знаете, мой другой партнёр сидел-сидел, и вдруг у него звонит телефон. И почему-то звонку он этому хитро улыбается; говорит «...сiju и думаю, что-то человек «АБВ» давно мне не звонил — и вот он звонит». Факт остаётся фактом, такие эффекты также происходят.

Другими словами, что даёт амальгама — она позволяет решить вопрос за полторы (1.5) секунды: понимаете ли, я могу перейти в амальгаму меньше, чем за 1.5 сек, потому что это Я хозяин амальгамы! Это Я, и амальгама моя — это не система координат. Мало того, существует момент, связанный с финалом амальгамы. Финал, обычно, выглядит так: письменный документ, скажем, некая книга. И эти амальгамы в виде книг накапливаются. И ежели потом, спустя некоторое время, какой-то другой человек (не автор амальгамы) берёт чужую амальгаму и читает этот записанный блок, он перепроживает амальгаму таким способом. В итоге, возникают пусковые причины формирования навыков — при взаимодействии родовой концепции и прототипологического блока.

Амальгамный метод исключает ситуации типа «у меня не получилось». Да, метод обучения посредством амальгамы исключает «не получилось» впоследствии.

Я всё думал, как бы вам сформулировать, что такое амальгама. И лучшего определения, чем: **«Амальгама — это замедленное моторное познание, растянутое, как на повторе (моторное познание, свершившееся ДО того, как событие произойдет)»**,—

не нашёл. Обратите внимание и на следующий аспект: куда пропадает амальгама потом? Вот мы закончили, всё записали, положили документ в виде амальгамы на полку. Куда же она «делась» сама амальгама? Она стала частью памяти человека. И когда эти амальгамы в памяти у человека накапливаются, то срабатывают даже на рефлекторно-автоматическом уровне! Как только ситуация, в которую попал человек, становится копией амальгамы, хранящейся в блоках памяти, амальгама «поворачивается». Как многие, вероятно, знают из прикладной психологии, автоматика так срабатывает, что ищет похожие инциденты в хранилище. А что такое амальгама? Да это целая система инцидентов! Итак, автоматика находит «похожий» на происходящее инцидент в виде амальгамы, затем происходит повторное возвращение в сознание именно этого блока (амальгамы) — и так возникает эффект дежавю, и вы восклицаете: «Где-то уже я это видел(а)»! И такой механизм поворота амальгамы позволяет человеку не думать вообще, поскольку теперь он точно знает, что будет дальше.

Вскоре академик Попов понял, что амальгамный метод можно использовать повсеместно: и в гражданских целях, в том числе. И начал его применять как универсальный метод; как основной метод управления прототипологическим блоком памяти человека.

Обратите, пожалуйста, внимание, что книга «Улитка на склоне» братьев Стругацких написана методом амальгамы.

Выражаясь другим языком, Кандид и Перец (два главных героя) — это действительность и реальность. Реальность представляет собой волшебный лес, в котором Кандид потерпел крушение вертолёт. А Перец находится в «Управлении». И таковое повествование — это и есть результат применения амальгамного метода. Книга не построена в виде последовательности: только блоки данных про Кандида, а затем — блоки данных про Переца. Нет, выбран авторами другой способ: Кандид — Перец — Кандид — Перец... щёлк-щёлк-щёлк! И вниманием читатель оказывается, то в заколдованном лесу, то в «нашей действительности», но она, действительность эта, какой-то идиотской и странной получается. И так как мы (читатели) и есть третья сторона — мы всё это создаём — так и организовываются все три «Я». С духовной стороны одно «Я» смотрит на происходящее: а там, значит, «Я1» — пребывает в действительности («Управление»), а «Я2» — в заколдованном лесу.

Как видим, формируется три взгляда на одну и ту же проблему: и всегда возникает проблема управления — каждый участник каждой сцены «Улитки на склоне» считает себя незаменимым винтиком, участником странного шоу под названием «Жизнь». И очевидцы происходящего постоянно описывают некие странные вещи, это сложно не заметить, читая книгу.

Но чем же лес отличается от реальности, от того примера, в котором мы с партнёром искали коммунальную квартиру? Да ничем не отличается. Но в случае с квартирой, мы эту «реальность» физически, по-настоящему прожили — поэтому прожитое и стало частью памяти. Мы ничего не выдумывали — мы всё физически прожили. Мы доставали книгу с полки, мы звонили в дверь квартиры, мы сидели за столом в ожидании... мы всё сделали, и оттого всё и превратилось в действительность. Хотя изначально всё говорило о том, что перед нами — сюжет, который мы и придумали, и это игра, эта придуманная и прожитая данность и называется амальгама.

Непосредственно амальгамный метод разрешает обе проблемы (№ 1 и № 2, сформулированные ранее), равно как и все последующие вопросы, связанные с прототипологическим блоком. Попов, в частности, считал прототипологический блок памяти самым мощным пластом. Григорий Семёнович так и пояснял, что если мы сравниваем ПАМЯТЬ

с ПДТ (полнодиапазонной технологией), то, когда говорим «прототипология» — в таком случае, имеем дело с ИЭС (информационно-энергетическая система).

ИЭС — это прототип, вернее, из прототипологической составляющей и формируется ИЭС. Архетипологический блок — это терминальный ГДС (глобальная духовная система), а ЯРГ (ядру рецензорной группы) — соответствует системо-координатный ГДС. Следовательно, родовая концепция — это ВИС (высокоиерархичная система).

Вся наша автоматика, все навыки, система взаимодействия конструкции человека — это ВИС. На базе этих систем (ВИС и их программное обеспечение) мы и строим движения. Другими словами, сначала нужна основа движений, и на неё накручиваются (как на ось и фундамент) двигательные и плоскость реализации двигательного навыка (например, навык «оперировать» — это плоскостной навык хирурга, он не свойственен адвокату).

И, поэтому, если представить память в виде ПДТ, в таком случае можно менять ИЭС амальгамным методом! Зная «как», тактически грамотно можно просто «повернуть» нужные блоки памяти в сознании. А поворачиваются они 12 ключами амальгамы.

Почему мысль становится материальной в амальгаме? Как выглядит этот механизм? Подробнее мы эти вопросы рассмотрели на симпозиуме в сентябре, в Палермо, но коротко отвечу так: инструментам и механизмам памяти «всё равно», что воплощать, нет дифференциации. Однако, чтобы решить вопрос в «твёрдом металле», его прежде нужно разбить: применить давление и усилия разные приложить. И это несказанно сложно! **Но в амальгаме сопротивления нет:** при применении прототипологического блока памяти все механизмы начинают автоматически обрабатывать соответствующие задачи данного блока памяти и всё, что есть в наличии у памяти из инцидентов или групп инцидентов направлено на то, чтобы изменить существующее на замысел. Да, именно так: *вся система механизмов начинает синхронно воплощать замысел.*

В данном случае все механизмы автоматике работают слаженно, создавая эту действительность. Как только вы подумали о чём-то в амальгаме — оно сразу происходит — с той скоростью, с которой вы придумали. А затем амальгама начинает переплетаться с действительностью — когда нужно, вы просто создаёте амальгаму и разрешаете вопрос; а когда не нужно, живёте как обычно. Потому в определении нами так и заявлено: Амальгама — некий механизм переплетения реальности и действительности, в точности всё так и происходит. Человек ежедневно и ежечасно переплетает свои заблуждения и жизнь. В нашем же случае, наследуя Попова, мы заблуждения заменяем на амальгаму (пропадают заблуждения, заменяются на амальгаму — вот такой эффект). И это «умение» или «способность» свойственны любому человеку, так как жизнь наша состоит из 2 блоков: действительности и продукта нашего восприятия — реальности. Но теперь вместо блоков заблуждений возникают амальгамы, в которых результат мгновенно проявляется мыслью. При накоплении амальгам всё, что «похоже на блоки амальгам», отработается автоматикой, благодаря чему человек и получает результат. Впрочем, он может и не понимать, как произошло; но произойти по-другому и не может, даже если и не понимаете, как это произошло — ничего другого просто в памяти нет. И блоки будут автоматически поворачиваться, стоит возникнуть прецеденту. Прецедент, соответственно, хранится в виде амальгамы.

Амальгамный метод очень прост для освоения! По сути, его один раз нужно сыграть, чтоб понять — и выучить 12 ключей. Это ещё одна разновидность построения ИЭС в памяти (не в сознании). Ящики ума Попова — это метод создания ИЭС в сознании. Амальгамный метод — строит ИЭС в памяти. Завершённая амальгама превращается в документ. И это — особая смесь действительности и реальности.

Теперь рассмотрим такой вопрос: **а Амальгамный метод применялся до Попова? БЕЗУСЛОВНО.** Приведу пример такой, чтобы вы, дорогой читатель, увидели, насколько это мощный метод в руках у знающего человека; и да, наши предшественники ранее прекрасно умели пользоваться прототипологическим блоком и шикарно работали с амальгамой.

Пример 1: личность Нонголоза в южноафриканской криминальной традиции — настоящая амальгама! Вот Нонголоза, настоящий человек, сидящий в камере, предатель, сотрудничающий с полицией — а вот Нонголоза-Бог, создатель и идеолог Числовых Банд «Ниневитяне». И все члены числовых банд (26-е, 27-е и 28-е) — все они по-прежнему, как и в самые первые годы, живут амальгамой, а потому — что ни делай, что ни предпринимай, какие рейды ни организовывай, числовые банды, как феномен, уничтожить невозможно. И многократно криминалитет переписывает свою историю, как это было, рассказывая друг другу все детали произошедшего, называя весь рассказ «неписанной книгой» и заставляют учить эту книгу наизусть! И это игра продолжается весь тюремный срок — в числовых бандах носят невидимые (!) одежды, используют невидимый язык, рассказывают миф в деталях — да они живут этим и многократно перепроживают — это всё амальгама!

Пример 2. «Если ты не знаешь, сын мой, то недалеко от Сицилии находится некий остров Фавиньяна... И на этом острове три рыцаря — Оссо, Мастросо и Карканьёсо — пишут кодекс чести...» (фрагмент рассказа маэстро фехтования во время одной из первых экспедиций).

Вот амальгама! Настолько мощная, что позволяет в веках незыблемо и нерушимо существовать в самом центре Европы «умной преступной организации» НДРАНГЕТЕ, и ничего представители различных государств, даже объединившись, не могут поделаться! Почему? Потому что в основе этого явления лежит прототип. Их мир — мир ндрангетистов — это амальгама: их действительность переплетена, как канат, с реальностью, переплетена крепко и основательно!

И член такой организации (или криминальной южно-итальянской субкультуры) не отличает, где амальгама, а где действительность. А знаете почему? Человек уже рождается в «ндрине» — в семье, он рождается в этой амальгаме и выпитывает амальгаму, как воздух и воду — всё знание тайное и секретное для посторонних, знание об этом обществе чести. Эта субкультура, «ндрангета» — это его мир, его амальгама; и ндрангетист потому смеётся следователю в лицо, который грозит ему тюремным заключением, парируя тем, что «следак всю жизнь каблук свои господам лижет... и так и сдохнет в нищете».

Их мир — это мир амальгамы и действительности. И кто-то создал эту амальгаму и дал возможность проживать её физически каждый день — возможность ею пользоваться постоянно, без ограничений. И не стоит удивляться, что в методах Ндрангеты что-то меняется, что-то меняется в её истории или культуре — историю можно переписывать и пересказывать 1000 раз; амальгамы можно писать всё новые и новые. Более того, расскажу вам и о том, что все изъяты у членов Ндрангеты коды (о чём рассказывал профессор Антонио Никасо, к слову, выпустивший книгу «Злые языки») — это законченные амальгамы. Код — это документ и, по идее, по устоям Ндрангеты, его нельзя записывать. Но, с другой стороны, амальгамы обязательно надлежит записывать, так и появляются коды! По этой причине полиции и удалось изъять эти коды, но понять написанное в них так и не удаётся.

Что такое полученные в результате «коды»? Это учебники, которые передаются из поколения в поколение. И этот вывод как раз профессор Антонио Никасо и подтвердил.

И, соответственно, делаем ещё один вывод: амальгама — это учебник.

Читаем, например, в одном коде: «Я видел лодку... и была эта лодка, и было в ней три рыцаря», — таковое повествование ни у кого в Ндрангете не вызывает сомнений — всё было и происходило именно так. Вы думаете Ндрангета и их быт — это миф? Не миф и не выдумка, что красочно подтверждает демонстрация нескольких выстрелов в подброшенную голову на центральной площади города. И вот, я слышу выстрел, вижу летящую голову ранее живого человека (а теперь уже трупа) — и я понимаю, что всё настоящее! Просто на досуге обратите внимание, сколько арестов было совершено, например, за последние 30 лет во Фьюмефреддо-Бруцио — и так вы убедитесь, что всё настоящее.

Такая их вера и субкультура. Сами ндрангетисты не «верят» в это, они в этом «живут» — это их действительность. Я иду, например, гуляю во время одной из экспедиций и вижу храм Архангела Михаила, и заключаю: все рассказы о нём — не шутки. А далее, спустя 100 м, снова стоит храм Архангела Михаила, подтверждая мои выводы. В первый раз, как только я услышал, что некий святой Ди Пауло летал, я подумал: «Люди не умеют летать». Но затем мы отправились в особое место, там находится водопад и над ним стоит храм; в этой же композиции летающий Ди Пауло — и меня посещает иная мысль: «Как же странно построен храм и как удивительно изображён Ди Пауло!». И все жители этого города глубоко убеждены: «Ещё как летает наш Ди Пауло! Это вы не летаете, а у нас вот летает». И спустя некоторое время ты невольно становишься частью амальгамы. А какой эффективностью обладает этот метод! Что бы ни делало мировое сообщество, сам Папа Римский сколько бы раз ни отлучал членов Ндрангеты от Церкви, Ндрангета жива и здорова, причём живёт богатой и процветающей жизнью (посмотрите только на их частные особняки).

Знаете, фраза Вацлава Боровичка, исследовавшего мафию Италии около 30-ти лет, просто культовая! В книге Боровичка написал финальный вывод так: «Мафия — это образ жизни южного итальянца». Да-да, не организация, не люди в костюмах, а именно образ жизни.

Даже некая калабрийская шутка даёт это понять. Представьте себе, что на здании суда есть надпись, которая гласит: «Членам Ндрангеты вход запрещён». Суть шутки в том, что, дескать, чего вход запрещать, если мы уже там? Что ж, даже эта надпись и есть ключ — ключ, прямо указанный на входе в здание городского суда, а по сути, это ключ в амальгаму.

Конечно, я не мог написать всего этого в книге «Обманчивая тишина». Сначала нужно было объяснить вам, что такое амальгама и какое воздействие эта философия оказывает на человека.

Святой Ди Пауло
Картина в храме
Архангела Михаила.

Парадоксально, но факт: выдумка продолжает всё настоящее. Это не шутки: получается, несколько веков назад, знающие люди, а именно, монахи ордена францисканцев, истинные знатоки памяти и её механизмов, в частности, знатоки прототипологического блока, когда-то смогли использовать амальгамный метод, чтобы построить организации, не дающие всем покоя — я имею в виду «Мафию», «Каморру» и «Ндрангету». И сделано всё было, как видим, на крайне высоком уровне науки. Испанская империя — вот кто стоит за созданием данных организаций. Монахи ордена францисканцев (что мы уже обнаружили и доказали в ходе Испанской экспедиции на Канарских островах) очень хорошо разбирались в глубинной психологии — да, так они запустили все описанные механизмы, что они до сих пор работают. И известно почему так: прототип остановить нельзя. Что угодно можно остановить, кроме прототипа: он ведь не физический, с ним невозможно бороться — можно только лучше сделать, чем было, но никак его нельзя схватить, удушить, бросить в колодец и прочее.

Давайте ещё раз вспомним легенду про остров Фавиньяна и её трёх прекрасных рыцарей-тамплиеров. Этих трёх тамплиеров никто не видел... — и да, и нет! Но отражение этих трёх рыцарей мы и сегодня видим в великих Маэстро Неаполитанского фехтования: Леонардо Чьяккио, Антонио Маттей и Франческо Виллардита — отражение трёх ликов памяти, их всегда было и будет три, что бы мы ни изучали...

И как бы любой человек ни старался кем-то стать на Сицилии — «кем-то», как вы себе это представляете, на этой земле стать нельзя. Можно стать «кем-то», только если вы будете отражением одного из трёх рыцарей из легенды — только в таком случае что-то получится.

Всё, что не троекратно — это не отражение памяти. Не получается стать кем-то одним — только тройственность, только системность, как и положено! И система внутри криминальных организаций так и построена. Например, «Капо — консьельери — капореджиме» у Мафии. «Капо Бастоне — Капо по формальностям — Капо по фехтованию» — ещё одна тройка в Ндрангете, что есть отражение образов и фигур трёх рыцарей из памяти (легенда про Оссо, Матроссо и Карканьоссо), как отражение наследия трёх тамплиеров. И так человек либо становится частью амальгамы — и она полностью становится управляемой вами, если вы находитесь на Сицилии, либо он всегда будет посторонним человеком, «не у дел». Но противостоять или сломать прототип — а он более 1000 лет функционирует — никакими методами или способами просто невозможно, никак его не сломать.

Франческо Виллардита

Чьяккио

Антонио Маттей.

Прототип порождает стереотип. Всё подчиняется тем же самым законам.

Подводя итоги статьи, отмечу следующее: амальгамный метод был использован задолго до открытия его академиком Поповым, но Григорий Семёнович не только смог его осмыслить, но и практически применить при решении задач — и в этом его главная заслуга как учёного. Он сохранил для нас этот амальгамный метод управления прототипологическим блоком памяти.

Искренне Ваш,

Доктор Олег Мальцев.

Статья от 03.08.2018 (с некоторыми комментариями).

ЧАСТЬ 3. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП.

Проникая в исторические тайны Дубровника, как уже говорилось ранее, в Хорватской экспедиции 2020 г. также был применён амальгамный метод, а именно **метод исследовательской амальгамы**; существуют и другие: **обучающая, реализационная и управляющая**, однако данные три разновидности амальгамы разрешают иные типологические задачи. Поскольку стоит задача изучить и ответить на вопрос «Кто и как построил Дубровник?» (а не научиться его строить, например, или проектировать подобного рода среды), принципиально выбор пал на исследовательскую амальгаму.

***Дополнительный комментарий:** тождественное амальгамному методу направление в социологии разрабатывалось в теории Вильгельма Дильтея, как «вживания» в роль иных конкретно-исторических условий (прошлого или будущего), как одна из немногих возможностей увидеть целостность ситуации и события.*

Итак, при применении данного метода, что важно проделать на этапе подготовки? Во-первых, следует четко сформулировать и поставить задачу на конкретное исследование. В противном случае «диагонального сноса» можно получить не тот результат, в частности, не ответить на изначально искомый вопрос. *Точность исследовательской работы зависит от чёткости формулировки задачи исследования.* В частности, если учёный ведом неутолимой жадностью познания и стремится получить как можно больше информации, всё равно требуется выявить **параметры** искомой информации. Нередко читатели и исследователи, не ознакомившись с сутью и природой метода, воспринимают амальгаму как некую сказку. Тем не менее, подготовка в области освоения прикладного знания о Памяти обязательна, поскольку без понимания природы амальгамизации невозможно использовать амальгаму как исследовательский инструмент.

Для исследовательской амальгамы в Дубровнике Олегом Мальцевым были выбраны два персонажа: венецианский шпион и архитектор — они и стали двумя ключевыми действующими лицами, определяющими динамику амальгамы. В данном случае амальгамный метод позволит выявить связь Венеции и Дубровника.

В силу того, что амальгама должна опираться на факты, действительно произошедшие события и осмысленные прототипы, отправной точкой стал известный факт: конфликт Дубровника и Венеции.

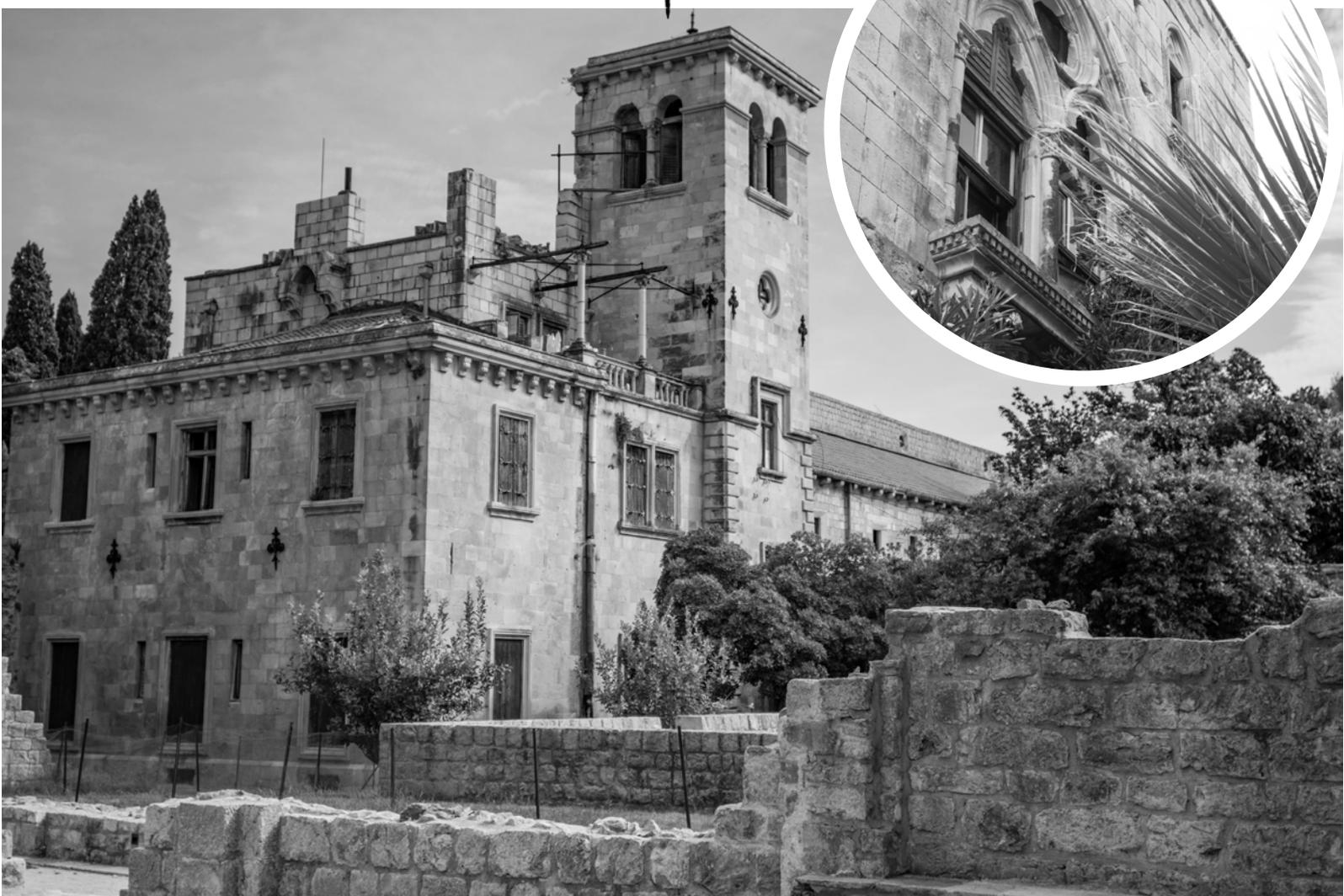
На этапе сравнительно-сопоставительного анализа сред Дубровника и Венеции, Олег Мальцев пришёл к заключению, что Дубровник выступает прототипологической копией Венеции. Данное заключение имеет место быть по ряду причин. Во-первых,

наблюдаемые визуально-геометрические сходства. Исходя из структуры, Венецианская цивилизация устроена из трёх частей: одна находится в горах, вторая — область, переходящая в равнину, а третья — это непосредственно остров Венеция. При анализе Дубровника получаем те же три структурных элемента: помимо самого города Дубровник, слева от него располагается равнина, выполняющая дающую (обеспечивающую) функцию, а с другой стороны города располагается остров Локрум. Соответственно, **Дубровник — это малый прототип Венецианской цивилизации.**

На острове Венеция по сей день сохранились архитектурные сооружения, а на острове Локрум, к сожалению, нет. Впрочем, однозначно можно заключить, что Локрум ранее выглядел совершенно иначе: он был заселён, насчитывал ряд серьезных архитектурных объектов, которые практически не сохранились до наших дней. О факте существования таковых строений свидетельствуют, в частности, руины бенедиктинского монастыря, наблюдаемые следы машинной обработки камня, искусственные озера, «следы» от фундаментов исчезнувших зданий и т.п. Также важно отметить, что по итогам экспедиционного исследования **логичны предпосылки считать Локрум искусственным гидросооружением.**

Полуразрушенный бенедиктинский монастырь на острове Локрум обладает характерными венецианскими архитектурными элементами (венецианские окна и арки с колоннами) в сохранившейся части здания. Двор действующей части монастыря очень напоминает испанские монастыри, которые Экспедиционный корпус неоднократно видел на Канарских островах.

БЕНЕДИКТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Особое внимание нужно обратить на озера острова Локрум, а также его прибрежную скалистую часть. Научная группа сделала множество фотографий, на которых видны следы машинной обработки скал по всему периметру острова и особенно вокруг озер.

Восстанавливая картину острова по следам технологической обработки скал и прочих экспедиционных находок и наблюдений, можно со всей уверенностью предположить, что изначально этот остров выглядел, как «райский уголок». Однако сегодня всё разрушено. Как так произошло? По природным причинам? Или же с целью «стирания истории», чтобы скрыть нечто важное? Возможно, даже обе причины имеют место быть.

Согласно историческим свидетельствам многие монаршие особы приезжали на этот остров для отдыха и светских встреч. Безусловно, монаршие особы на безлюдный остров без удобств и комфорта не поедут. Соответственно, здесь должны были быть созданы наилучшие условия для приема высокопоставленных гостей. Сегодня остров Локрум покрыт растительностью и молодыми деревьями, что затрудняет исследование. Такое количество молодых деревьев на каменном острове говорит о том, что зелёные насаждения делались специально и относительно недавно.

Так, прототипологически можно предположить, что остров Локрум был неким культурным «оазисом», посетить который стремились многие представители правящего класса со всего мира.

Прибрежная часть
острова Локрум.

РАЗРАБОТКА СКАЛ

ЧАСТЬ 4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АМАЛЬГАМА

В чем же заключался конфликт между Венецией и Дубровником? Ключом конфликта выступает осмысление деятельности иезуитского ордена. Члены этого ордена тихо и незаметно проникли в Дубровник с конкретной целью: найти архитектора, который спроектировал и построил Дубровник по венецианскому прототипу, и присвоить себе тайны Венецианской цивилизации.

Почему логично сделать такое допущение? Дело в том, что Венецианская цивилизация, применим метафору, «терпеть не могла» Папу Римского, а тот, в свою очередь, Венецианскую цивилизацию. В Дубровнике действительно существует представительство иезуитского ордена. Более того, существуют основания предполагать, несколько веков тому назад иезуиты «присвоил себе то, чего не создавали». Иезуитский орден, как известно, возник на руинах ордена тамплиеров, когда Папа Римский своим эдиктом прекратил существование ордена тамплиеров и создал иезуитский орден в качестве защитников Ватикана.

- Он ни за что не распрощается с этим знанием. Может, даже окажет сопротивление!
- Боже правый! Да он же — старик! Ни о каком сопротивлении не может быть и речи.
- Зря ты недооцениваешь людей, которым ведома цена их знаний... а что, если он пожелает закончить жизнь самоубийством? И не скажет ни единого слова?
- Уверен, что такому старику есть, что терять. И ему точно присуща, как минимум, одна слабость... я знаю, что дать ему взамен на эту тайну.
- И что же?
- Время! Я уверен, что ключ к нашему старику — это время.
- Ты хочешь зайти так далеко... и подарить ему эликсир жизни?
- Да, и тем самым позволить старику продлить своё существование ещё на 30–40 лет. Ставки слишком высоки, согласен, но выбор сделан!

Старший Архитектор господин Микелоцци был человеком весьма преклонных лет. Он давно уже пережил те годы, когда мог хотя бы на мгновение повестись на лестные и хвалебные речи о том, что он «настоящий мудрец», «Мастер своего дела», «Чудотворец Дубровницкий»...

Это был мужчина крепких устоев и высоких нравов, воспитанный лучшими фортификаторами и ваятелями. За всю жизнь Микелоцци не помнил и не замечал за собой недостойных поступков. Он верно служил своему Отечеству и воплотил множество пре-

красных идей, запечатав их в камень и дерево. Он сделал то, что многим было не под силу — запредельное, невозможное... Микелоцци никогда не жалел о прожитом. Он гордился своим наследием и знал, что множество прекрасных поколений взрастит его детище — Дубровник. Он не жалел о том, что было. Старый архитектор Микелоцци жалел о том, чего не было и чему не суждено сбыться. Ибо время, разрушительная всепоглощающая сила времени играла явно против Микелоцци.

«Время... если б у меня было чуть больше времени!»

Старый архитектор Микелоцци сидел у потрескивающего камина в своём роскошном одиноком кабинете.

Он знал, что рано или поздно они придут. Молодые и сильные, беспринципные и голодные хищники...

Они придут и убьют Микелоцци. Убьют за то, что он выполнит свой Долг: не выдаст им сокровище, имя которому Вайтах. Тот, что даёт жизнь бессмертным городам, зажигающим сердца людей.

Говорят, что в острые моменты человеческой жизни, на грани встречи со смертью, у человека даже на спине могут появиться настоящие глаза. Спиной старик чуял, что по его душу пришёл убийца. Микелоцци взглянул на свои дрожащие руки и с горечью и потрясением осознал, что он не готов умирать. Только не сегодня!

— Мы не можем позволить венецианцам поставить на ноги их отпрыска!

— Ваше Превосходительство... услышь сейчас иной прихожанин Ваши слова, да не к добру! Может и смута начаться!

— Довольно! Мы больше не можем мешкать. Неужели неясно, что появление Испанской империи — это рук дело Венеции? Неужели неочевидно, чем это может закончиться для Ватикана? Мы не можем допустить, чтобы Испанский побег, столь трепетно оберегаемый венецианцами, превратился в огромное Дерево, а то и в целый сад! Они слишком быстро крепнут!

— Ваше Превосходительство, что Вы предлагаете? У нас просто нет столько людей, чтобы...хмм...подрезать этот гибкий побег и не дать саду вырасти. Нет таких территорий, нет таких городов. Да и не можем мы однозначно утверждать, что Венецианский протекторат поистине желает передать бразды правлению Испанской коалиции, а затем, словно утренний морской туман, раствориться в лучах солнца и просто развеяться по миру?

— Ты можешь рассуждать вслух, куда тебе это дозволено. Но политические игры — не твой конёк. Всё ровно так, как я и сказал. И поэтому мы не можем мешкать. Мы обязаны помешать планам венецианцев. Говоришь, у тебя недостаточно сил и людей? В таком случае, я знаю, с чего начать. Мы победим одним выпадом стилета.

— Вы желаете меряться силами с венецианцами? Мон Дьё, но это же невозможно?

— Мы не станем идти встык. Пусть венецианцы и дальше в саду поливают свои испанские побеги. Определённо, существует одно особенное место...и если мы раздобудем там кое-какие ...сведения, скажем так, мы получим и власть, и даже обеспечим на будущее бесконечное численное преимущество.

Венецианский Совет заседал уже второй час.

— Да, есть вещи в нашем мире, что не меняются, как ход луны и солнца.

— И это — подлость Ватикана, я полагаю?

— Именно. Впрочем, философствованием мы ничего не изменим.

— Что вы предлагаете, господин?

— Поручить эту задачу одному нашему верному подданному.

— Против всего иезуитского ордена вы желаете отправить только одного человека?

— Я уверен, этого окажется более, чем достаточно. Он — Человек Чести. Я за него ручаюсь.

— Значит, так тому и быть! На том и порешим! — так и завершилось экстренное заседание Венецианского совета.

Ты хочешь знать, как его имя? У людей его профессии слишком много имён. Но все они — безлики и пусты. Зато деяния — громки и ошеломительны. Его кредо — без права на славу. Он — шпион. И он уже как полчаса наблюдает за нами.

Стоило мэтру сказать эти слова, как фигура скользнула, словно тень отделившись от стены, и опустилась перед ним на одно колено.

— Встань, друг мой.

Это был высокий крепкий мужчина, на вид лет 50-ти, с сухим морщинистым лицом, загорелый, обветренным морскими ветрами. Лицо его было в шрамах, словно кричащих о бравате бывших сражений. Крупные жилистые руки ... такие если вцепятся, то мертвой хваткой. Стальной, полный решимости, взгляд. Настоящий венецианский рыцарь, командир гвардии, к тому же еще протеже самого хозяина Падуи, Эразмо да Нарни, по прозвищу Гаттамелата.

Теперь стало ясно, почему именно этому мужу Совет поставил задачу убить архитектора Дубровника, если тот помыслит сотрудничать с иезуитами. Синьор Микелоцци, всё-таки не был «венецианского кроя», родом он был из Флоренции, а люди той породы, как известно, переменчивы, как весенние ветры.

Задача предстояла непростая. Перво-на-перво венецианский шпион переоделся превратившись в одного из монахов ордена францисканцев, взял себе имя Франческо — ведь это одно из самых распространенных имен в этом ордене, — и в тот же день на корабле направился в Дубровник.

Что же, возможно, иезуиты и накликали себе славу отъявленных шпионов, умелых политиков, дальновидных интриганов. Однако они не рыцари и точно не воины.

Архитектора Дубровника иезуиты никогда не видели в лицо, а значит, в первую очередь, им предстояло разыскать господина Микелоцци в городе, к тому же, не привлекая к себе лишнего внимания жителей. Но венецианский шпион опередил иезуитских лазутчиков. Прибыв в Дубровник, он без труда нашёл архитектора и, став немым свидетелем слабости его духа, убил старика единственным мастерским ударом стилета в сердце. Излюбленный францисканский клинок знал своё дело. Эта часть задачи была решена.

Франческо оказался достаточно умён и сообразителен. Он не мог позволить себе оставить тело и тихо покинуть это место. Всё было бы слишком очевидно: иезуиты определённо сопоставят причину и следствие и догадаются о «неслучайности» убийства архитектора. Это деяние их не остановит! Они все равно продолжат искать Вайтаху и прочие тайны Венецианской империи. И несмотря на то, что иезуиты не успели добраться до Микелоцци, возможно, это ничего не меняет. Рано или поздно, кто-то иной, пожелая жить вечно, выдаст любые секреты взамен своему благополучию... Значит, пора действовать.

Венецианский шпион принял взвешенное решение. Он сам притворится архитектором и тем самым заманит иезуитов в ловушку. Франческо наскоро осмотрел дом архитектора, переоделся в его одежду, завернул труп в наспех собранные покрывала и вывез тело старика во францисканский монастырь, где и похоронил. Вернувшись обратно в дом, принялся дожидаться иезуитов. Тем временем, план по их души у него уже был готов.

Собственно, на этот раз долго ждать не пришлось. В дверь постучали. Вежливый незнакомец словно пропел: *«Мы ищем синьора Микелоцци, архитектора этого прекрасного города... Позвольте спросить, здесь ли он живет?»*.

Дверь отворилась. Ох, уж точно не ожидали иезуиты увидеть это лицо — лицо человека, в глазах которого стояла смерть. Тем не менее, мужчина радушно пригласил гостей войти: *«Бонжорно, синьоры. Да, я архитектор Микелоцци, прошу вас, проходите. Чем могу быть полезен?»*.

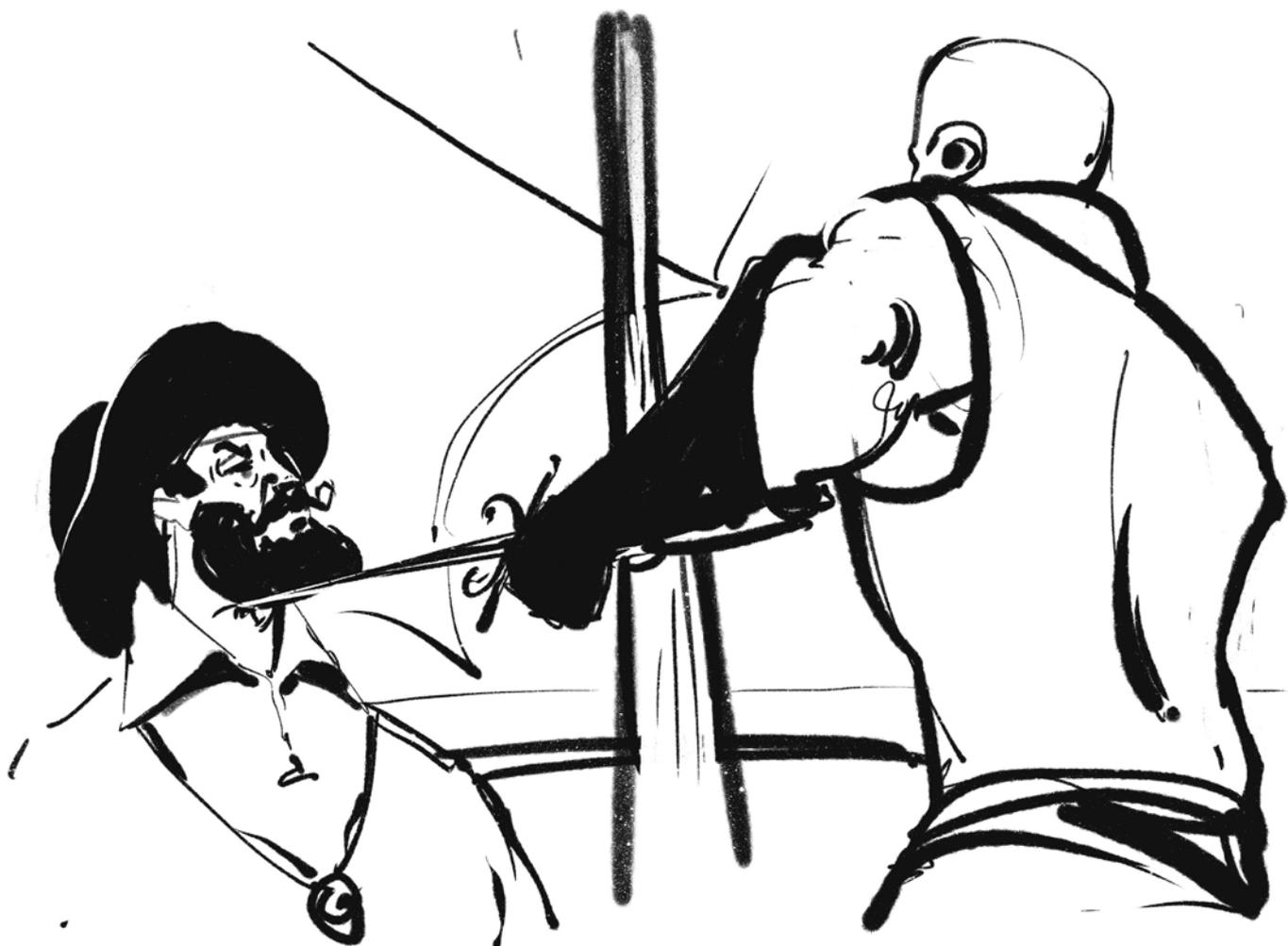
Франческо действовал сдержанно, он был спокоен и вежлив, улыбаясь уголками губ, пока гости расхваливали его мастерство и говорили, что готовы щедро вознаградить его, если... он поведаст им некие специфические, особенные знания Венецианского толка. Впрочем, вскоре преданные ватиканские псы сообразили, что от этого человека никаких тайн они здесь не добьются. Поэтому иезуиты решили похитить архитектора, отвезти его в Ватикан, заточить в подземелье и там, возможно и пытками, выведать все сведения до последнего. Как только архитектор повернулся к ним спиной, чтобы подать гостям вина, двое напали на него сзади.

Иезуиты несколько удивились, с какой легкостью они связали на вид весьма крепкого и статного мужчину. Его без особого труда удалось затащить на корабль. Странно, конечно: такой «матерый волк» и почти не оказал сопротивления. *«Он ведь архитектор, а не рыцарь»*, — с усмешкой промолвил старший.

Так, иезуиты отчалили, направляясь из порта Дубровника к римским владениям. Погода была просто великолепная, небо на горизонте темнело, солнце клонилось ко сну. Ничто не предвещало беды. Несколько часов спустя похитители решили проверить, как там поживает их пленник в трюме, не изнывает ли от жажды или морской болезни. Открыли трюм и... там никого не оказалось! Недоумение сменилось тревогой: как такое возможно? Если пленника в трюме нет, где же он, в таком случае?

В поисках «ценного груза» шестеро прыгнули в трюм. Вдруг из темноты перед вооруженными иезуитами показалась фигура в одном исподнем. Не успели похитители и рта разинуть, как Франческо перебил их всех, одного за другим. Переодевшись и выбрав оружие, он закрыл трюм и поднялся на мостик. Спросил у рулевого, где штурман. Тот, не всматриваясь в лицо спрашивающего, махнул: мол, штурман в каюте. Франческо нырнул в каюту и за считанные минуты перебил больше половины команды, впрочем, оставив в живых ровно столько людей, сколько требовалось для навигации и управления кораблем.

Тем, кто уже завидовал мёртвым, Франческо приказал беспрекословно выполнять его команды, иначе — тотчас отправятся на корм акулам. Сомнений в сказанном ни у кого не было. Франческо скомандовал: «Курс — Венеция!».

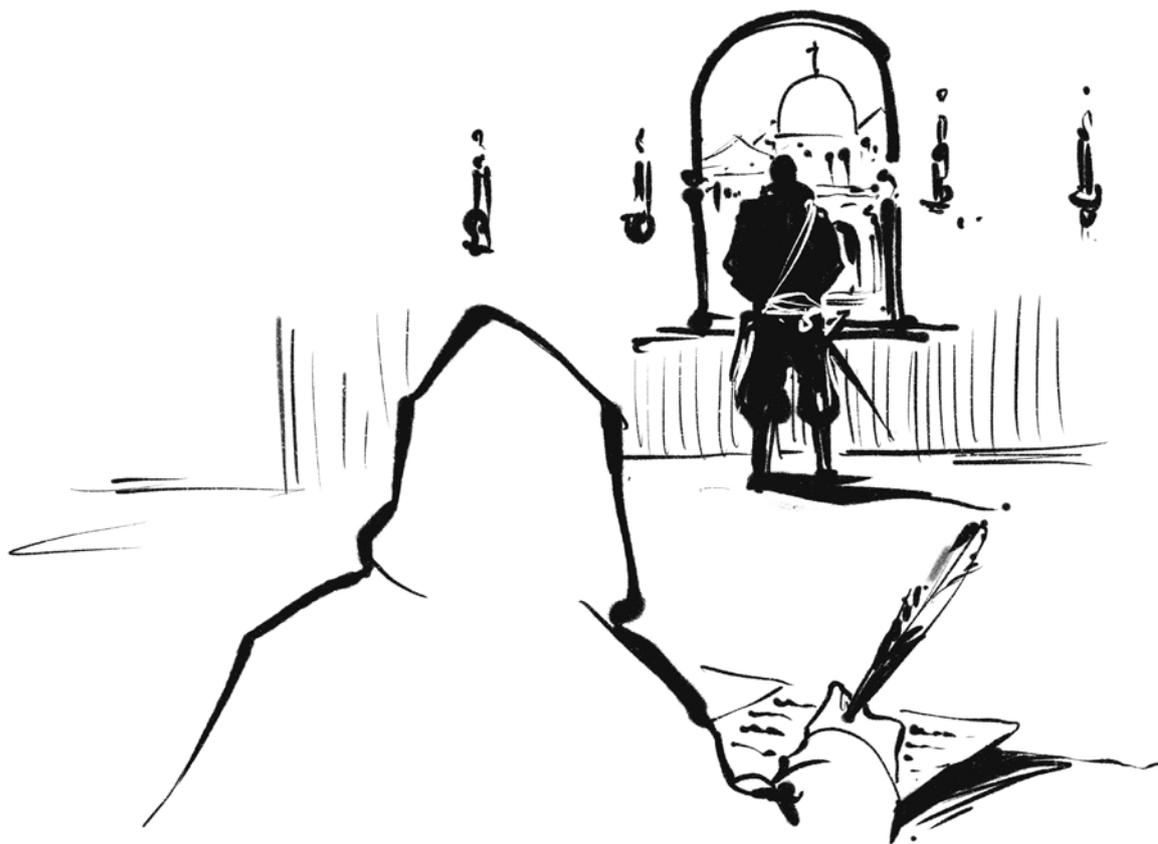

Через несколько часов они пришвартовались в одном из портов Венеции, где иезуитов встретили венецианские гвардейцы. Франческо сошел с корабля и приказал гвардейцам доставить всех пленников в свой замок, а трупы отправить потчевать рыб.

И вот он, венецианский рыцарь, стоит у себя в родовом замке, а перед ним — кучка иезуитов, связанных щенков Папы Римского. Вид у них был и впрямь, как у побитых дворняг. Венецианец приказал слуге развязать пленных и промолвил: *«Полагаю, ранее у вас была возможность убедиться, что я не склонен повторять одно и то же по два раза. И глупостей совершать я вам определённо не советую. Итак, вы провалили задание Папы Римского, потеряли половину шайки вашего ордена в «неравном бою» против одного человека и попали в плен. Конечно, всегда есть такая вероятность, что на ум кому-то из вас придет недалёковидная идея, например, попытаться бежать или отправить послание в Ватикан о том, что Венеция напала на людей Папы и удерживает пленных. Впрочем, я точно могу сделать так, что вы никогда никому ничего не расскажете. Ведь человек может поведать что-либо иному человеку лишь двумя способами: либо рассказать, либо написать. А значит, я отрежу вам языки и отрублю кисти рук».*

В глазах иезуитов горело пламя ужаса... от страха они еще больше сбились в кучу. Этот человек точно мог совершить то, о чем говорит. Венецианец выдержал паузу и продолжил: *«Дабы я этого не сделал, вы отречетесь от Папы и от Ватикана, напишите все, что знаете про дела иезуитского ордена и про задание в Дубровнике, которое вам дали. От вашей искренности и убедительности будет зависеть решение Венецианского Совета касательно вашей дальнейшей судьбы.*

Вам придется стать добропорядочными христианами. Бесспорно, ещё предстоит решить, в какой монастырь вас упрятать, чтобы вы не сбежали. Поэтому, лучше вам не испытывать Фатум. Хотите, чтобы я продемонстрировал на ком-то из вас, что произойдёт в результате неповиновения?! Ах, не желаете... в таком случае, и далее слушайте внимательно. Я даю вам ровно неделю, живите в моем замке, ешьте, пейте, вы все-таки не плебеи. Но если хоть кто-либо из вас решит сыграть с судьбой в кости — получите удар стилетом. А пока, вот бумага и перо — садитесь и пишите!».

И вправду дважды повторять не пришлось. Иезуиты писали долго. Неделями они клялись, что отрекаются от Ватикана и Христа, раскрывая имена всех членов ордена и рассекречивая дела, которые были поручены ордену. Иезуиты, естественно, и сами понимали, что станется, если эти бумаги попадут в Ватикан; в лучшем случае их сожгут на костре. И дело мгновенно приняло совершенно иной оборот: иезуиты не только не выполнили важное задание, но и выдали все секреты ордена.

Забрав иезуитские рукописи, венецианец направился во Дворец Совета, что находился в горах, в самом сердце Венеции. В огромном зале, стены которого были расписаны лучшими венецианскими мастерами и украшены золотом, а мраморный пол блестел, как зеркало, Франческо предстал перед членами Высокого Совета могущественной Венецианской империи. Шпион обратился к Совету и доложил об успешно выполненной операции, затем передал документы Главе Совета. Теперь Совету предстояло решить, как поступить с пленными иезуитами, отрекшимися от Ватикана. Венецианский шпион сказал, что у него есть предложение: *«Если убить их, Ватикан рано или поздно узнает об их неладной кончине и взамен отправит новых посланников. Я, конечно, смогу и с теми разделаться. Впрочем, есть и иной вариант. Я выберу прежде одного из этих иезуитов, а остальных заменим на моих воинов, подберём похожих по внешности. Я отправлюсь с ними в Дубровник, где мы притворимся иезуитским орденом, будем там жить и информировать Ватикан, так сказать, о «венецианских тайнах». А писать будет тот самый оставшийся в живых иезуит, чей почерк известен в Ватикане. Когда все будет налажено, я оставлю в Дубровнике своих людей с иезуитом, а сам вернусь на Венецию. Через некоторое мы отправим «иезуитский орден» в Ватикан и инсценируем кораблекрушение во время шторма, в котором погибнут все, кроме одного иезуита. Он благополучно доберётся домой, доложит Папе Римскому, что задача выполнена, но уцелел, к сожалению, только он один. Таким образом, мы и проблему решим, и впридачу получим своего человека в Ватикане».* Совет одобрил это предложение и поручил верному рыцарю выполнение очередной операции.

Через пару дней в порту Дубровника пришвартовался корабль, с которого сошли на берег шесть членов иезуитского ордена. Среди них был высокий монах лет 50-ти, с сухим морщинистым лицом и стальными глазами, во взгляде которого застыла смерть...

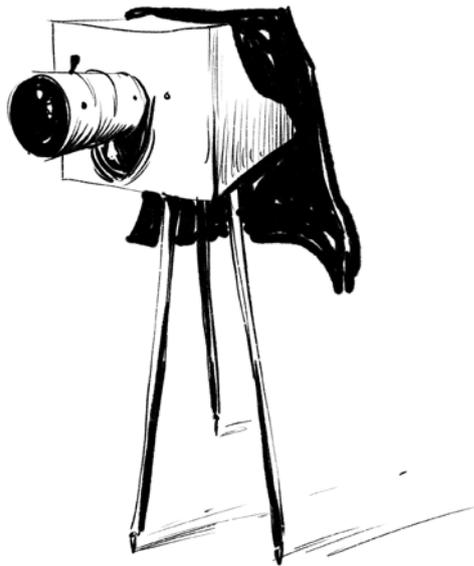

ЧАСТЬ 5. ОТ ЗАПОЛНЯЕМЫХ ПРОБЕЛОВ — К ВЫВОДАМ

Итак, вернемся из тех далеких и славных рыцарских времен к нашему разговору о методологии исследования городов. Применение исследовательской амальгамы позволяет расставить исторические факты о событиях, много веков назад разразившихся в городе Дубровник. Опираясь на данные, полученные в ходе исследования и мировую прототипологию, мы можем заполнять пробелы в истории Дубровника.

Безусловно, чтобы научиться использовать амальгамный метод для проведения исследований, недостаточно прочесть данную главу. Обретение этого навыка требует отдельного обучения. В данной книге авторы ставили себе задачу показать, как используется амальгамный метод в исследованиях и какие результаты он даёт. Исследовательская амальгама позволила сопоставить известные исторические факты, понять причину конфликта, разрешить противоречия между присутствием иезуитского ордена и Венецианской цивилизации в Дубровнике, свести разрозненные данные в одну понятную форму и прояснить зоны неизвестного.

Выводы: Амальгамный метод — это мощное оружие в руках исследователя, позволяющее разрешать противоречия, получать достоверную информацию, прототипологическим методом «заполнять пробелы» множественных исторических событий, о которых мы не можем узнать из документов и прочих источников, которую иным способом получить невозможно. Также амальгамный метод позволяет создать систему строго научных согласованных данных для использования в дальнейших изысканиях с целью разрешения прикладных задач, даже такого глобального порядка, как восстановление подлинного хода истории.

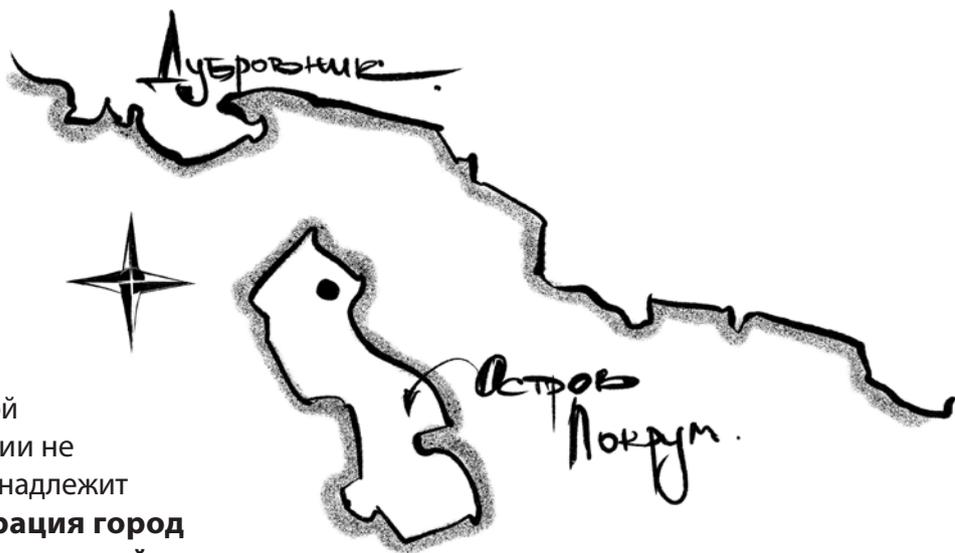

ГЛАВА 7

ОСТРОВ ЛОКРУМ

Остров Локрум оказался весьма интересным объектом для исследования. Этот небольшой остров расположен на расстоянии не более 500 м от Дубровника и принадлежит орбите его влияния. **Конфигурация город плюс остров свойственна Венецианской цивилизации** и, в частности, неоднократно встречается в Хорватии. Можно сказать, что такая модель достаточно распространена в этих землях.

В результате экспедиционного исследования и обнаруженных следов высокотехнологичной обработки скальной породы на острове, мы можем предположить, что остров Локрум является искусственно созданным гидросооружением. Особого внимания также заслуживает искусственное озеро на острове, со следами машинной обработки камня и соленой водой, из-за чего озеро называют «Мертвым». Кто и каким образом построил это уникальное сооружение — доподлинно неизвестно. Сегодня отчетливо видно, что остров подвергся серьезным разрушениям и большинство сооружений просто исчезли, а на оставшихся руинах создан туристический парк.

БЕРЕГ ОСТРОВА ЛОКРУМ.

ОБРАБОТАННЫЕ
СКАЛЬНЫЕ ПОРОДЫ.

МЕРТВОЕ озеро.

ОБРАБОТАННЫЕ
СКАЛЬНЫЕ ПОРОДЫ.

Главным объектом на Локруме является Бенедиктинский монастырь, а точнее то, что от него осталось. Монастырь был серьезно разрушен во время одного из самых сильных землетрясений в Хорватии в 1667 году. Для Дубровника это землетрясение стало самой крупной катастрофой за 1200 лет существования города.

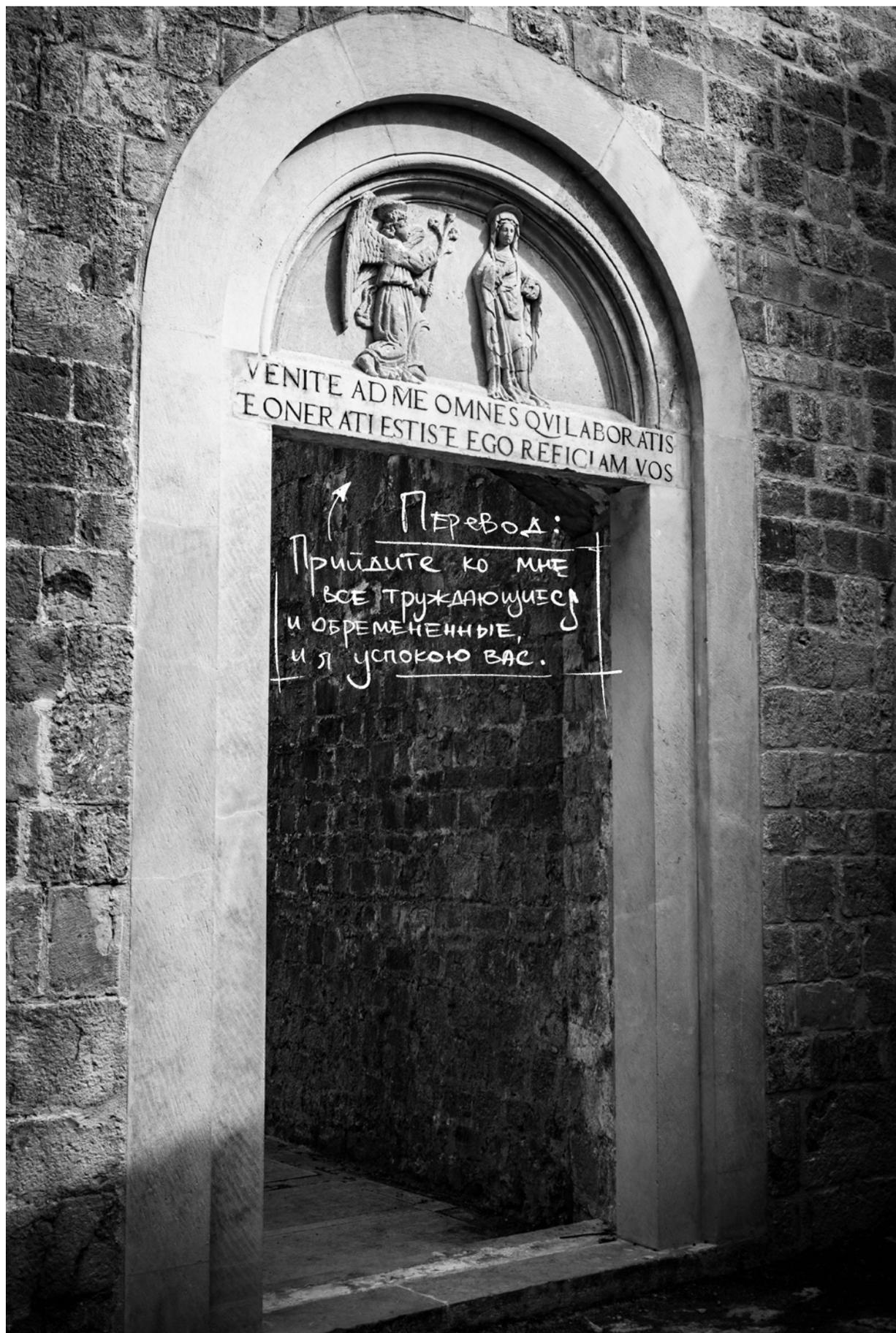

Считается, что Бенедиктинское аббатство Св. Марии на Локруме было старейшим и самым важным в орбите Дубровника. Основано оно было в 1023 году, а настоятеля для монастыря пригласили из Апулии (Южная Италия), некоего бенедиктинца Петера Гучетича.

По сохранившимся фрагментам фундаментов, стен и арок монастыря архитекторы заключают, что это сооружение было грандиозных по тем временам размеров и самым большим в округе Дубровника. То есть, кому-то очень было нужно вложить огромные деньги на строительство грандиозного монастыря на небольшом острове. Более того, исторические свидетельства говорят о том, что Локрум стал излюбленным местом для правящих кругов Европы.

Существует предание, что в конце XII века во время шторма сам король Ричард Львиное Сердце потерпел кораблекрушение и высадился на о. Локрум. В знак благодарности за спасение король Ричард пожертвовал острову большую сумму денег на строительство церкви. Эрцгерцог Австрийский Максимилиан Габсбург, будущий император Мексики, также облюбил Локрум и увлеченно занимался созданием на острове ботанического сада. Императрица Елизавета Австрийская была в восторге от острова и даже оставила в Мёртвом озере свой жемчуг, чтобы вернуться сюда снова. Через некоторое время владельцем Локрума стал сын Императрицы Елизаветы Австрийской и Императора Франциска Иосифа I — Рудольф Габсбург. Это лишь несколько знатных особ, которые связаны с загадочной историей Локрума.

Бenedиктинский орден — особая организация, и, безусловно, Экспедиционный корпус обратил существенное внимание на факт присутствия этого ордена на острове.

Бenedиктинцы — это орден высшего монашеского ранга, он считается самым древним монашеским орденом и самой редкой ветвью монашеских орденов. Можно сказать, что их деятельность связана со стратегическим уровнем разрешения задач. Что любопытно: в Хорватии расположено немало бенедиктинских монастырей, по сравнению с другим европейскими странами, где побывал Экспедиционный корпус. В отличие от францисканцев и доминиканцев, бенедиктинцы — это бездеятельный орден, то есть не имеющий прямой физической деятельности, их можно назвать некими «раввинами», мудрецами.

Девиз бенедиктинского ордена: «Молись и работай» (лат. «Ora et labora»).

Из школ бенедиктинцев вышли многие выдающиеся ученые своего времени, философы, богословы, врачи и композиторы. Среди них Беда Достопочтенный, Алкуин, Петр Дамиани, Ансельм Керттерберийский, Ноткер Заика, Туотило, Ланфранк, Эдмер, Флоренция Вустерская, Симеон Даремский, Джоселин де Бражелонд, Мэтью Пэрис, Уильям Малмсберийский и другие.

Бenedиктинские монастыри были главными центрами культуры и просвещения в начале Средневековья, они открывали школы, библиотеки и больницы. Особое влияние бенедиктинцы оказали на развитие архитектуры и музыки. Таким образом, мы видим серьезную многофункциональность и результативность их деятельности.

Руины Бенедиктинского монастыря.

Факт наличия бенедиктинского монастыря в центре Локрума говорит о том, что это место имело очень большое значение и влияние. Тем более, что остров, скорее всего, создан искусственно. Академик Олег Мальцев заключает, что **Локрум — это некое конструкторское бюро, но что в нем конструировалось, никто не знает.**

Также возникло предположение, что Локрум выступал учебным центром, в который приезжали учиться со всей Европы. Известно, что в те времена самыми лучшими капитанами считались именно выходцы из Дубровника. Есть свидетельства, что в Дубровнике, а скорее всего на Локруме, существовала мощнейшая мореходная школа и подавляющее большинство капитанов тех времен закончили именно эту школу.

На то, что Локрум был учебным центром, указывает и венецианская конфигурация «город плюс остров». Локрум является неким прототипом Венеции, которая была духовно-культурным учебным центром Венецианской цивилизации. Но, если остров Венеция прекрасно сохранился и содержит огромное количество объектов для исследований, то в паре «Дубровник и Локрум» предстояло работать непосредственно с историческими объектами г. Дубровник. Тем не менее, можно судить о возможностях и уровне развития цивилизации, построившей остров Локрум, как уникальное гидросооружение. Можно только представить, какими возможностями и технологиями нужно было обладать, чтобы строить искусственные острова. Например, остров Майский тоже является гидросооружением, но как его построили, также — тайна за семью печатями.

Таким образом, научной группой описаны функции острова Локрум, но как выражались эти функции на данном этапе судить конкретно нельзя. Все гипотезы, так или иначе, будут сопровождаться сопротивлением научного мира. Поэтому в данном случае исследователь может исключительно опираться на существующие факты. Например, скалы со следами машинной обработки — это предмет для обсуждения и предположения возможных технологий обработки. Все прочие гипотезы доказать признанными научными методами невозможно. Итак, Дубровник представляет колоссальный интерес для исследования Венецианской цивилизации.

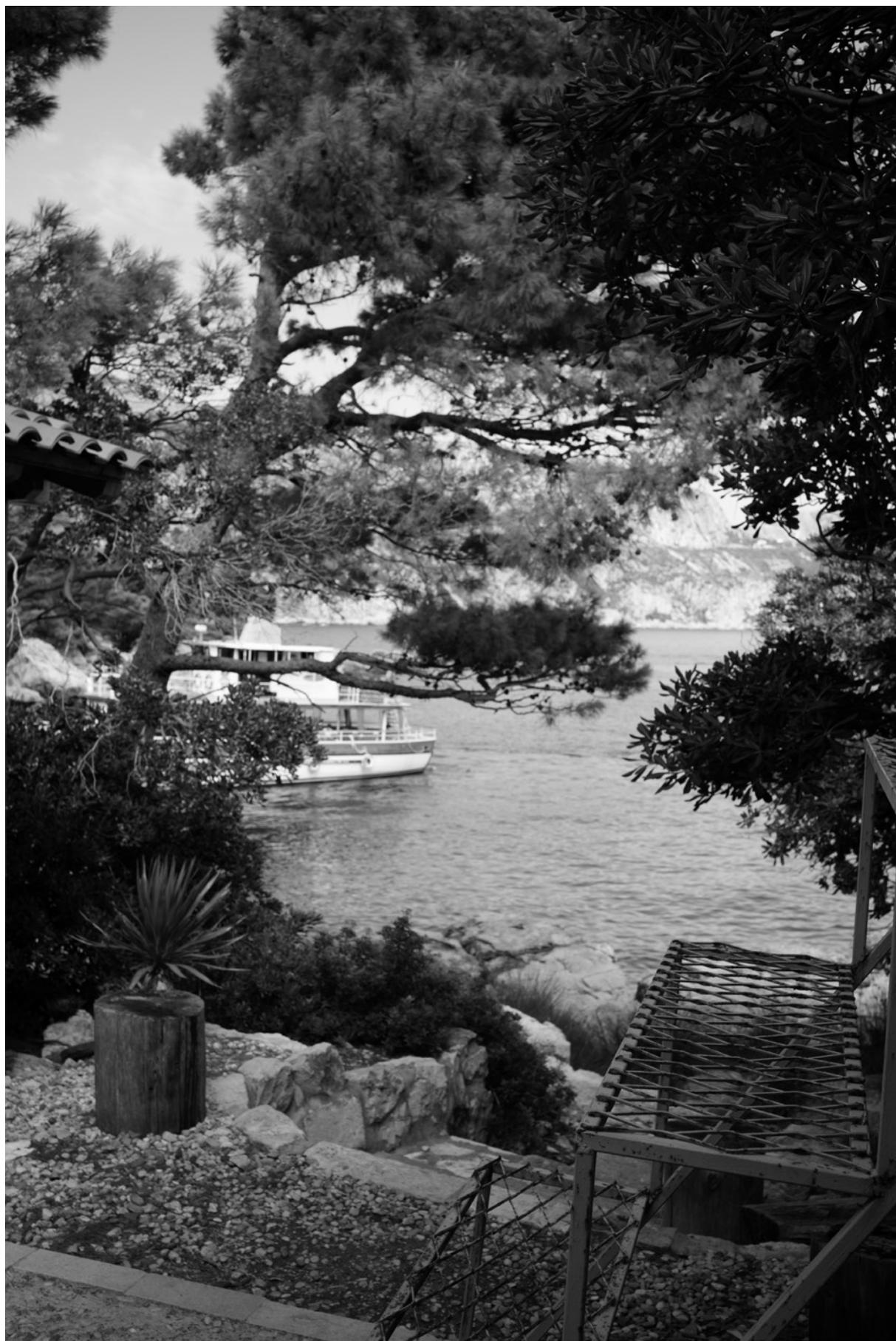
Главный вывод: обсуждать и исследовать только то, что можно показать на фотографиях. Нецелесообразно и тщетно обсуждать и исследовать то, что нельзя сфотографировать. Нет фотографий — нет исследования. Все, что нельзя сфотографировать, также не подлежит исследованию.

«Гипотетически, исходя из личной практики и наработок, я могу восстановить Локрум, показать, каким он был. Однако для научного сообщества я этого сделать не могу. Обратная реакция известна, скажут, «...это ненаучные методы». Основной принцип, следовательно, простой: нет фотографий, такое исследование нельзя донести до научного сообщества», — Олег Мальцев.

В такой ситуации исследователь может написать амальгамную книгу и представить в ней остров Локрум таким, каким он действительно был, но преподнести это как плод художественной работы.

Можно ли обращать внимание, в частности, на старинные карты или картины? Ознакомиться с ними можно, но опираться на них в качестве научных доказательств крайне сложно. Причина заключается в том, что это просто рисунок, насколько он отображает действительность проверить невозможно. Вторая проблема подобных источников заключается в невозможности достоверно определить датировку их создания.

Сегодня профессиональным художникам не составит труда нарисовать любое изображение с «эффектом старины». Именно поэтому, когда речь идет о научном исследовании, фотографии играют ключевую роль в доказательстве выводов и гипотез.

ГЛАВА 8

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ГИПОТЕЗА ПОСТРОЕНИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В данной главе речь пойдет о гипотезе построения Венецианской цивилизации, и речь идёт непосредственно о категории «гипотеза», поскольку данное исследование ещё не завершено. На момент выхода этой монографии проведено несколько экспедиций, связанных с исследованием Венецианской цивилизации, и впереди, в ближайшем будущем, также предстоит важная экспедиция в горную Венецию, где в тени прошлых столетий и ушедших веков покоится бессмертное сердце этой Великой Цивилизации. К сожалению, говорить о конкретных сроках будущей экспедиции в горную Венецию на данный момент не представляется возможным, в частности, в связи с ограничением международных перелетов; ввиду мировой пандемии коронавируса эта экспедиция, к сожалению, откладывается.

Безусловно, существует возможность изучить фотографии интересующего нас региона, сделанные другими исследователями, сторонними наблюдателями или даже жителями Венеции, однако проводить исследование, опираясь только на них, нельзя. Благо, у Экспедиционного корпуса есть собственный фотоархив, составленный во время научной работы на острове Венеция, в его окрестностях и в городе Падуя.

Итак, самый первый экспедиционный рейд в Венецию состоялся в 2015 году, продолжительностью всего 3 дня. Это было сродни душевному знакомству. Остров Венеция тогда казался каким-то уникальным гидросооружением, который таит в себе огромное количество тайн. И первая из них, которую даже за столь малый срок удалось постичь руководителю Экспедиционного корпуса, Олегу Мальцеву — это тайна венецианской системы масок — тех самых Бауты и Шута, Доктора Смерти и Венецианской капризной дамы — масок, которые почему-то надевают на ежегодные карнавалы, в том числе, далеко за пределами самой Венеции.

Следующая экспедиция в Венецию, поистине обстоятельная и фундаментальная, была продолжительностью 2 недели. Экспедиционному корпусу довелось трудиться, проживая в знаменитом историческом регионе Падуя. Именно в этой экспедиции многое относительно Венеции и её роли в мировом пространстве и времени по-настоящему прояснилось. Расширилось не только понимание объекта и предмета исследования, но и пришло в некоторой степени откровение, что... *те, кто бывали в Венеции не раз и не два, даже именитые деятели, по факту, саму Венецию во всей её красе и полноте, на деле никогда не видел.*

С чего стоит начать, чтобы познакомить читателя с Венецией? Во-первых, *Венеция — это целая область, а не один-единственный остров, покоящийся на сваях.* И в этой области существует два ключевых города: это Падуя и Венеция.

И в сравнении этих двух городов определённо можно заключить, что г. Падуя намного комфортнее для жизни, чем г. Венеция.

Так, Падуя — это аристократический уголок, место, в котором так хочется находиться с утра и до ночи. Провести время в Падуе равносильно возможности забыть о суете соседствующей Венеции, позволив себе размеренно прогуливаться по арочным улочкам и средневековым площадям, любоваться горделивыми старинными базиликарами, познакомиться с не менее насыщенной, чем у Венеции, историей города, в котором получили образование и «путёвку в жизнь» Николай Коперник и Торквато Тассо.

Benevento, Utah

Остров Венеция — лишь один из элементов венецианской цивилизации. Можно даже так выразиться: это больше «место встречи гостей», чем очаг для постоянного или длительного проживания. И мы точно в этом убедились, стоило ЭК однажды побывать в предгорной Венеции.

Во время экспедиции научная группа отправилась к кузнецам в предгорье Альп. Экспедиционный корпус радушно приняли и устроили прогулку по городку, виноградникам и мастерским, где куют клинки. На встречу приехал даже мэр города. После этой поездки окончательно стало понятно, что Венецианская цивилизация не ограничивается островом, это лишь элемент цивилизации. Сам остров можно назвать «местом для встречи гостей», а жили венецианцы либо в Падуе, либо в предгорье. Дело в том, что на острове Венеция нет достаточной инфраструктуры для обеспечения жизни, все продукты нужно выращивать на материковой части и привозить на остров. В то время как Падуя не имеет никаких проблем со снабжением.

С точки зрения рутинно-бытовой, сам по себе остров Венеция — это вовсе не сказочное место для постоянного проживания, но достаточно проблематичная среда. Взять, хотя бы, к примеру, такое банально-обыденное занятие, как поход за продуктами. По-европейски что обывателю привычно: отправиться в супермаркет или магазин, возможно, даже на рынок. Всё это точно не про венецианский остров, на котором нет ни одного маркета или торговой лавки. Снабжение продуктами питания (и не только) тех, кто проживает на острове — это отдельное таинство, начинающееся с того, что нужно знать, где заранее можно сделать заказ, тщательно его прописать и ожидать, что вам его

катерным сообщением доставят с материка. Отдельная история с мусором или, скажем, продуктами бытовой химии. И просто к сравнению: в Падуе даже задумываться о таком «преодолении препятствий» не придётся, поскольку вопросы снабжения отлажены и улажены, и с выбором и удовлетворением любых вкусовых предпочтений проблем нет.

В те времена Венецианская цивилизация имела множество построенных водных каналов, которые сегодня превращены в дороги. На Вилле Тодоскини, где жил Экспедиционный корпус, на стенах картины с изображением каналов, которых сегодня уже нет. Например, существовал водный канал от Венеции до Падуи протяженностью 70 км. Создание водных каналов связано с тем, что это значительно ускоряло передвижение между городами и давало возможность перевозить на кораблях больше грузов, нежели на повозках по суше.

Вилла Тодоскини, картины на стенах

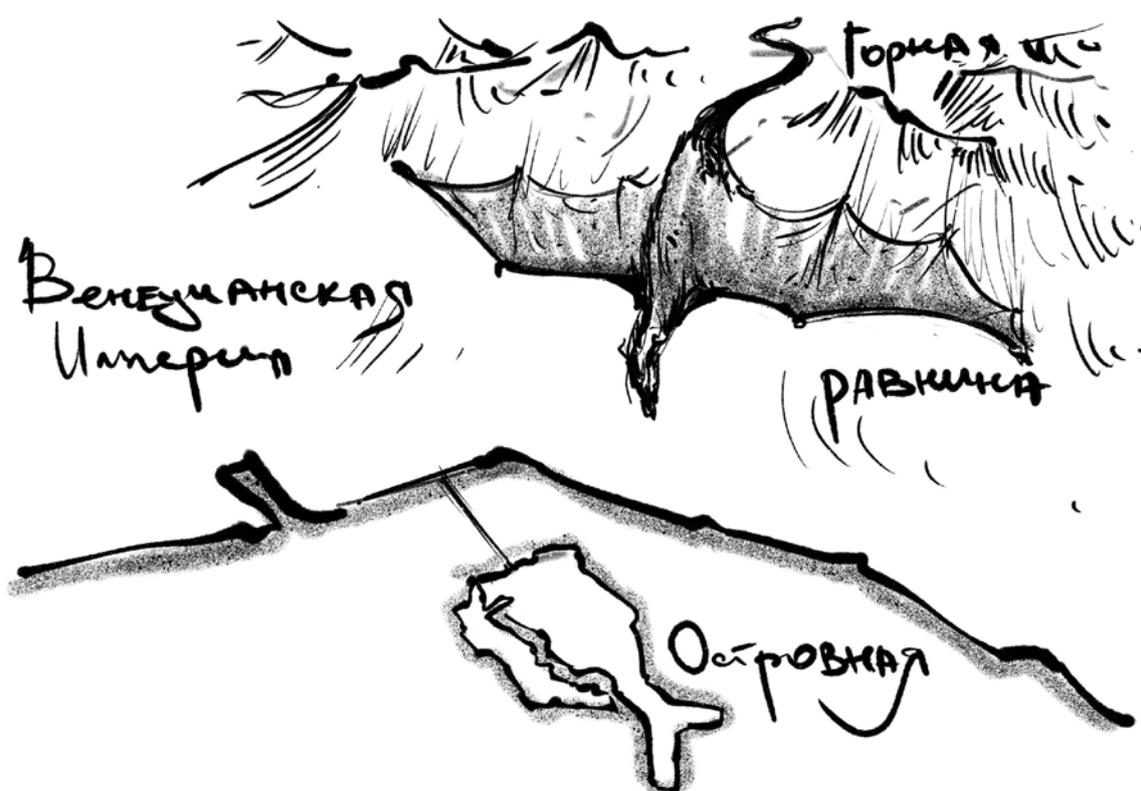
Вилла Тодоскини,
База экспедиционного
корпуса
в Венеции.
→ Картины XVI века.

В предгорье Альп были обнаружены производственная база, места добычи железной руды, деревообработки и заготовки лиственницы для постройки Венеции. Производственная база, которой порядка 600 лет, ковала для Венеции 1500 клинков в год. Стоит отметить, что Венеция нуждалась в 5000 клинков, поэтому база постоянно расширялась. Только кузней в этой местности было более двухсот.

Рассмотрим устройство Венецианской цивилизации, которая состоит из трех частей:

- Остров Венеция — это некая жемчужина всей системы, которая выставлена на всеобщее обозрение.
- Равнинная хозяйственная (производственная) часть, которая заканчивается Падуей и предгорьем.
- Горная часть, где расположено сердце Венецианской цивилизации.

Обратим внимание на модель Венецианской цивилизации: так, устройство системы сравнимо с драконом. Символически это можно описать так: *дракон, спустившийся с гор*. На самом деле это не случайно — **первым символом Венецианской цивилизации был именно дракон. Венецианский лев** с крыльями является символом острова Венеция. И этот лев, согласно мифологеме региона, жил в горах и прилетал на остров.

Символом Падуи и производственной части цивилизации является **бегущая лошадь**. Все эти символы когда-то были представлены в Венеции, но в XIX веке их заменили венецианскими львами. Впрочем, в Падуе в Палаццо делла Раджоне (Palazzo della Ragione — Дворец Разума), который был залом заседаний городского суда, по сей день стоит фигура лошади. После пожара 1420 года венецианские мастера восстановили здание и цикл фресок, разделенных на 333 квадрата, которые сохранились до наших дней.

Венецианский
Лев.

Palazzo della Ragione.

г. Падуа.

Венецианская цивилизация не может ограничиваться островом, поскольку без системы жизнеобеспечения там просто можно умереть с голоду. Кроме того, венецианцы любили принимать гостей, устраивать балы и карнавалы. Для обслуживающего персонала острова построены целые кварталы. Без всех составляющих и обеспечивающих элементов системы этот остров просто не смог бы существовать, и тем более быть центром культурной и политической жизни.

Самое главное, что удалось понять в ходе исследования — сердце Венецианской цивилизации расположено в горах, а не на острове Венеция.

Остров Венеция — это учебно-мемориальный центр для встречи важных гостей, некое произведение искусства для всего мира. Сами венецианцы очень прагматичные и претенциозные, поэтому жили они не на острове, а в более комфортном месте на материковой части. На острове в первую очередь жили те, кто обеспечивал обслуживание острова. Вдоль Гранд-канала расположены дворянские дворцы, а за ними располагались дома обслуживающего персонала. Как известно, Венецию ежегодно затапливает и достаточно сильно. Вряд ли дож и европейская знать захотела бы жить полгода в воде и изоляции. Это была летняя резиденция, где устраивались политические собрания, развлекательные мероприятия, карнавалы, балы и даже рыцарские турниры. Были случаи, когда во время наводнений даже эвакуировали всех заключенных из тюрьмы. Даже если с островом что-то случится, и он уйдет под воду, то Венецианская цивилизация никуда не исчезнет, она построит себе новый остров.

Остров Венеция — это зеркало Венецианской цивилизации.

Безусловно, остров Венеция невероятно красив, грамотно устроен и является мировым архитектурным наследием. Изначально Венецию построили как духовный, символичный учебный центр — это колыбель всех рыцарских орденов! Культурно-политическим центром — а затем и туристическим — остров стал гораздо позже.

Отложите в сторону официальную историю и посмотрите на этот остров, как будто вы впервые его видите и ничего о нем не знаете. Похож ли он на туристический центр? Вовсе нет! Остров совершенно не располагает к приему туристов. Хотя бы потому, что там нет мест для прогулок, парков и т.п. Если у вас нет лодки — передвигаться самостоятельно вы не сможете. Интересно, как средневековые дамы в огромных бальных платьях могли там прогуливаться? Сложно представить себе, как в таких платьях можно было прыгать в гондолы. Вся жизнь в Венеции словно спрятана внутри зданий, и извне ничего не увидеть. Если, например, вас не пригласили по конкретному адресу, то и идти некуда (кстати, весьма напоминает Калабрию с ее пустынными улочками). По сути, только на площади Святого Марка можно прогуляться и посидеть в ресторане. Как отметил Олег Мальцев: *«Венеция не предназначена для туристов. Она не гостеприимная. Она отталкивает чужаков. Венецианцы и сегодня не любят чужаков»*. Такая обстановка больше располагает к уединению и занятию серьезным делом, подготовкой, подальше от посторонних глаз и отвлекающих факторов.

Остров Венеция многонационален, чем очень похож на Одессу и Санкт-Петербург. Эти города являются прототипами Венецианской цивилизации. Известен даже тот факт, что Петр Первый ввиду предварительной подготовки графа Шереметьева инкогнито приезжал в Венецию за чертежами сооружений на воде, например, Адмиралтейства. В Одессе тоже не было пресной воды, зато функционировали производственные норманнские базы. В городе Бари в Италии тоже обнаружены каналы, как и в Венеции.

Базиллика, Венеция

Бенедикт, Утмань

Берегас, Утаны

Обратите внимание на символы. В норманнском Вормсе встречается множество драконов по всему городу. Испанская Империя также имела символ дракона. Можно сделать вывод, что мы имеем дело с трансформацией Венецианской цивилизации. Венецианская цивилизация превратилась в Испанскую Империю посредством того, что поставила на трон своего протеже. Таким образом, весь опыт и знания Венецианской цивилизации были вложены в Испанскую Империю для достижения мирового господства. Для Венецианской цивилизации Испанская Империя была инструментом создания собственного мирового господства.

Наследие Генуэзской республики преобразовалась в Британию. Как известно, Генуя всегда хотела быть похожей на Венецию и постоянно воевала за «пальму первенства», но Венеция все-таки одержала победу в этом конкурентном противостоянии. Тем не менее, это не сделало Генуэзскую республику слабее.

Выводы: Данная глава является неким справочным материалом для изучения последующих глав этой книги. Все города, которые были исследованы на данный момент, а также города, работа в которых запланирована во время следующей экспедиции, являются частью Венецианской цивилизации. Прежде всего было необходимо понять, как устроена сама Венецианская цивилизация, чтобы впоследствии понимать, с чем мы будем иметь дело. Интерес Экспедиционного корпуса к Венецианской цивилизации обоснован тем, что это одна из трёх мировых цивилизаций, наряду с Норманнской (Рейнской) и Греческой. При этом Венецианская цивилизация считается самой древней из них, это некий исток эффективнейших прикладных знаний и утерянных технологий.

← ДРАКОНЫ
ГОРОДА
Вормс

В качестве ремарки предлагаем читателю ознакомиться с фрагментом научно-популярной статьи «Поступь Венецианской цивилизации», опубликованной в немецком журнале «Экспедиция» (выпуск № 4, декабрь 2020 г.)

Какие же выводы полезно сделать из увиденного и услышанного?

Во-первых, весьма неверно и некорректно с исторической точки зрения воспринимать Венецию исключительно в пределах одного острова (хотя современные туристы не сильно над этим задумываются). Так, на самом деле сердце Венецианской цивилизации пульсирует высоко в горах. Именно там выбрали место своих резиденций хозяева Венеции.

Остров Венеция — это некий учебно-мемориальный образцовый центр, на манер места встречи дорогих заморских гостей. Эдакая вынесенная вовне, на просторы морские, столица в виде подлинного произведения искусства, да на зависть всем. Такая себе диковинка да одновременно и политический центр, в котором все встречались и решали вопросы государственной мировой важности Короли и европейская знать. Немалое количество свидетельств (в том числе, и документальных) говорит в пользу того, что из разных уголков Европы знать и дворяне со всем рвением и радостью съезжались в Венецию. Только чтобы принять участие в рыцарских турнирах, здесь одновременно бывали до 700 рыцарей. Представьте только на миг, какие рыцарские битвы устраивали на площади Сан-Марко, как звенели мечи и гремели щиты! Как бились на кораблях, на мостах, над пролетами каналов... Да, здесь устраивали немалые зрелища, лицезреть которые желали многие. Венеция была сущей диковинкой для всей Европы.

Сами по себе венецианцы всегда были людьми прагматичные, потому-то и сегодня на острове Венеции практически никто не живет. Большинство коренных венецианцев предпочитает материковую часть.

А кто вообще действительно жил в Венеции в те далёкие времена, т.е., кому было поручено за островом следить: рабочие и прислуга, те, кому велено было поддерживать остров в надлежащем состоянии. Дворяне на острове жили только вдоль Гранд канала. Здесь располагались летние резиденции, в которых знать оставалась, как говорится, «пока всё хорошо», поскольку затопление — обычное дело для Венеции. С наступлением октября, собственно, господа садились на корабли и направлялись в г. Падуа по каналу.

В наши дни все давно перестроено с учётом нужд и требований туристического бизнеса. Несомненно, остров величав и прекрасен, но... его метафорично можно сравнить разве что с сияющим драгоценным перстнем, одиноко пылающим на руке. Однако, даже если теоретически с островом Венецией что-то и «случится», то с венецианской цивилизацией ничего не произойдет. Будет построен новый остров, не более того.

Исследуя сегодня венецианскую систему, мы понимаем, что остров Венеция — словно зеркало, некое отражение Венецианской цивилизации. Но, как и отражение не есть сам объект, его порождающий, так и остров не равен и не сопоставим с самой Венецианской цивилизацией.

Венеция — это колыбель рыцарских орденов. Именно в этом уголке мира и зародились рыцарские ордена Европы.

Так, изначально остров возвели как духовный рыцарский центр, и уже в дальнейшем, как общественно-политический центр.

Изначально это был духовно-символьный центр рыцарских орденов, затем стал центром тренировочным, а со временем — постепенно стал превращаться в нечто схожее с современной Венецией.

Еще одной любопытной особенностью Венеции выступает тот факт, что она весьма многонациональна. Много ли таких городов существовало в те времена?

Например, всем известный своим колоритом город Одесса — это следующее зеркальное отражение Венеции. Таким же выступает и Санкт-Петербург. Это некие города, прототипологичные Венеции; словно ставленики Венецианской цивилизации в иных краях.

И преемником этой властной и могущественной державы в веках стала Испанская империя. Совокупный опыт и мудрость венецианской цивилизации был применён при создании и устройении Испанской империи. Мы можем со всей уверенностью предположить, что для Венецианской цивилизации Испанская империя стала инструментом обеспечения мирового господства.

А вот КАК Венецианская цивилизация умело распространяла свое влияние по всему миру — сие, как догадывается, тема для иного, крайне длительной и динамичной беседы, красной нитью которой будет она — неведомая и молчаливая Наука Власти.

ГЛАВА 9

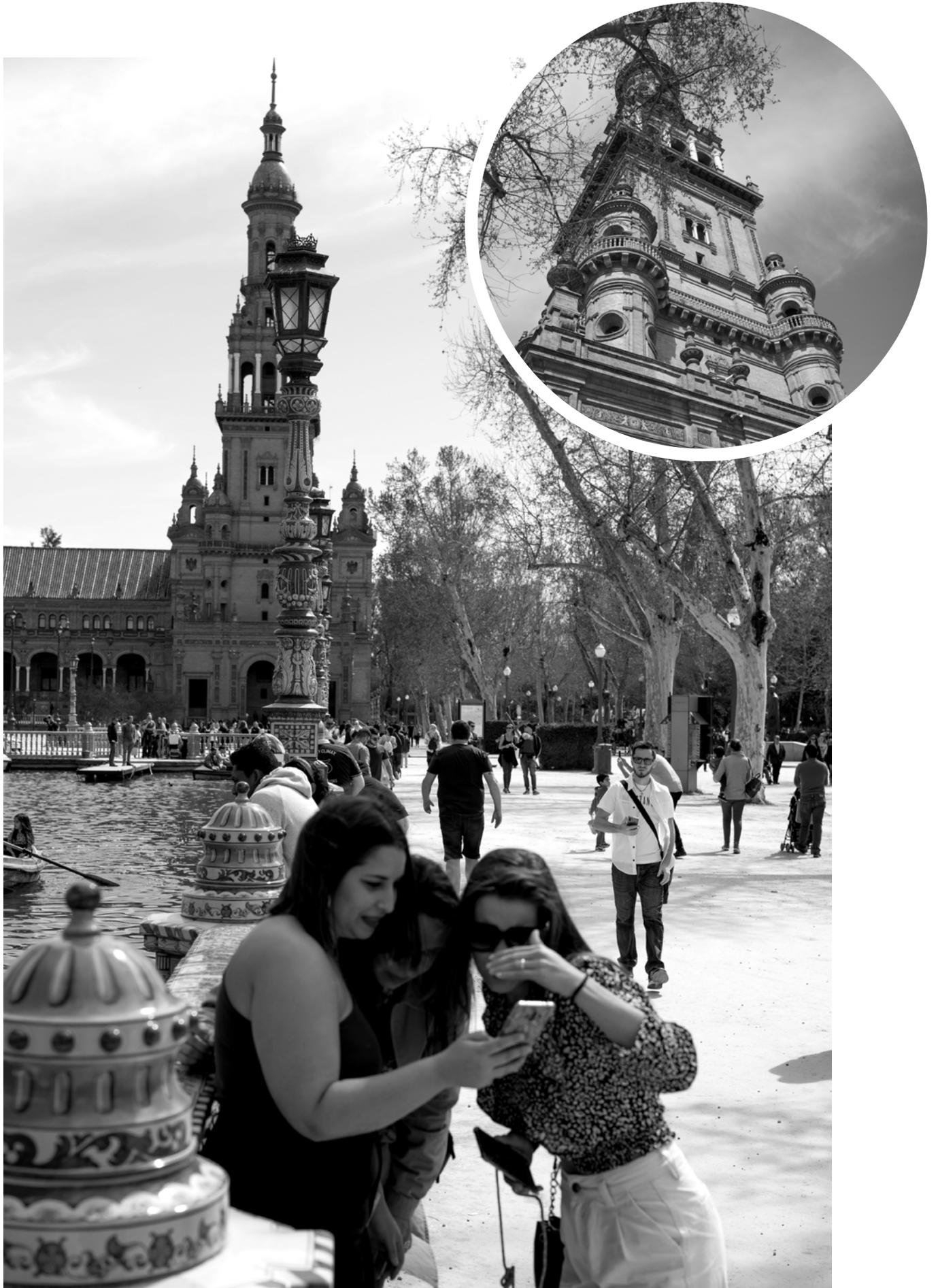
ОСТРОВ КОРЧУЛА

Начнём эту главу не с анализа острова Корчула, а с предыстории. Итак, перенесемся в Испанию, на родину фламенко, в город Севилья. Это красивый город с прекрасным архитектурным ансамблем в центре. Впрочем, Севилье, знаменитому туристическому пристанищу, присуща одна проблема — это фейк, не «нетронутый временем и горнилом эпох» город, а настоящий симулякр. Да, в действительности стоит отметить, что этот культурно-исторический проект скроен и построен настолько хорошо, что даже опытным членам Экспедиционного корпуса этот симулякр очень понравился. Проблема культурно-исторического проекта (специально созданного для туристических, бизнес и иных целей) заключается в его искусственности, что, собственно, не представляет никакой ценности для научного исследования.

Тактическая рекомендация: что действительно не стоит фотографировать с целью дальнейшего «проникновения в тайны и суть вещей», так это культурно-исторические проекты. Они не стоят драгоценного времени исследовательской научной группы, поскольку аутентичность, историческая ценность и прочие категории не свойственны таким объектам; исключение составляют те случаи, когда вы собираетесь произвести аргументированное разоблачение этого симулякра.

В чем кроется замысел культурно-исторического проекта: он должен представлять интерес для туристов, путешественников и гостей. В городе-симулякре, например, должно быть интересно, красиво, весело, чтоб можно было пофотографироваться, полежать на лужайке или посидеть на скамейке с мороженым, может, узнать что-то новое или очень «тайное», по секрету рассказанное гидом в пятом поколении. В целом, исследователю очень важно научиться отличать культурно-исторические проекты от фактических объектов, которые действительно содержат предмет или область исследования и представляют ценность.

Идея культурно-исторического проекта возникла давно и эксплуатируется достаточно активно. Сегодня это чаще всего «американская идея». С проектами «древнейших внезапно обнаруженных руин» или «раскопанных пирамид» часто связаны определенные организации и фонды, такие как Фонд Сороса, Институт Карнеги и др. Идея культурно-исторического проекта напрямую определяет изменение фактической истории. Ярким примером выступает Иерусалим в современном государстве Израиле — это не настоящий библейский Иерусалим, а культурно-исторический проект, построенный вследствие распоряжения И. В. Сталина и его указа о создании отдельного еврейского государства. Подавляющее большинство туристов со всего мира, тем не менее, верят в историческую достоверность и первоизданность Иерусалима.

Некоторые мексиканские пирамиды Майя тоже являются примерами самых популярных культурно-исторических проектов. На Юкатане существуют и настоящие древние сооружения, но они являлись тренажерами для подготовки воинов, не имеющими, собственно,

какого-либо духовно-религиозного назначения или контекста. Обратим внимание, в частности, на диссонанс между технологией построения этих пирамид, величественных сооружений, и примитивных хижин и банальных трущоб, в которых живут мексиканцы. Если когда-то этот народ мог возвести такие внушительные сооружения, то почему в XXI веке они не способны на нечто большее, чем убогая лачуга? Диссонанс между навыками, уровнем и образом жизни местного населения по сравнению с тем, что демонстрирует культурно-исторический проект, сильно бросается в глаза. Строительство — это не только физический труд, но, прежде всего, интеллектуальный, требующий знаний конструирования, основ сопротивления материалов, физики, химии и многого другого. Если люди обладали такими знаниями и технологиями для строительства грандиозных сооружений, то построить обыкновенные хорошие дома и усадьбы им труда бы не составило.

Мексика. храм Архангела
Михаила.

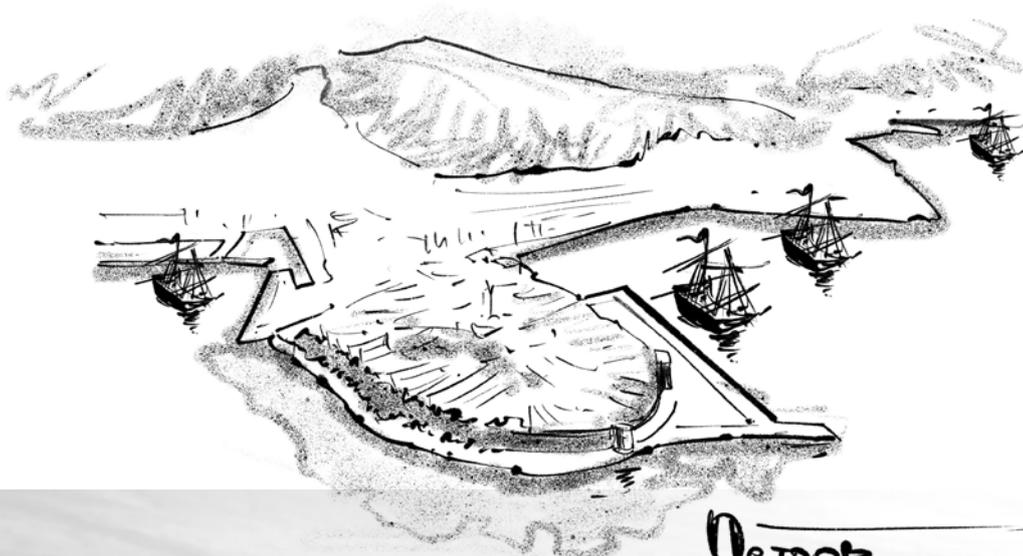
Иногда мы имеем дело с объектами, где само здание храма является настоящим и его можно исследовать, а все, что находится внутри храма, — новодел и декорации. Так было с некоторыми храмами в Мексике. Например, внешне мы наблюдаем храм Архангела Михаила, а войдя внутрь, обнаруживаем, например, новые скульптуры и странные фигуры, которые буквально ещё пахнут краской, при этом все они расставлены в совершенно произвольном порядке, без какой-либо смысловой нагрузки. Если попытаться проанализировать символы в этом храме, то получится полная бессмыслица.

Мексика. храм Архангела
Михаила.

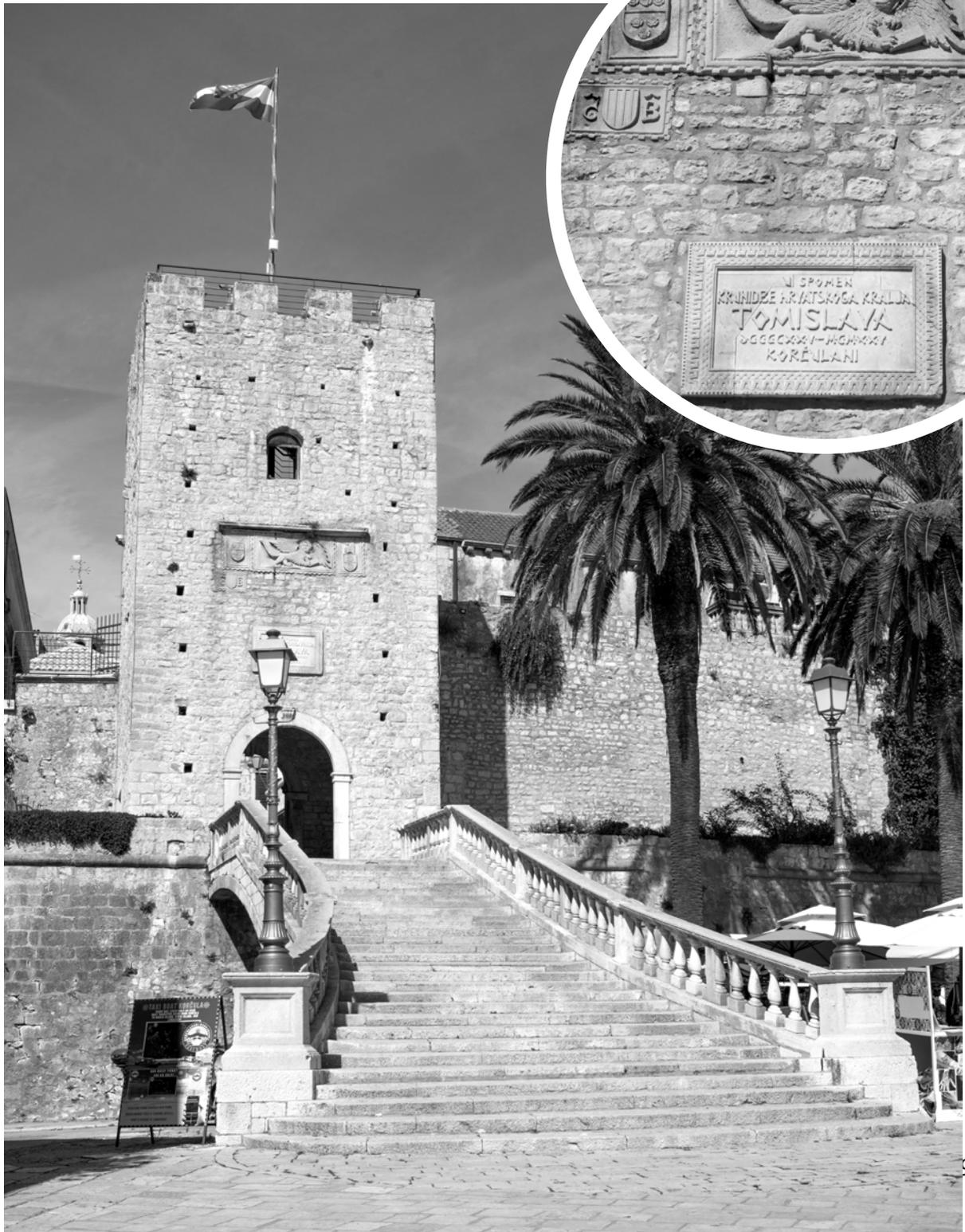
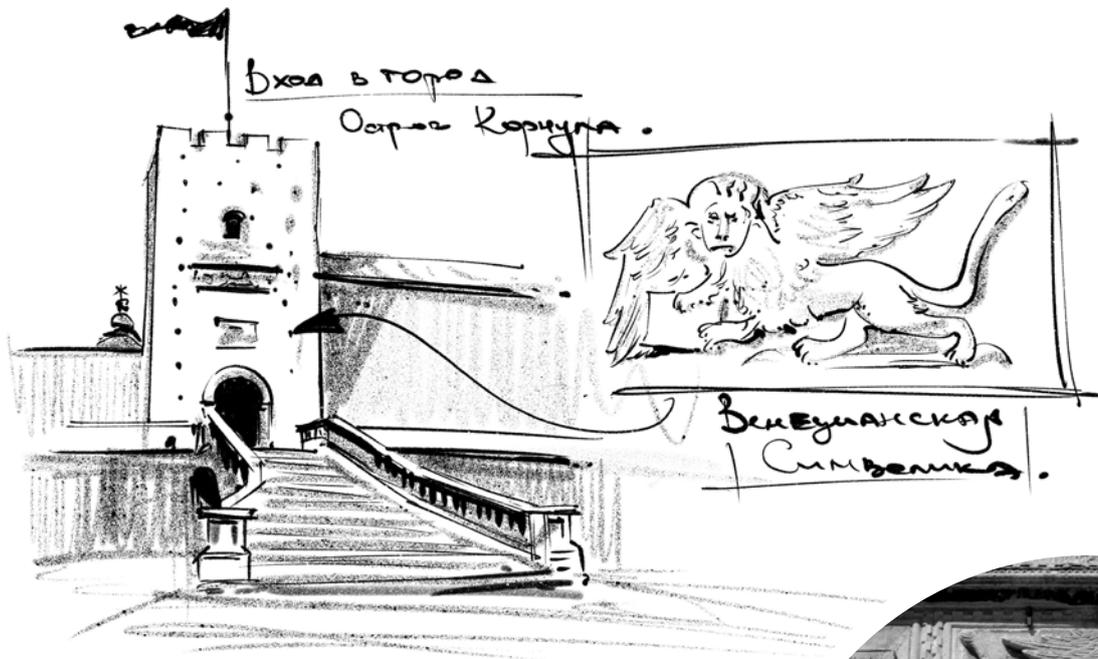
Итак, пришла пора познакомиться с культурно-историческим проектом о Корчула. Чтобы попасть из Дубровника на остров Корчула, сначала предстоит проехать около двух часов на машине до маленького порта, а затем пересечь на паром до острова. Дорога на пароме занимает ориентировочно 40 минут, однако морская панорама поистине прекрасна. Хорватия — очень красивая страна.

Итак, добрались и высадились на остров. В первую очередь, стоит упомянуть тот факт, что старый город Корчула является наследием ЮНЕСКО. Ко входу в город ведет лестница, а возле входа мы встречаем венецианскую символику. Смело ступаем вперёд и заходим за черту входа. Справа от ворот замечаем маленький храм Архангела Михаила. Храм совершенно пустой, и, вероятно, зрителям это не совсем пришлось по душе, поэтому наблюдаются «чудеса декорирования»: всюду расставлены разные фигуры для создания интерьера, однако все эти элементы новые, а значит, не представляющие интерес для исследования. Перемещаясь далее, в глубь острова, встречаем ещё несколько храмов, которые также оказываются пустыми. На острове, на каждом шагу, расположены рестораны и бары; всюду ждут туристов.

Остров
Корчула

Выйдя на некое плато, попадаем к крупному архитектурному объекту: перед нами — Кафедральный собор Св. Марка. В этом храме, конечно, ожидалось обнаружить нечто полезное для исследования. Однако два строгих зрителя поспешили уведомить о запрете на съемку в данном храме, в том числе, запрет распространяется и на журналистов. Даже обращение в мэрию не решило вопрос. К слову, нужно добавить и тот факт, что вход в храм оказался платным. А это — также один из существенных признаков культурно-исторических проектов, поскольку при каждом удобном случае у вас захотят отобрать какую-то сумму денег.

Рестораны Корчулы представляют собой полную противоположность ресторанам Дубровника. Хорошей еды в этих ресторанах нет, зато в них много алкоголя. Еще один признак, который бросается в глаза — преобладающий английский язык среди обслуживающего персонала культурно-исторического проекта; по факту, обыкновенная американизированная среда, в пределах одного острова. Более того, в ходе исследования выяснилось, что нынешние жители острова не имеют отношения к настоящим коренным жителям этой местности. На острове красуется множество современных домов, построенных в венецианском стиле в 20 веке.

Также на острове есть дом, в котором, согласно местной легенде, родился знаменитый путешественник и исследователь Марко Поло. Впрочем, согласно Энциклопедии «Британика», местом его рождения считается Венеция. Такие несостыковки также часто сопровождают культурно-исторические проекты. Отметим также, что дом исследователя уже давно канул в лету, а на его месте возведён новый симулякр. Рядом с домом находится небольшой храм, который больше похож на магазин.

Остров Корчула
Культурно-исторический
проект.

Рестораны расположены по всему историческому центру.

ВЕНЕЦУМАНСКАЈ БАШНИЈ

С одной стороны, поездка на о. Корчула оказалась бесполезной для текущего научного исследования, а с другой стороны, послужила наглядным примером для написания данной главы в назидание молодым исследователям. Историческую функцию говорящего города о. Корчула потерял, соответственно, исследовать его не представляется возможным.

Современный Корчула — это симулякр и ресторано-гостиничный комплекс для туристов, имеющий микроскопическое вкрапление венецианских символов. На таких объектах даже нечего фотографировать. Если за обычный экспедиционный день у каждого члена научной группы получается порядка 300 фотографий, то в культурно-историческом проекте количество снимков не превышает 50–60.

Обмануть опытного исследователя практически невозможно. У каждого исторического периода есть свои характерные признаки. Например, автомобиль Волга был символом СССР. Представьте, если вам скажут, что Волга — это автомобиль средних веков... То же самое подмечает и опытный исследователь побывавший на культурно-исторических проектах.

Можно ли заранее по фотографиям понять, что объект является симулякром?

Можно, но далеко не всегда. Дело в том, что фотография — сродни магии, позволяющей запечатлеть объект таким образом, что кадр будет сильно отличаться от фактического. Безусловно, для привлечения туристов делаются такие привлекательные фотографии, которые побуждают приехать. Если вы проехали три часа до Корчулы, то вы обязательно зайдете в какой-нибудь музей и в ресторан пообедать, и оставите здесь свои деньги. Именно это и требовалось от создателей симулякра.

На обратном пути Экспедиционному корпусу удалось сделать прекрасную съемку острова с моря.

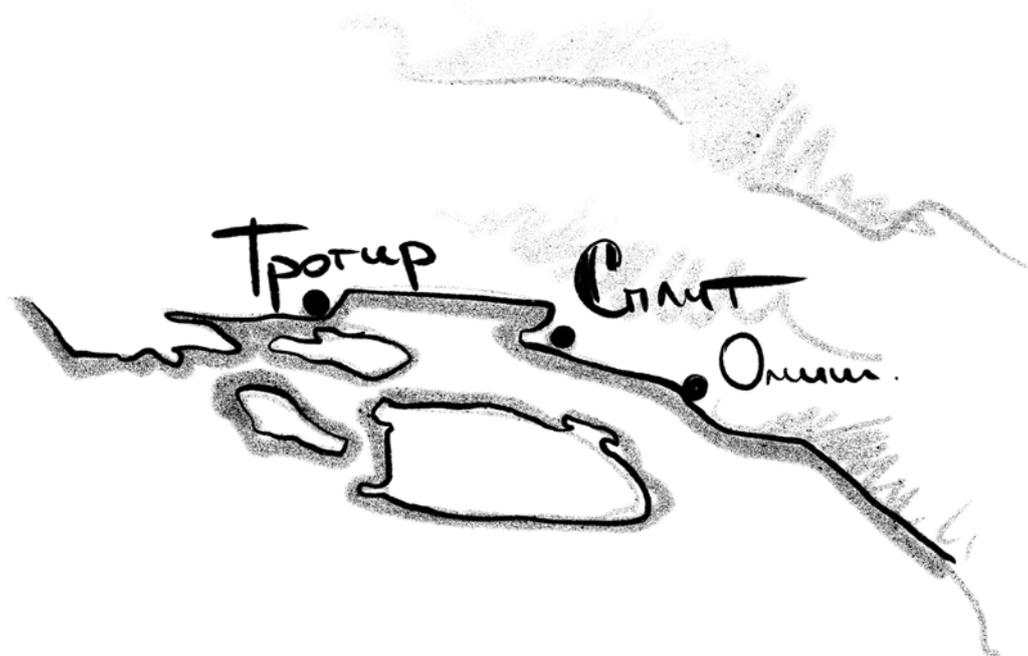

Выводы: Если вы побывали в среде культурно-исторического проекта и получили вместо научных открытий обманутые ожидания, не стоит сильно расстраиваться. Главное не брать таковые данные в исследование. Культурно-исторические проекты существуют, их не получится исключить — такова данность 21 века. *Исследовательская работа иногда связана с разочарованиями.* Вы выдвигаете гипотезу, а потом либо опровергаете её, либо подтверждаете. Делать это следует посредством собственных фотографий, фотовыборок. Доверять чужим фотографиям не стоит, однако при формировании выборки можно использовать фотографии экспертов, например, фото мафии в Палермо, сделанные фотожурналисткой Летицией Батталья. Однозначно рекомендуется всегда проверять источник происхождения чужих фотографий и не упускать из внимания тот факт, что 98% людей, нажимая на кнопку фотоаппарата, не ставят своей целью получение научной фотографии и не преследуют исследовательских целей.

ГЛАВА 10

РЕЙД В СПЛИТ: ГОРОДА ОМИШ, СПЛИТ, ШИБЕНИК И О. ТРОГИР

Данная глава демонстрирует ход исследовательской работы Экспедиционного корпуса в условиях рейда.

Прежде чем сформировать «полевые», а затем и комплексные выводы о городе Дубровник, требуется аналитический материал для сравнения данных. Недостаточно исследовать один город и «сыпать гипотезами», обязательно выбрать несколько городов для сравнения. В связи с этим целенаправленно был проведён отдельный рейд в Сплит, Омиш, Трогир и Шибеник. Дубровник находится на Юге Хорватии, а Сплит — в центре, следовательно, это даёт возможность сравнивать южную и центральную часть страны и сопоставлять полученные данные на предмет следов Венецианской цивилизации.

Все познается в сравнении.

Дорога в **Сплит** натолкнула руководителя Экспедиционного корпуса на различные размышления и последующие гипотезы. Дело в том, что путь научной группы пересекал горную местность, где кроме небольших крепостей ничего нет. Возник естественный вопрос: «Зачем они здесь построены?». Дело в том, что в пустынной гористой местности охранять нечего.

«Все крепости словно «игрушечные», на фортификационные сооружения вовсе не похожи», — Олег Мальцев.

Непосредственно на данном этапе возникла гипотеза: это могли быть не «крепости», но тренировочные площадки. Наличие тренировочного объекта высоко в горах вполне объяснимо: кому-то в определенный исторический период требовалось подготовить группу людей, способных штурмовать объекты, находящиеся в горах. Недаром говорится: «Тяжело в учении, легко в бою». Впоследствии, приехав в Сплит, научная группа встретила «точно такие же» сооружения.

Итак, знакомство с городом началось с прогулки и внимательного первичного осмотра. Сплит — прекрасный респектабельный город с красивыми домами под старину, дорогими яхтами в порту и ресторанами. Одним словом — симулякр. После поселения на базе научная группа провела первое обсуждение, а проведенный визуальными методами анализ позволил выдвинуть предварительную гипотезу. Дальше, согласно плану, научная группа отправилась в город Омиш. Почему не продолжилось исследование Сплита? Опять-таки, поскольку и Сплит требуется сравнить с другими городами этого региона.

Города Сплит .

Горос Сити

Омиш —город пиратов. В Омише научная группа увидела того же типа крепость, что свидетельствовало о городе, как тренировочном центре. Очевидно, если крепость расположена в центре города возле скалы, значит, оборонительную функцию города она не выполняет, иначе её бы возвели на входе в город. Оборонять скалу тоже нет смысла. Значит назначение этой крепости заключалось в чем-то ином. Для тренировки такого рода сооружение очень подходит. Омиш — это настоящий древний город, не симулякр.

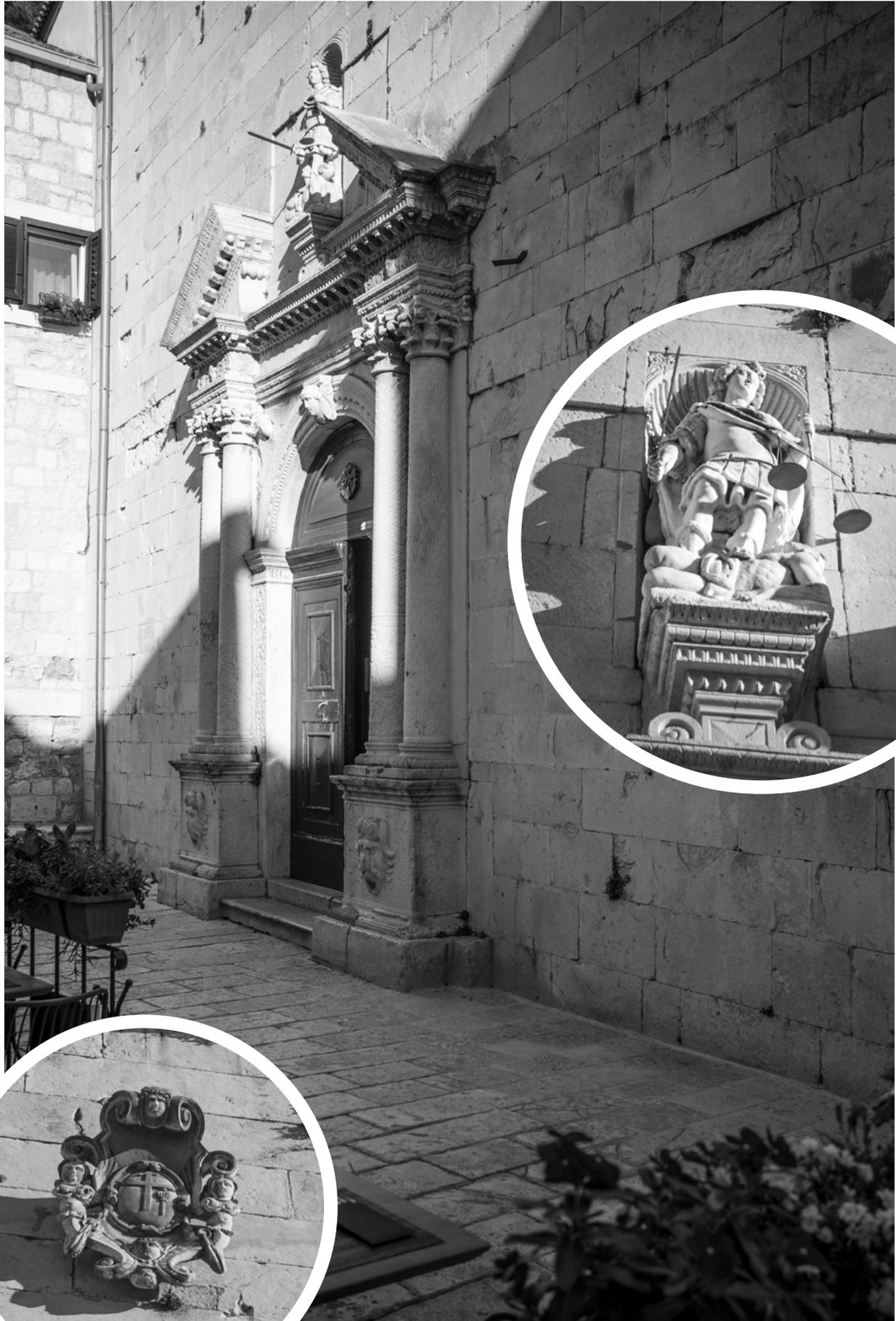
Справа от входа в город расположен храм Архангела Михаила, красноречиво указывающий на то, что городом правит криминал, пираты. Красивые дома, хорошие рестораны и устройство города очень удобное, система жизнеобеспечения целесообразно. Стоит отметить, что в пиратских, криминальных городах всегда очень достойный и даже высокий уровень жизни, лучшие рестораны и самая вкусная еда, в такой среде — всегда порядок. Бандиты — очень требовательные люди и шутки с ними плохи.

Чему учит Омиш? Что же, какие пираты не любили напиваться и драться? Омиш — тренировочный город для пиратов. В Омише находится храм Архангела Михаила, храм ордена Св. Сантьяго и др. Местоположение и устройство города таково, что он сам формирует естественный отбор людей. Маленький город создает условия, способствующие концентрации людей в одном месте. Каждый вечер происходили пьянки и побоища, кто-то из местных точно не доживал до утра. Тренировочная крепость, идеологическая и философская составляющая среды, концентрация пьяных и храбрых пиратов — всё это способствовало боевой подготовке. В том числе тренировке группового боя, а это, по сути, условия абордажного боя на корабле.

Пройдя город насквозь, мы попадаем к водному каналу, который уходит в горы. Здесь прекрасное место для тренировки морского боя — можно ставить два корабля борт к борту. Также есть специальные фортификации на берегах канала, которые можно штурмовать с воды. Можно сказать, что это морской учебный центр. То есть, днём здесь проходила боевая подготовка, а ночью пираты напивались и, так сказать, сдавали «зачеты». Безусловно, существовала необходимость находить где-то новых людей. У пиратов с этим проблем не было. Каждый выход в море и захват чужого судна с командой — равносильно «поступлению» пленных лиц, перед которыми стоял выбор — либо смерть, либо стать пиратом. Тех, кто решался стать пиратом, отвозили в Омиш.

Χρoν Αρχαγγελoν Μικαηλ.

Последовательность фотосъемки в Омише. Сначала Экспедиционный корпус фотографировал общий план, затем крепость, центральную площадь города и храм Архангела Михаила. Затем обошли весь город с правой стороны, а потом с левой. Обойдя весь город и сделав некоторые выводы, научная группа последовала в порт. Далее на катере мы отправились по каналу вглубь фьорда, чтобы исследовать местность и проверить правильность выводов.

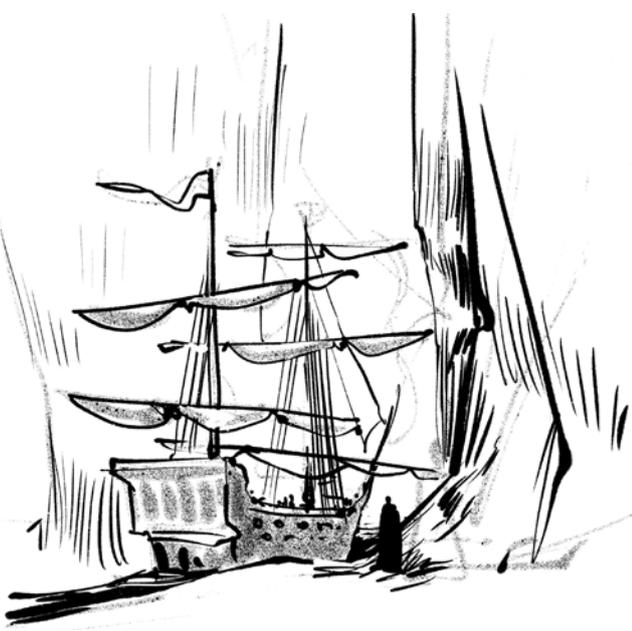

Ф борды ВБМЗУ г. Омич. | 7

РАЗРАБОТАЩИЕ
СКАНЫ

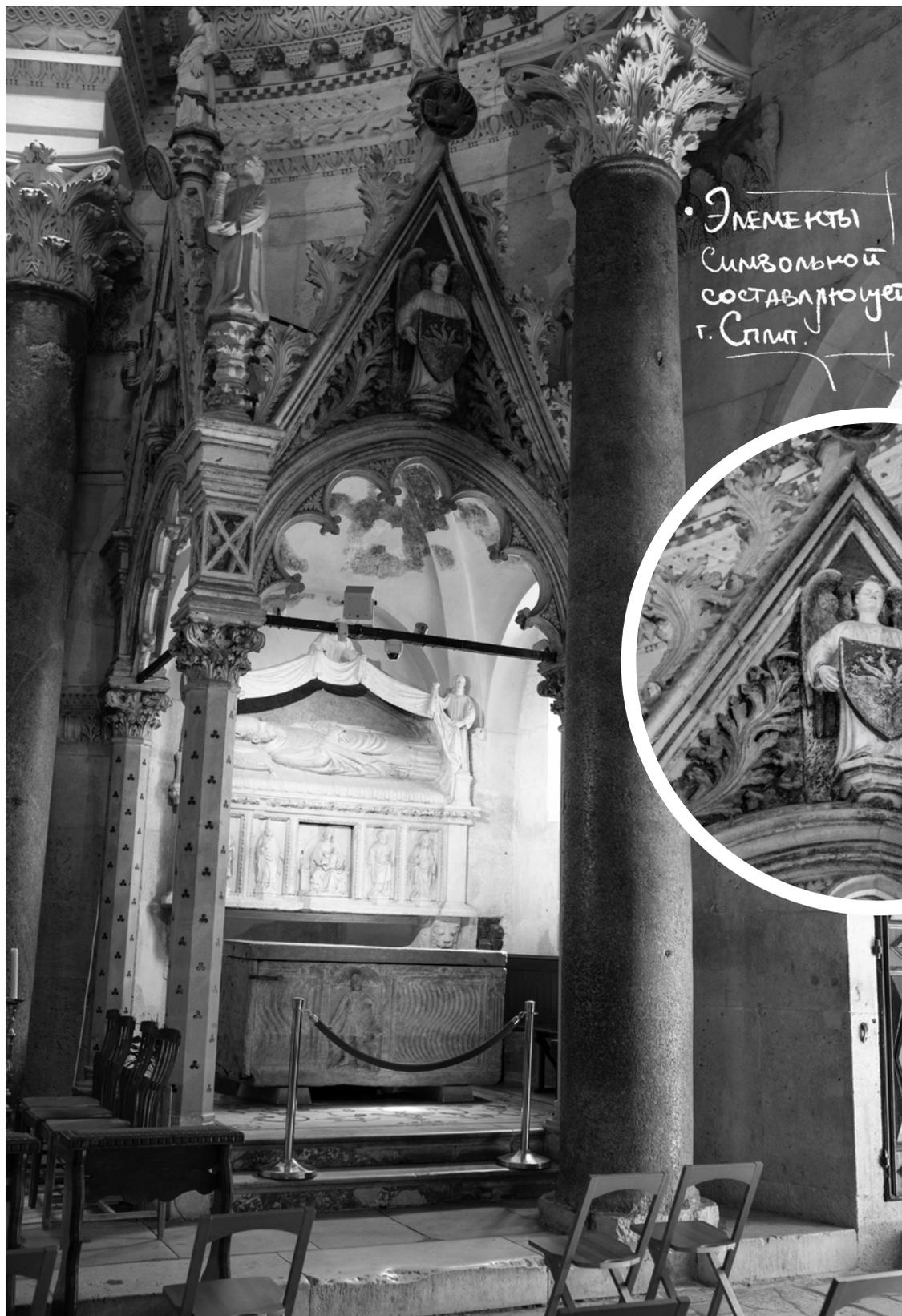

Оним — морской учебный центр

Соответственно, фотографировать следует то, что в последствии позволит сделать выводы (аналитический материал) или то, что является доказательствами уже сделанных выводов.

Например, в Сплите можно исследовать лишь малую толику символической составляющей среды. С точки зрения модели, этот регион — матрёшка, в которой слоями собрано множество культур, однако и этого понимания недостаточно, поскольку ряд объектов создан специально для туристов. Безусловно, представлены и подлинные исторические объекты, но без соответствующей проверки таковые заявления также весьма сомнительны.

Элементы
символической
составляющей
г. Сплит.

Сплит и остров Трогир — это единая система.

После исследования острова и одноименного города Трогир, был сделан вывод, что он и город Сплит являются одной системой. Важно также отметить, что Трогир — остров искусственный. Зачем кому-то понадобилось создавать искусственный остров в центре города? Пока не изучен Трогир, рано вершить «финальный вердикт».

Как показало последующее исследование, остров Трогир — также продукт Венецианской цивилизации. В центре острова стоит величественный храм Божьего Суда — прототип Рая. В те далекие времена резиденты и хозяева этих земель ясно давали понять, «что это место не для всех». В храме, в частности, сказано, что «этот остров только для тех, кто честно выполнял свой долг». Все остальные жили в Сплите и заходить на остров Трогир им было запрещено, они были недостойны это Чести.

На острове Трогир, как и на Венеции, располагаются дорогие дома для знати — это своего рода Рай на Земле для тех, кто его заслужил; как и существует Венеция, прототип Рая на Земле, место, в котором соединяется Род Небесный и Род Земной. И если представить Венецианскую цивилизацию как ожерелье, то остров Трогир — это одна из жемчужин венецианского ожерелья. Про Трогир ходят легенды, этот остров полностью автономная система, с собственным выходом в море и серьезной фортификацией. Соответственно, на данном этапе экспедиционного рейда выявлен ряд фактов, позволяющий рассматривать Трогир как объект, подходящий для сравнительного анализа с Дубровником.

Остров Трогир преподаёт один весьма важный урок: человек получает то, что заслуживает, а не то, что он хочет.

Сплит и Трогир отображают столкновение двух цивилизаций: деградировавшей общественной структуры и эталона. Эта система из двух городов демонстрирует жителям Сплита, к чему нужно стремиться.

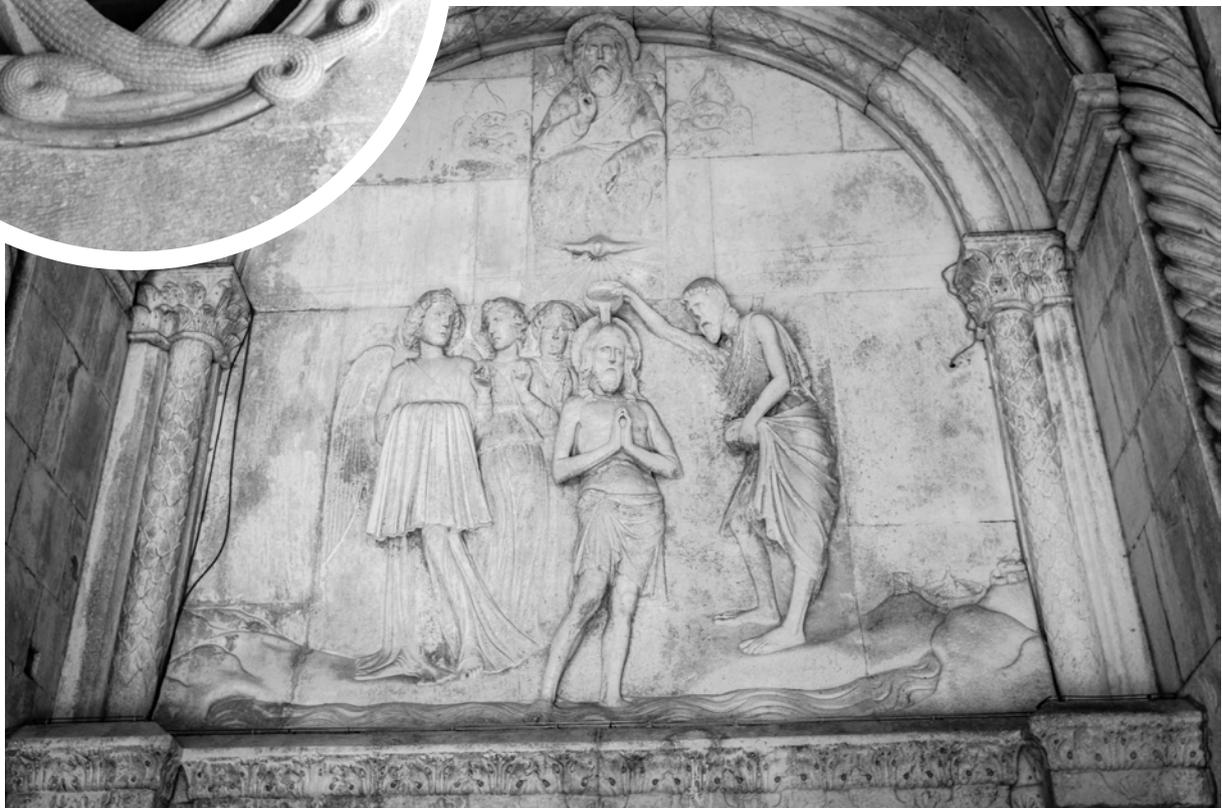
Последовательность фотосъемки Трогира. Съемка на Трогире производилась гребенкой, чтобы ничего не упустить. Выводы производились после съемки на повторном анализе, когда вернулись на базу.

Искусственный Остров Трогир ↗

ХРАМ БОЖЬЕГО
СУДА

ХРАМ БОЖЬЕГО
СУДА

Остров Тротур

Гороз Ситит_____.

На следующий день Экспедиционный корпус отправился в г. **Шибеник**. Уже на подъезде к городу стало понятно, что это венецианский город. На входе в город — храм Архангела Михаила. Этот храм принадлежит рыцарскому ордену Св. Сантьяго, что указывает на то, кто хозяин города.

Шибеник имеет необычное устройство: город построен этажами. Внизу располагаются порт и набережная, на втором этаже сконцентрирована культовая часть, выше — жилые дома. На первый взгляд такое построение города кажется достаточно странным, ведь если враг нападает, то первое, что он будет разрушать, — это святыни. Но в этом кроется весь замысел. *«Когда у вас над головой стоит огромная машина, которая сейчас обрушится на вашу голову — желание штурмовать город исчезает. Зато жителям города очень удобно атаковать противников*

сверху вниз, учитывая, что город имеет мощную фортификацию», — поясняет Олег Мальцев.

Шибеник — это город смирения.

Итак, чтобы попасть к святыням, нужно спуститься вниз, а затем подниматься обратно. Человеку, живущему в этом городе, может показаться, что он возвысился над святынями, поскольку храмы находятся внизу, словно под ногами. Однако, чтобы зайти в храм, ему придётся спускаться, а затем подниматься обратно. В этот момент человек понимает, что он выше этих храмов не потому, что он выше святых, а потому, что он поставлен их защищать. И поскольку спускаться и подниматься придётся каждый день, человек будет думать о своей гордыне и бороться с ней. Такой антропологический уровень тренировки быстро и качественно «выбивает дурь» из человека. Шибеник делает человека рыцарем, держит в хорошей физической форме и несет сильную идеологическую нагрузку. Дома в городе разбиты на манер экипажей кораблей; чем ближе к святыням живет человек, тем выше у него ранг, а чем выше от святынь — тем ранг ниже.

Город Шибеник с Морр.

Храм Архангела Михаила
Ордена Св. Сантьяго.

Храм Архангела Михаила
Ордена Св. Сантьяго.

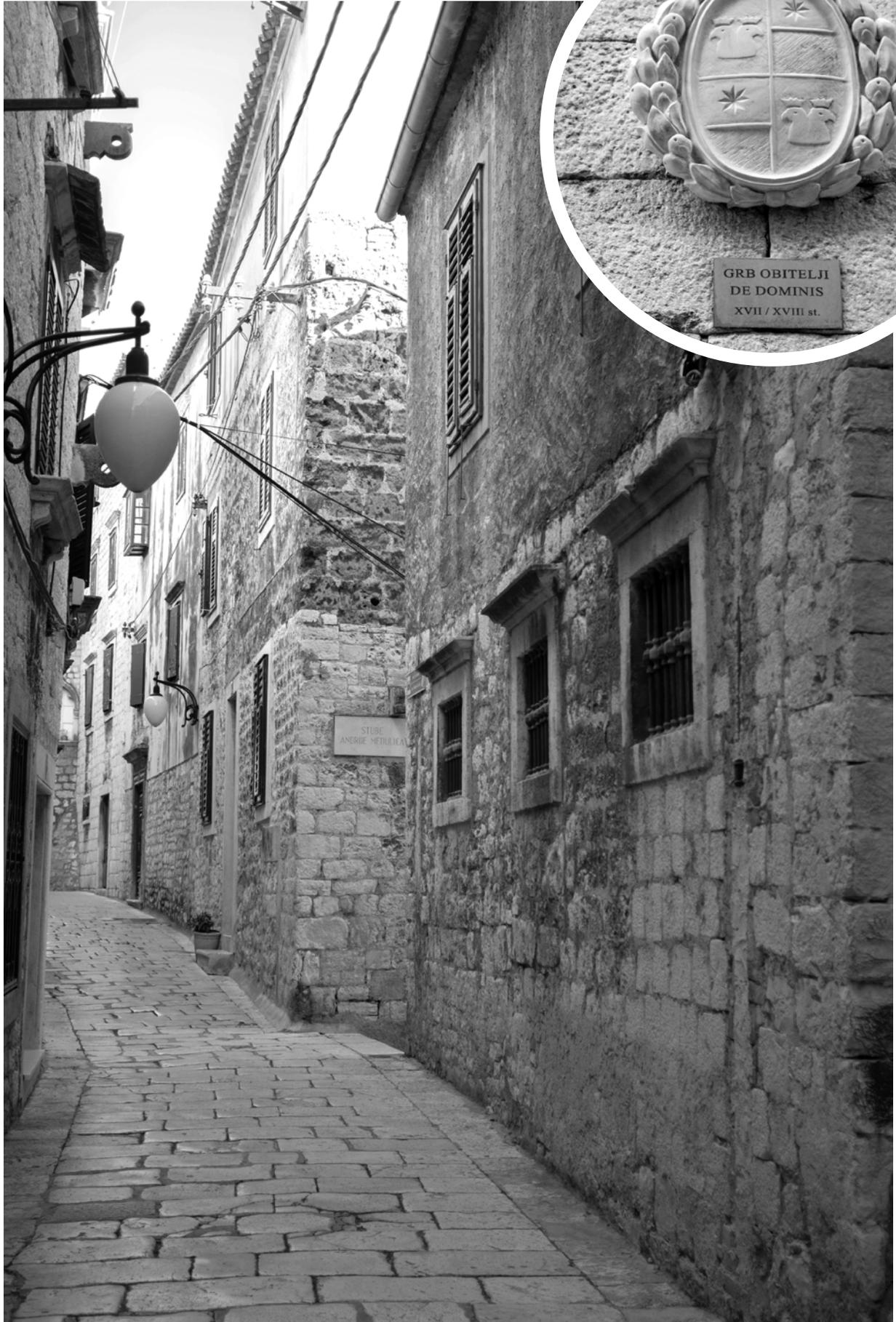
Храм Архангела Михаила
Ордена Св. Сантьяго.

Символика составляющая
г. Мишкин

Дальше научная группа Экспедиционного корпуса произвела осмотр города с моря. Эта поездка показала, что Венецианская цивилизация была намного могущественнее, чем это принято предполагать. Множество каналов и входы в порт прорыты искусственно с помощью неизвестных (!) сегодня технологий. Тот факт, что покровителем города является Архангел Михаил, тоже о многом говорит. В городе жили люди особого назначения, что и подтвердил герб ордена Св. Сантьяго.

Форт на выходе из города представляет собой уникальную морскую крепость, имеющую множество назначений, в том числе тренировочную. Эта морская крепость соединяет два берега, под водой есть стены, что позволяет вброд перейти на другой берег. Эти же стены выполняют оборонительную функцию от вражеских кораблей, но для своих кораблей эта преграда каким-то образом открывалась.

Таким образом, Шибеник является еще одним городом, который подходит для сравнительного анализа с Дубровником.

Последовательность фотосъемки Шибеника. Для фотосъемки научная группа сначала зашла в город справа, поднялась наверх и дальше спустилась по другим лестницам вниз, таким образом получилось охватить весь город. Во время обзора города с моря были сделаны выводы, а фотографии доказывали или опровергали эти выводы. В данном случае фотоаппарат также выступал надёжным и эффективным инструментом анализа.

Рейд закончен, и Экспедиционный корпус возвращается на базу в Дубровник.

Выводы: Экспедиционный рейд по четырем городам северной Хорватии позволил не только получить новые данные о следах Венецианской цивилизации на исследуемой территории, но и обнаружить три венецианских города — Омиш, Трогир и Шибеник, по параметрам соответствующим требованиям сравнительного анализа с Дубровником.

МОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

ОБРАБОТАННЫЕ
СКАЛЬНЫЕ ПОРОДЫ.

ГЛАВА 11

И СНОВА ДУБРОВНИК

Цель данной главы — научить методу повторного сопоставительного исследования.

Метод повторного сопоставительного исследования — это крайне важный инструмент. Во-первых, не каждый город можно изучить за одну экспедицию. Во-вторых, повторное исследование детализирует предыдущее.

Существуют такие города, которые невозможно осмыслить без многочисленных повторных исследований. Например, Мюнхен или Палермо; такого рода «конгломераты» исторических эпох предстоит исследовать многократно, безусловно, с фотоаппаратом, иначе проникнуть в тайны просто не удастся. Каждый раз, делая снимки на улицах города, вы замечаете новые символы, объекты, элементы архитектуры, гербы и прочее. Возможно, даже кажется, что вы уже знаете некую улицу вдоль и поперек, но всякий раз, вооружившись фотоаппаратом, всё равно обнаруживаете что-то новое. Палермо не только «раскрывается слоями», шаг за шагом, находка за находкой, но и поворачивается к исследователю разными гранями. По факту, в таких средах без фотоаппарата работать просто невозможно. Фотоаппарат, в том числе, является переходником к зрению определенного типа.

Исследование Дубровника проводилось трижды. Когда Экспедиционный корпус прибыл в город уже в третий раз, научная группа сразу прошла весь город, от начала до конца, затем проследовала наверх к иезуитскому храму Св. Игнатия. Этот иезуитский храм сохранил символ многоликости правды — крест, на который взбираются пять ангелов-младенцев. А в символической композиции на фасаде храма воплощены механизмы реализации. Таким образом, храм Св. Игнатия говорит нам о том, что истина превращается в правду и становится многоликой, и человеку надлежит понимать, как она устроена. Дело в том, что на самом деле, истина — это две правды. Формула выглядит так:

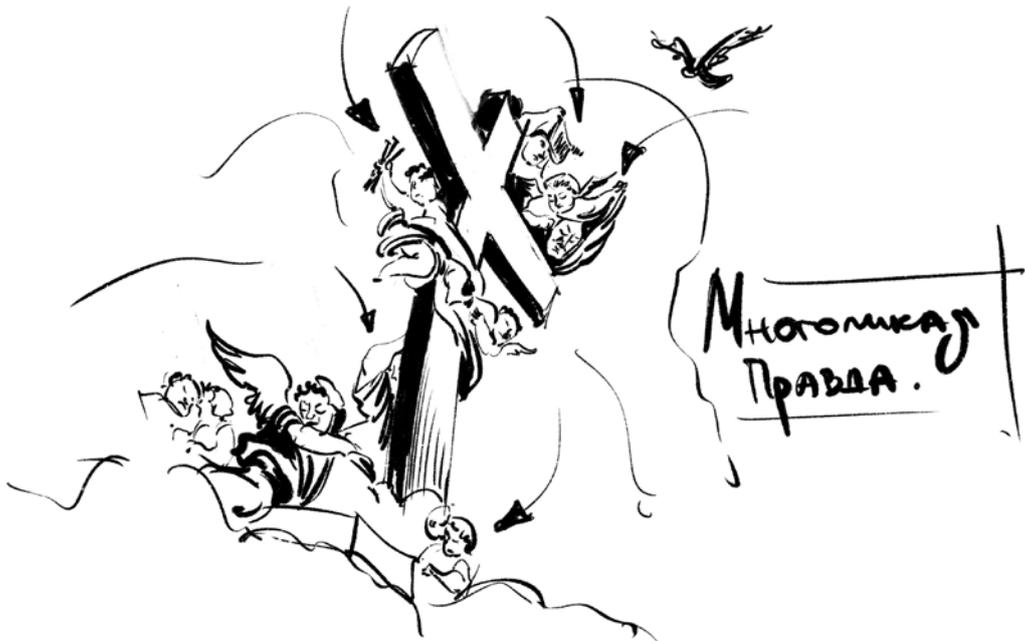
■ **То, что ты знаешь и то, что тебе предстоит узнать = Истина.**

Многоликая форма правды свидетельствует о том, что все люди в какой-то мере что-то знают, однако всегда существует и то, что узнать только предстоит (это возможно); равно как и то, что при прочих равных условиях всё равно остается нечто тайное и трансцендентное, непостижимое и пока ещё не осмысленное человечеством.

Расположение иезуитского храма также символично — человек должен преодолеть непростой путь через весь город, проходя определенные этапы познания, будто листая страницы «городского учебника». Ступив в город, человек сначала попадает к храму Корабельного Бога, за ним следует монастырь ордена францисканцев, за ним следующий храм, затем — ещё один... И с каждым новым храмом человек получает все больше знаний, все больше познает правду. Поднявшись наверх в храм иезуитов, он заканчивает обучение и понимает, что **все в жизни опирается, как на фундамент, на две категории: знания и механизмы реализации задач. Всегда существует некая конфигурация, что человек знает и не знает, и какие механизмы реализации ему на самом деле ведомы (что он использует) или таковые механизмы отсутствуют вообще.**

Иезуитский храм Св. Игнатия.

Далее научная группа исследовала Доминиканский монастырь. В этом монастыре сохранился экспонат, заслуживающий особого внимания — Архангел Михаил с венецианским батоном и весами. Такую фигуру Архангела Михаила Олег Мальцев встретил впервые. Архангел Михаил с батоном и весами — это символ власти, право судить людей за их поступки. Традиционное изображение Архангела Михаила с мечом и весами, которое встречается чаще всего, означает «судить и карать». *Казнить может кто угодно, а помиловать — только король.* Также особого внимания заслуживает компоновка групповых сцен на иконах и картинах храма — они и вправду нестандартные. По сути, символическая система доминиканского монастыря гласит следующее: **«Кто понял истину и добивается результатов, имеет право быть судьей».**

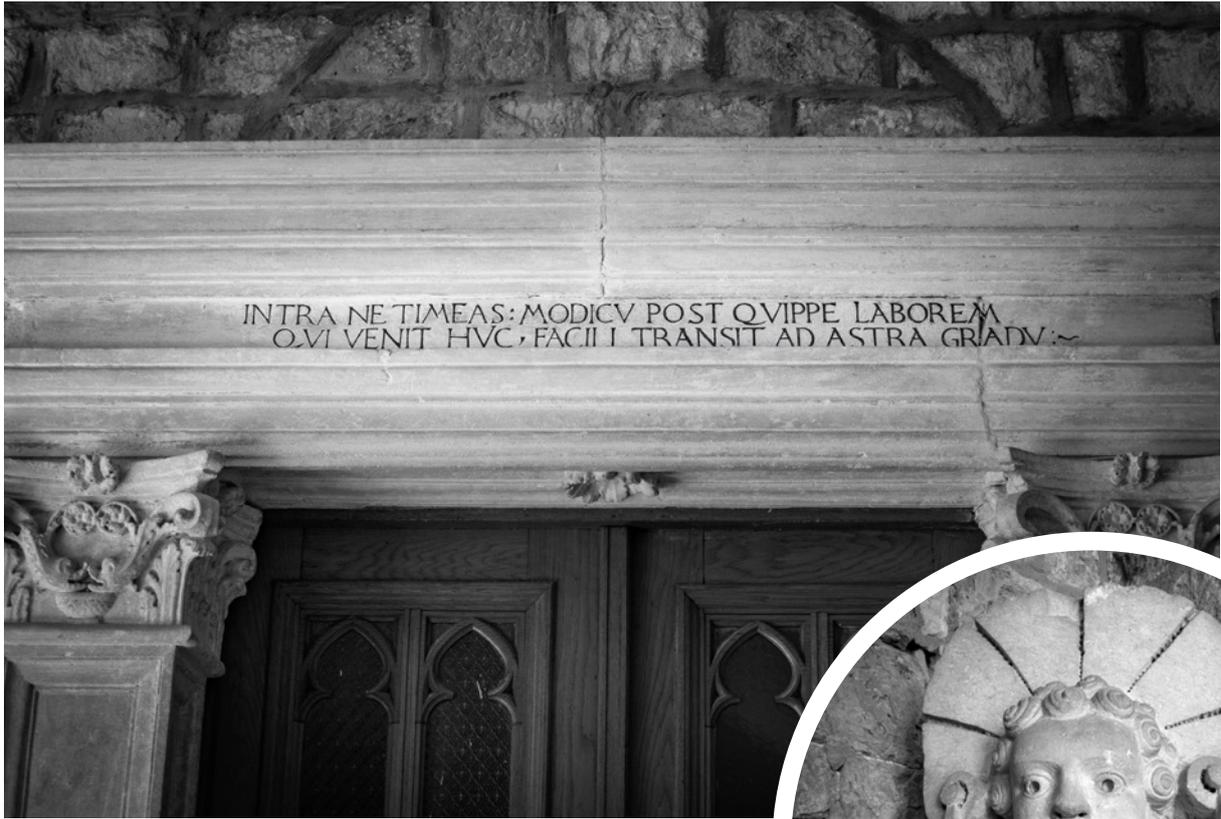
Особого внимания заслуживает колодец в центре дворика доминиканского монастыря — это точная копия колодцев, которые существовали и в Одессе. И поскольку Одесса создана по прототипу Венеции, мы отмечаем ещё одно доказательство тому, что Дубровник — город венецианский, и представления о венецианской цивилизации в прежние столетия были идентичные.

Доминиканский
монастырь →

Колодецу в центре
дворика
доминиканского
монастыря.

Архангел Михаил с бастионом и весами —
 это символ власти, право судить людей
 за их поступки.

Подведение итогов исследования Дубровника.

Дубровник — город с особой системой планировки, которая побуждает и заставляет человека (резидента) жить определенным способом, учит ориентироваться в этом лабиринте посредством специальных методов. Сам Дубровник представляет очень мощную символьную нагрузку. Этот город является для человека неким беспристрастным учителем и учит он человека быстро соображать, понимать, что правда, а что ложь; он описывает механизм воспитания человека (вспомним Францисканскую наковальню), объясняет взаимодействие знаний и навыков, и в результате приводит человека к Венецианской Славе, то есть, к секрету власти.

Дубровник раскрывает человеку воочию секрет власти: в основе власти лежит победа над самим собой.

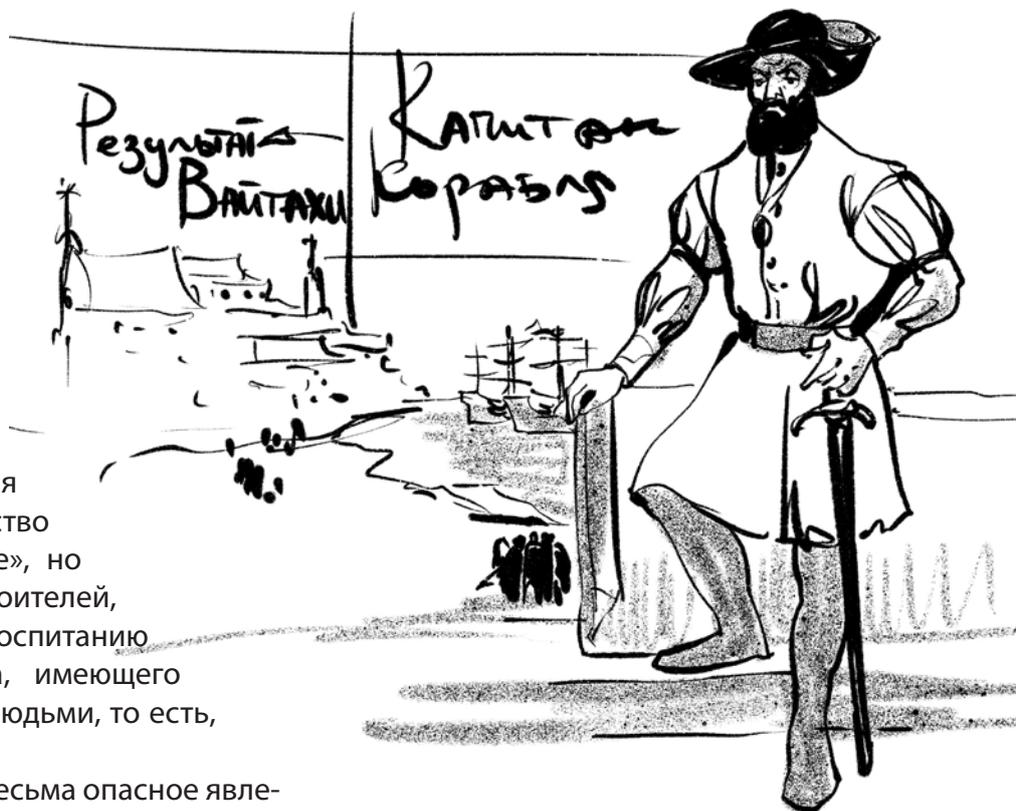

Самое главное, чему учит Дубровник жителей этой среды? Простым языком можно заключить так: *«От тебя, человек, ничего не зависит, у тебя нет выбора, ты сам творишь зло в этом мире и делаешь это очень просто. Ты же считаешь себя «классным», тогда почему ты отдаешь управление собой кому-то другому? Зачем ты это позволяешь? А все дело в том, что ты хочешь управлять другими, не победив себя. Власть все равно будет существовать как явление. Люди стремятся к власти. Но, если ты захочешь получить власть так, как хочешь тебе,— мы тебя убьем. Дело в том, что получить ее можно только одним способом: чтобы все вокруг согласилось, что именно ты имеешь право на эту власть. А для этого тебе нужно разломать себя на запчасти, а затем собрать, как положено. А если ты сделаешь как-то иначе, тебя убьют. Требовать власть, не будучи достойным этой власти — равнозначно тому, чтоб обречь себя на смерть. Поэтому от тебя ничего не зависит, ты никто и имени твоего нет. Если считаешь себя классным — докажи, пусть весь город согласится, что ты авторитетный человек и только ты имеешь право на власть. От этого всем будет лучше. Другим путем пойти не сможешь, никто этого не позволит.*

Поэтому, человек, у тебя нет выбора: либо умирай, либо ломай себя».

В этом уникальном городе существует всё, что позволяет человеку переделать себя: и вайтаха, и рыцарские ордена францисканцев, доминиканцев и иезуитов. Дубровник — это город, из которого нет выхода, он заставляет человека стать тем, кем он должен быть. Именно поэтому дубровницкие капитаны считались самыми лучшими. Этот город открыл дорогу огромному числу достойных людей. Достойных и авторитетных — а иначе жить в нем нельзя. К сравнению: если из тюрьмы можно выйти кем угодно, жуликом или вором в законе, то из Дубровника «кем-нибудь» выйти нельзя.

В этом городе всё необходимое: от знаний до автоматической системы тренировки, которая ставит человека в такие условия, где по-другому жить нельзя. По сути, город создаёт эталонного человека, личного примера для других людей. И устройство Дубровника не «случайное», но согласно замыслу его устроителей, эта среда способствует воспитанию и выковыванию человека, имеющего право управлять другими людьми, то есть, **капитана**.

Сама по себе власть — весьма опасное явление. Следовательно, к власти важно прийти таким способом, чтобы она не стала причиной вашей смерти.

Как фотоаппарат помог прийти к данным выводам исследования.

Во время первого выхода в Дубровник съёмка производилась с целью *сформулировать предмет исследования*. Поэтому на этапе обработки фотографий научная группа пришла к выводам, которые позволили сформулировать предмет исследования — *механизм вайтаху* или невидимый ангел, который существует в каждом городе и формирует личность человека, заставляя его жить определенным способом.

Второй выход в Дубровник позволил обнаружить элементы этой многоуровневой системы (от антропологического уровня до символического), а также найти важнейшие артефакты — Венецианскую Славу, Францисканскую наковальню и др. Первый раз фотографировали всё, что способствовало осмыслению и формулировке предмета исследования. Второй раз фотографировали выборочно: только то, что является частями или элементами системы. Это позволило осмыслить элементы сами по себе и подтвердить полученные выводы.

Третий выход в Дубровник увенчался целостной, чётко сформулированной концепцией Дубровника, что и определяет, какую личность выковывает данный город.

Четвертое исследование Дубровника производилось вокруг города, в том числе, с моря. На этом этапе было уже немало доказательств того факта, что Дубровник — это неприступная крепость, которая тождественна той личности, которую и «вращивает», выковывает и воспитывает этот город. Иными словами, личность, которую победить нельзя. Невозможно одержать победу над тем, кто победил себя. Как выглядит Дубровник с моря, точно также выглядит и человек, которого формирует и «вытачивает» этот город.

Во время третьего выхода фотосъёмка использовалась, чтобы комплексно и аргументировано продемонстрировать, как этот город воздействует на личность человека. Дубровник, как резец, точит личность. Во время четвертого выхода стояла задача посредством фотографий показать, какая личность получится в результате работы этого резца.

ЭЛЕМЕНТЫ
СИМВОЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ДУБРОВНИКА.

Венецианские
ордека.

Дубровник — это неприступная крепость.

Лубровник с моря выглядит так, как человек,
которого формирует и "вытащивает" этот город.

Именно на этом этапе исследования Глава Экспедиционного корпуса Института Памяти, академик УАН Олег Мальцев формулирует третью теорию личности (и это, уважаемые читатели, мировое открытие):

Вайтаха — невидимый механизм города — создаёт личность человека, и делает её индивидуально отличной от других.

Приведём фрагмент беседы Олега Викторовича Мальцева с членами научной группы, которая состоялась непосредственно в Хорватской экспедиции 2020 г.: *«Если человек из Москвы — вы сразу это поймёте. Москвичей нередко терпеть не могут, потому что они очень наглые. Одессита тоже видно мгновенно: его личность подверглась обработке в среде города, а его индивидуальность, безусловно, отличается от всех. Каждый человек неповторим, но индивидуальность строго подчинена личностной составляющей и иной она быть не может. Поэтому, как бы мы ни рассуждали, главным фактором, формирующим личность человека, является город. Личность человека, жившего во многих городах, подверглась множественной обработке. Поэтому в такой личности содержится синтез менталитетов. Чем в большем количестве городов жил человек, тем хуже или лучше для него будет исход такой «закалки». Дело в том, что никому не известно, какие последствия и как скажутся на личности в том или ином городе».*

Город на бессознательном уровне влияет на обучаемость человека. Например, одесситы необучаемы, потому что они считают, что уже все знают. Вся проблема в том, что они родились и живут в Одессе. Например, Олег Мальцев также родился в Одессе, но еще в детстве его перевезли в Севастополь, где личность подверглась обработке другого механизма. Затем будущий учёный несколько лет прожил в Москве, потом в нескольких городах Австрии, Германии, и снова в Севастополе. Так, личность подверглась множественной обработке. Бывает так, что человек всю жизнь прожил в одном городе и подвергался обработке только одним механизмом.

Отдельно стоит отметить Киев. Дело в том, что **механизм вайтахы в Киеве выведен из строя**, поскольку Киев был практически полностью разрушен во время Второй мировой войны, и восстановить этот механизм впоследствии не удалось. *Современный Киев — это город без вайтахы.* Поэтому в Киеве, вместо изначально заложенного механизма вайтахы возникает новый вайтахы, то есть вместо резца города возникает социум. Теперь в Киеве вместо резца города людей перетачивает социум. И поскольку формат социума в Киеве меняется каждые 4 года (с избранием нового Президента), то тех, кого «точили» 4 года назад, начинают «перетачивать» по-новому, и так безостановочно. Какая личность получится в результате такой обработки, предположить крайне непросто.

Если исчезает механизм города, возникает механизм общества.

Потому существует понятие «старого города» и «нового города». В старом городе работает механизм вайтахы, а в новом городе работает механизм социума. В старом городе социум тоже существует, но он уже обработан резцом вайтахы. И поскольку человек не желает быть изгоем в социуме, он не сопротивляется обработке.

Одесса была оккупирована во время войны, но не была разрушена, поэтому в этой среде вайтахы сохранился; и сегодня, в 21 веке, этот механизм переточит кого угодно. Даже если человек не хочет меняться, этот механизм видоизменит его личность, что также проверено на практике научными сотрудниками Института Памяти (аналитические выборки). В частности, спустя несколько лет приезжего человека уже невозможно отличить от одессита, более того, механизм вайтахы совершенно незаметно перетачивает личность, со всеми вытекающими последствиями.

Раньше людей делали города, потом людей стал делать социум. Поэтому Жан Бодрийяр и заключал, что «общество потребления» — это станок, который вытачивает из человека потребителя. Однако, проживая, например, в Палермо, вы не сможете стать потребителем, поскольку этот город вытачивает другую личность. Обратите внимание на интересную закономерность: в Палермо весьма часто происходят дорожные аварии, да и все машины побиты, но погибших в ДТП практически нет. В других городах, где гораздо меньше дорожных аварий, смертей намного больше.

Фотоаппарат позволяет решить множество исследовательских задач:

1. Получить материал для исследования.
2. Получить доказательства сделанных выводов.
3. Проводить повторные исследования, что «вращает» в сознании учёного город в горизонтальной и вертикальной плоскости, открывая то, что не было замечено до этого.
4. В конфигурации с длиннофокусной оптикой, фотоаппарат позволяет запечатлеть артефакты, которые невозможно рассмотреть невооруженным взглядом. Фотоаппарат превращается в некий бинокль.
5. Позволяет на практике научиться определенному подходу к исследованию: от общего к частному или от частного к общему. Сам подход позволяет качественно сформулировать предмет исследования, либо объект исследования, либо поле исследования.
6. Сформировать контент, иллюстрации для статей, книг, монографий и диссертаций.
7. Создать фотографии как предмет обсуждений и научных дискуссий.
8. Плёночная фотография подтверждает (верифицирует) достоверность исследования.
9. Правильно сделанная фотография (соответствующий ракурс, резкость, композиция и пр.) побуждает и других людей обращать внимание на исследование, делает его интересным и востребованным. Исследование без визуальных образов сегодня неактуально и бесперспективно.
10. Логика фотографии создает учёного и исследователя. Фотография как среда и фотоаппарат как инструмент способствуют возникновению определённой логики, которая создаёт беспристрастного ученого.

ГЛАВА 12

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУБРОВНИКА С ДРУГИМИ ГОРОДАМИ

Прежде чем непосредственно приступить к аналитическому этапу исследования города Дубровник, который заключается в применении сравнительно-сопоставительного метода, погорим о препятствиях и типовых ошибках, которые нередко по отсутствию практики допускают молодые исследователи. Так, одна из самых часто встречающихся и серьезных ошибок — сравнение неоднородных категорий.

Недопустимо сравнивать неоднородные категории.

Сравнение требует единой методологии, категоризации, выделения общих критериев подобия и индикаторов этого подобия. Продемонстрируем принцип на следующем примере: нельзя сравнивать велосипед и самолет, даже если они оба — транспортные средства. У них есть общее родовое — транспортное средство, но есть и серьезное видовое отличие — наземное механическое и воздушное транспортное средство. Сходство условно, а различия оказываются существенными не только по функционалу, но и по устройству, масштабу. Лучше сравнивать два велосипеда или два самолета.

В тех случаях, когда речь идет о городах, символах и психо-символических системах, в подобных исследованиях эта ошибка допускается крайне часто. Категоризация — действительно непростой подход, поэтому, в том числе, встречаются ошибки. В частности, может показаться, что вы имеете дело с однородными категориями, а на поверку выяснится обратное; всегда надлежит проверять объекты. Например, можно ли сравнивать между собой три криминальные организации на Юге Италии: Мафию, Каморру и Ндрангету? Нет, нельзя. Сравнить между собой можно только Мафию и Ндрангету, поскольку обе эти организации являются сепаратистскими, они выступают против государственной власти Италии. А Каморру политика не интересует, у них отсутствует идеология свержения итальянского правительства, членов Каморры интересуют только деньги. Соответственно, недопустимо сравнивать Каморру с Мафией и Ндрангетой. Эти три структуры можно сопоставить между собой только как организации, отбросив категорию криминала. В таком случае мы можем сравнивать их организационные структуры, иерархию, системы управления и т.д. Рассмотрим еще один пример. Можно ли сравнивать монашеский и рыцарский орден между собой? Ответ также отрицательный. Данные категории неоднородны. Однако если мы «отбросим» категории рыцарства и монашества, тогда мы можем сравнить их как две организации.

Поэтому, подходя к задаче сравнения, исследователю необходимо «селекционно» отобрать объекты, которые можно сравнивать между собой как минимум по природе возникновения, назначению, функционалу, структуре, компонентам и элементам. В данном исследовании из всего многообразия городов требовалось выбрать однородные структуры. Так как ключевым городом исследования выступает Дубровник, из всех городов, изученных Экспедиционным корпусом, нужно отобрать лишь те, которые являются однородными с Дубровником. Город Сплит, например, для данного сравнения не подходит. А такие города, как Омиш, Шибеник и остров Трогир — однородные среды, соответственно они могут быть отобраны для сравнения с Дубровником.

Самое главное, что предстоит определить исследователю,— кого создает вай-таха в этом городе.

Омиш делает из людей пиратов или бойцов, фехтовальщиков.

Шибеник воспитывает рыцарей.

Остров Трогир создает судью.

Дубровник выковывает из человека руководителя-одиночку. Обратим внимание, ключевое отличие этого руководителя в том, что он одиночка.

Безусловно, ничего в мире не возникает просто так, равно как и концепция «одиночки». Начнем с некоего примера нашего времени. В среде байкерских клубов возникло понятие «одного процента» (1%). Якобы Ассоциация полицейских в США провела социологическое исследование и выявила, что большинство байкеров являются добропорядочными людьми и только 1% из них являются непримиримыми бунтарями и бандитами. После чего резко всем байкерам захотелось попасть в число этого 1%, потому что это «самые крутые парни». Далее по тексту мы будем именовать их «однопроцентниками» — так они сами себя называют. Таким образом, по всему миру начали появляться целые клубы «однопроцентников».

Это не новая идея и придумана она не байкерами, а много веков назад. **Понятие «однопроцентников» берет свое начало в Европейском мистицизме — считалось, что среди людей лишь 1% — пророки, а затем, что есть 1% рыцарей.** Это люди, которые изначально склонны к образу жизни одиночки. В Европейском мистицизме есть пояснение, как отличать такого человека («однопроцентника») от остальных людей.

Вспомним фильм «Великолепная семерка», он иллюстрирует уникальную ситуацию, которой в принципе не должно было произойти. По сюжету фильма семь людей категории 1% собрались в группу ради одной задачи — защитить слабых и беззащитных жителей поселка. Ключевой и отличительной чертой «однопроцентников» является то, что они одиночки. Вспомним фразу одного из героев: *«Жены нет, семьи нет, врагов — живых — тоже нет»*. По факту, это люди, которые ведут одиночный образ жизни, что является аналогом норманнской системы. В норманнской системе, как известно, существует оборотень Вервольф, и он также одиночка. В этой системе одинокий волк — это вершина божественности. Поэтому возникновение клуба «однопроцентников» не может произойти по своей природе. Эти люди не могут быть вместе. Такие рыцари всегда жили каждый отдельно, в собственном замке, а вокруг замка были их земли.

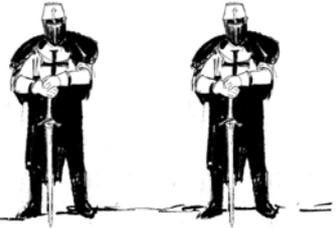
Почему их называли «однопроцентниками»? Это древняя европейская мистическая история о том, что эти люди не бывают руководителями, королями, царями и т.д., потому что они одиночки. Но от них зависит все, что происходит вокруг. Почему эти люди такие и как они появляются — это отдельная глава истории Европейского мистицизма и тема для самостоятельной книги. В контексте данной главы обратим внимание, что байкеры пытались создать клуб, подобный рыцарскому ордену, не зная природы данного явления. Для понимания системы, рассмотрим, как на самом деле строится рыцарский орден.

Механизм сборки рыцарского ордена.

Согласно европейской мистической науке, существует несколько категорий людей. Без этих знаний Европейского мистицизма построить рыцарский орден, какой-либо клуб или организацию не представляется возможным. Сборка происходит в несколько этапов:

1. Сначала появляется один человек из категории «однопроцентников». Этот человек приносит себя в жертву какому-то «большому светлому делу». Так он отказывается от штандарта «однопроцентника». Люди из этой категории могут разговаривать только с такими же как они, других они слушать не станут. Поэтому пожертвовавший собой человек идет искать других «однопроцентников». Найдя, допустим, 6 человек, их становится семеро.
2. Существует второй тип людей — так называемая «двойка». Это пара человек, два лучших друга, которые все делают вдвоем. Они не примыкают ни к какому клубу. Это как Дон Кихот и Санчо Панса, рыцарь и оруженосец. Обычно, это очень уважаемые люди. Такая «двойка» практически неуправляема, ей может что-то «объяснить» только человек из категории «однопроцентников». Поэтому «однопроцентник» ищет такую «двойку», и когда находит, она сразу ему подчиняется.
3. Третий тип людей — это так называемая «свора». Их может быть 4–6 человек и больше. У них другая форма организации отношений и разговаривать такая структура будет только с «двойкой». Поэтому «двойки» ездят и собирают «своры».
4. Таким образом, получается следующая система: «своры» составляют клуб или рыцарский орден, каждую «свору» возглавляет «двойка», а «двойки», в свою очередь, возглавляются «однопроцентниками». Над всеми ними стоит один человек — тот, кто принес себя в жертву ради дела, некий «Святой».

Эта структура неслучайно выглядит именно таким образом, поскольку стадии формирования рыцарского ордена — это стадии формирования личности.

Каждый человек стремится как-то жить, развиваться, расти и совершенствоваться, что в свою очередь подразумевает соответствующий рост и развитие личности. Вначале у индивида низкий уровень воспитания, образования и развития личности. Соответственно, он примыкает к «своре» и это первая стадия воспитания. В «своре» он попадает в некую среду, где его всему обучают. Здесь он находится на первой ступени организации. Там же он находит друга, с которым они отсоединяются от «своры» и превращаются в «двойку». Эта «двойка» подчиняет себе другую «свору», которая входит в орден. В определенный момент, судьбы разводят этих людей по разным дорогам, и они становятся одиночками, то есть, «однопроцентниками». «Однопроцентники», как уже говорилось, подчиняют себе очередную «двойку», «двойка» подчиняет «свору» и таким образом численность ордена увеличивается.

Когда люди не знают механизмов построения этой системы, они объявляют создание клуба и набирают всех, кто хочет быть «крутым». Такой клуб будет неуправляем, эти люди в любой момент уйдут, поскольку в их случае «своя рубашка ближе к телу», а может, «где-то в другом месте поинтереснее». Нередко людей подобной формации одолевают зависть и мысли о справедливости и несправедливости.

Кто не знает этих формул, не сможет построить сильную организацию. По этой системе построены все бизнесы, криминальные структуры и другие организации, с учетом специфики. Например, в Ндрангете ндрина — это и есть «свора», Капо Бастоне — это «однопроцентник», глава семьи. В составе ндрины существует «двойка», которая отвечает за «свору». Существуют критерии превращения в «однопроцентника», на каждом уровне будут свои требования, и таким образом, эта структура превращается в некий «университет». Как это происходит, подробно описано в книге «Обманчивая тишина» Олега Мальцева.

В Мафии эта модель выглядит следующим образом: пичотти — член «своры», капореджиме всегда двое — это «двойка», «однопроцентником» является консьюери — советник Босса. А Босс — тот, кто принес себя в жертву ради организации, и поэтому он «Святой». Это самый уважаемый человек в структуре, более того, у него ничего нет. «Однопроцентники» могут подчиняться только такому человеку, никому другому они подчиняться не станут.

Любая структура — временна и рано или поздно распадается, если людей в этой структуре не объединяет и не связывает нечто большее. В том числе, по этой причине на таковую «фундаментальную» структуру достраиваются разные бизнесы и дела, чтобы было больше сцепов между ее членами. Когда умирает Босс, собирается комиссия из «однопроцентников» и принимает решение, кто станет следующим Боссом.

В Мире существует божественная иерархия подчинения, и изменять её не представляется возможным. При несоблюдении иерархии и нарушении её принципов в итоге организация разрушится. Если строить бизнес, клубы, ордена, любые организации другим способом, ничего не получится. Это всегда была тайна всех тайн.

В рамках исследования были изучены взгляды байкеров на понятие «однопроцентников». Глава одного из байкерских клубов пояснил, в чем заключается суть клуба «однопроцентников» следующим образом: *«Если в двух словах, то для нас закон клуба выше закона государства»*. Возникает резонный вопрос: что заставляет людей так думать, учитывая, что у них есть семья, свой бизнес? Зачем нарушать закон государства, ради чего? Почему законы клуба для них должны стать выше государственных? Как показывает практика, в этих клубах происходит масса неприятностей, из-за чего многие члены уходят из клуба. Эти клубы считают себя рыцарями и воинами, но на самом деле, это просто клуб по интересам, а не орден. Более того, как мы выяснили, из «однопроцентников» клуб состоять не может по определению.

Президент одного из крупнейших байкерских клубов в интервью сказал, что читает книги по психологии и что ему сложно управлять всей этой системой. Этот человек начал читать книги по психологии, потому что не понимает, как руководить этими людьми, как выстроить взаимодействие, побудить их соблюдать законы клуба, и т.д. Нередко им приходится разрешать внутренние конфликты и конфликты с другими клубами, с представителями власти и правоохранительных органов.

Рыцарский орден — это прежде всего некие ступени совершенствования человека. Люди приходят в рыцарский орден не просто так, из праздного интереса, а для того, чтобы кем-то стать. Приходя в орден, человек принимает рыцарский статус и идет по ступеням ордена, или ступеням организации, или карьерной лестнице — суть одна — он совершенствуется и становится выше других, над всеми людьми. **Это, по сути, ступени власти.**

Становится очевидно, что создатели современных клубов и разного рода организаций не знают о правильной системе их построения. Поэтому многие организации и клубы просто распадаются, а предприятия банкротятся.

Вся проблема заключается в том, что эти люди не владеют знаниями о том, как создаются рабочие системы. По сути, в рабочей системе ордена, что нужно делать первому лицу — это отдавать распоряжения «однопроцентникам», дальше все происходит по цепочке. «Однопроцентники» вызывают «двойки» (их называют «мемберами»), отдают им распоряжения, а те организуют свои «своры», и вся система работает как часы. Может показаться, что организация из 200 человек является однородной, но это не так. На самом деле это система в несколько уровней, где каждый, как часовой механизм, выполняет свою функцию. «Своры» можно сравнить с отделами предприятия, которые просто достраиваются в предприятии. Такое устройство также обеспечивает систему обучения: вышестоящий уровень обучает нижестоящий. Из отдельных «свор» могут создаваться отдельные предприятия — так возникают холдинги.

Дубровник создает людей категории «1%». В фильме «НольНольНоль», снятом по роману Роберто Савиано, есть персонаж по имени Мануэль — это яркий пример «однопроцентника». Такой человек не может постоянно жить в Дубровнике, в этом городе он становится «однопроцентником», руководителем-одиночкой, и затем уезжает. Дело в том, что «однопроцентники» вместе жить не могут. Капитаны из Дубровника считались самыми лучшими в мире и были нарасхват.

Теперь мы можем заключить, какую личность создает механизм вайтаха, заложенный в Дубровник. Следовательно, рядом могут существовать города, которые создают людей второй и третьей категорий. Наше исследование подтвердило эту гипотезу:

О. Трогир — здесь живут те, кто принес себя в жертву ради дела, «Святые».

Шибеник — здесь создавались рыцари, то есть, «двойки».

Омиш — это город, где создавались и воспитывались «своры».

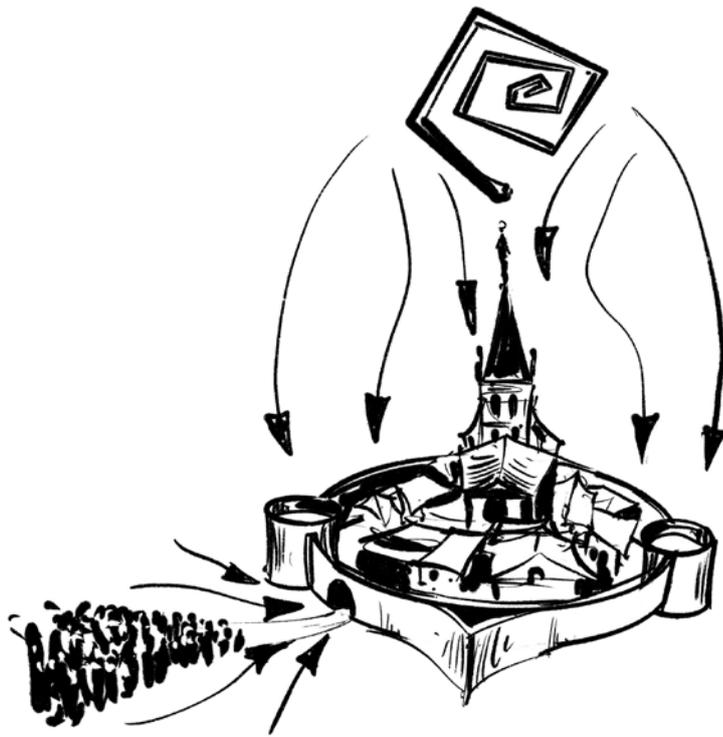
Выводы: в результате проведенного исследования на севере Хорватии и сравнительного анализа городов было выявлено, что города Дубровник, Шибеник, Омиш и о. Трогир являются элементами конструктора создания любой организации. Кто знает эту систему городов, тот может собрать любую структуру на этой территории. Сформировав необходимые блоки, можно за два месяца создать мощную организацию.

Венецианская цивилизация именно посредством таких организаций управляла миром, безусловно, она выстраивала эти системы таким способом, чтобы на одной территории были все элементы для сборки структуры, которую затем можно отправить в любую точку мира. Имея такой конструктор из специальных городов, можно было получить столько организаций, сколько нужно. Венецианцы создавали такие блоки по всему миру, и зная ключ, закладывали и возвращали организации для управления всем миром. Растворившись в Испанской Империи, они передали эти методы Карлу V. Колонизация мира Испанской Империей была произведена именно данными методами. Такой подход позволял малым числом подчинять себе новые территории.

Инструмент управления миром Венецианской цивилизации — это монашеский и рыцарский орден, как левая и правая рука. Именно так действовал Карл V, у которого в распоряжении было два рыцарских ордена и монашеский орден францисканцев.

Может возникнуть вопрос: зачем нужен монашеский орден? Так, без монашеского ордена невозможно сформировать рыцарский орден. Все рыцарские ордена родились в недрах монашеских орденов. Госпитальеры родились в лоне доминиканского ордена, тамплиеры в лоне ордена францисканцев. Сначала появились монашеские ордена, а в их лоне созданы рыцарские ордена. Поэтому доминиканцы и францисканцы были теми людьми, которые умели строить ордена и любые организации. Более того, они могли делать это и тайно. Поэтому на любой территории могла возникнуть организация, способная решать любые поставленные задачи.

Венецианская цивилизация специально закладывала города в качестве изготовителей «запчастей» для создания любых организаций. Притом неважно, какие задачи будут перед ними стоять: бизнес или война — для таких подготовленных людей это не имеет значения. Иными словами, сначала требовалось разработать механизмы вайтаха, превратить их в города, построить их, привезти и как-то транспортировать в эту среду людей. А дальше «станок» будет работать автоматически. При этом никто не догадывается, зачем на самом деле построены эти города и что в них можно получить.

Теперь вы знаете ответ на вопрос: как появился бизнес? После команды «Долой оружие!», то есть запрета на свободное ношение оружия в Европе и перехода к индустриализации, люди, имеющие конструкторы для создания организаций, создали бизнес. Ведь это универсальные структуры, неважно, что строить — предприятие или рыцарский орден — главное знать, где брать «запчасти». Нет разницы, захватывать рынок или колонизировать новые территории. Поэтому те, кому эти принципы ведомы, первыми выстроили эти структуры, захватили весь рынок и стали самыми богатыми людьми. Те, кто дожидались, пока появились такие дисциплины, как менеджмент, маркетинг; кто учились бизнесу в университетах и «высших школах» — по жизни остались аутсайдерами.

Опираясь на предыдущие исследования Экспедиционного корпуса, а именно — Систему венецианских масок, был сделан еще один вывод: венецианская маска Вольта — неизвестное лицо Большой Ложи — является ключевой в вышеописанной системе. Именно эти люди, являясь неким первым лицом, главой суда, могли превратиться в кого угодно: в «однопроцентника», в одного из «двойки» или стать членом «своры». Люди такого уровня могли стать на любую позицию и быть, кем угодно, чтобы построить структуру.

В русской криминальной традиции «однопроцентник» соответствует «вору в законе» — это свободный человек, руководствующийся своим законом, но обязательно должно быть лицо, стоящее над ним. Если посмотреть хронику криминальной жизни 90-х, почему-то все стремятся к тому, чтобы было первое лицо. Называть его могли по-разному, но суть была одна. Такими лицами были Мишка Япончик, Дед Хасан и другие. «Ворами в законе» становятся именно «однопроцентники».

Сравним полученные данные с криминальной традицией Кейптауна, которая представлена в виде нескольких «Цифровых банд»: «27-е» — это «однопроцентники», «26-е» — это «своры», «28-е» — это «двойки». Лицо, стоящее над всеми бандами, называют Лордом. Познакомиться с исследованием «Цифровых банд» Кейптауна можно в книге «55» Олега Мальцева.

Таким образом, одно исследование подтверждает другое и перепроверяет сделанные выводы.

Великая тайна наконец выступает из тишины веков на свет осмысленного человека. Теперь **известно, каким образом Венецианская цивилизация управляла всем миром:** создавая криминальные и некриминальные организации на разных территориях. Сегодня эти механизмы власти никому не известны, соответственно, тем, кто стремится управлять людьми, приходится создавать контролирующие органы, суды и «дамклов меч» над головами людей, который будет заставлять их что-то делать и повиняться. В таких условиях естественным образом возникает криминал, поскольку «однопроцентники» не желают жить или работать под контролем тех, кто не достоин ими управлять. Это их стадия развития личности, они сами себе закон. Поэтому и актуальна парадигма: «Пока существует общество, существуют преступления». Но, если современное государство перестроить по этим венецианским принципам, то преступность исчезнет или станет абсолютно управляемой. В частности, так было в СССР при И. В. Сталине, о чём можно прочесть в книге О. В. Мальцева «Рыцарский орден русских воров».

ГЛАВА 13

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННОГО МАТЕРИАЛА

В этой главе мы подводим итоги или, как говорят в Экспедиционном корпусе, считаем «улов».

Все символы и артефакты, которые встречались до этого в предыдущих экспедициях и уже являются известными, не считаются «уловом».

Что удалось сделать в экспедиции на юге Хорватии:

1. Научное открытие: механизм «вайтаха» или так называемый «невидимый ангел». Вайтаха — невидимый механизм, заложенный в устройство города, который обеспечивает реализацию основного замысла создателей города, независимо от уровня восприятия или познания самого замысла его резидентами.
2. В Дубровнике впервые были найдены уникальные символичные системы: Францисканская наковальня и Венецианская Слава.
3. Изучили город, построенный как учебная аудитория, и соответственно доказали, что такие системы действительно существуют (не частный случай). Ранее европейские города строились не только в качестве населенных пунктов или оборонительных форпостов, а с определенной целью: посредством механизма вайтаха получить определенный продукт — конкретный тип личности, «выкованный и «выточенный» средой города в соответствии с замыслом основателей города.
4. Апробирована методология анализа городов и получены множественные результаты. Данная методология анализа городов впервые была представлена на международной научно-практической конференции «Город как учебная аудитория» в августе 2020 г. Впоследствии научная группа Экспедиционного корпуса под руководством PhD О. В. Мальцева выполнила следующий важный шаг по введению методологии в академическую науку: практическая проверка методологии в экспедиции, которая увенчалась успехом.
5. Получены варианты работы механизма вайтаха. Доказано, что существуют различные механизмы вайтаха, они по-разному работают и создают города с разным характером воздействия на личность человека.
6. Доказано, что третья теория личности стоит на психологии степеней и основной исследовательской категорией выступает «ущербность». В рамках международной конференции «Жизнь в эпоху пост-апокалипсиса» («PALE-2020»), которая состоялась в мае 2020 года, академиком Олегом Мальцевым был представлен доклад о категории ущербности, как основной исследовательской категории в глубинной психологии. По сути, психология 21-го века, в том числе, выстраивается на третьей теории личности, где основной исследовательской категорией является ущербность, чему и была дана оценка академическим сообществом в рамках международной научной конференции «PALE-2020».
7. Показана связь между механизмом вайтаха и психологией степеней.
8. Мы вплотную подошли к объяснению такого явления, как «территориальный менталитет».

9. Сравнительный анализ городов заставил изучить и серьезно обратить внимание на тот раздел Европейского мистицизма, который методологически объясняет универсальный механизм построения любой организации.
10. Впервые в данном исследовании и книге «Невидимый ангел или что фотографировать» представлена модель построения Венецианской цивилизации.
11. В результате комплексного анализа мы пришли к выводу, что города на исследуемой территории имеют разное назначение, при этом являются обязательными элементами общей системы построения любой организации. Имея последовательные данные (ключ), можно в кратчайшее время собрать из элементов системы любую структуру (военного направления, криминального, коммерческого и др.).
12. Исходя из ранее изложенного, осмыслена гипотеза, научно обоснованное предположение, основанное на фактах и подкрепленное доказательствами, которое объясняет механизм обеспечения владычества Венецианской цивилизации в мировом масштабе.

Данная экспедиция является законченным, но не исчерпывающим, исследованием Венецианской цивилизации.

Уже запланированы последующие экспедиции в рамках исследования Венецианской цивилизации и городов как учебных аудиторий, с целью получения более обширного материала, доказывающего гипотезу, изложенную в данной книге. В конце 2020 года состоялась экспедиция на север Хорватии, что также создает условия для анализа южной и северной части Хорватии, что позволит проверить гипотезу и сделать выводы, подводя промежуточный итог исследования. Результаты исследования северной Хорватии войдут в книгу «Второе имя или что фотографировать».

Для того чтобы сделать научное открытие и научно доказать, что все выводы экспедиции являются верифицируемыми и проверяемыми, необходимо «полевое исследование» горной Венеции, острова Венеции, а также исследование других элементов Венецианской цивилизации на территории Черногории и других соседних земель.

Уже на данном этапе можно утверждать, что при исследовании юга Хорватии обнаружен механизм, который использовала Венецианская цивилизация, чтобы, с одной стороны, воспитывать определённых людей (с соответствующими характеристиками уровнем развития личности, философскими суждениями, практическими навыками и пр.), а с другой стороны, организовывать их в конкретные структуры, посредством которых Венеция осуществляла управление в мировом масштабе.

Выводы: Те результаты исследований, которые получены на данный момент, являются рабочими элементами технологии и могут использоваться на практике в разных отраслях деятельности. Прикладной эффект экспедиции очевиден. Далее следует практическое применение полученных данных, отработка узлов технологии, но уже сегодня можно заключить, что экспедиция в Хорватию заложила прочную основу для дальнейших комплексных исследований. Данная экспедиция стала ключевой, способствующей дальнейшему осмыслению и выстраиванию комплексной модели функционирования Венецианской цивилизации.

ГЛАВА 14

МЕТОДОЛОГИЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПОЛУЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ДАННЫХ, ПРОВЕРКА НАУЧНЫХ ДАННЫХ И ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ

Не одно столетие известно совершенно простое и понятное изречение относительно того факта, что «из воздуха», «само по себе» или по «мановению волшебной палочки» ничего не возникает и не происходит. Артур Шопенгауэр, всемирно известный философ неоднократно восклицал «Из «ничего» ничего не получается»; основатель глубинной психологии, выдающийся учёный венгерского происхождения Липот Сонди также акцентировал внимание, что всё «не просто так» и даже бессознательному поведению человека всегда предшествуют невидимые причины. Только «из ничего и будет ничего».

Прежде чем инициировать научное исследование (особенно такого уровня как научная экспедиция), надлежит со всей ответственностью подойти к такому важному аспекту как организация исследования. И, безусловно, на данном этапе в помощь — валидная методология, учитывающая как исчерпывающий перечень научных задач и инструментов, позволяющих их реализовать, так исчерпывающее число подходов, к которым придётся прибегнуть для получения достоверных данных, формирования модели исследования, гипотез и положений, аргументированных выводов, заключений, рекомендаций и прогнозов.

Цель данной главы: определить базовые методологические положения, призванные способствовать осмыслению и выстраиванию тактики проведения научного исследования с целью разрешения поставленных практических задач.

В первую очередь, предлагается на основании уже проведённого анализа этапов научной экспедиции в Хорватию 2020 года сформулировать базовые положения организации эффективной научной деятельности.

1. При подготовке организации экспедиционных исследования изначально вам потребуются подготовленные люди и соответствующая фотоаппаратура. Без специальной подготовки провести научную экспедицию не представляется возможным. В частности, незнание хода развития и итогов предшествующих экспедиций Экспедиционного корпуса, незнание Европейского мистицизма, основ фактического существования и функционирования европейской цивилизации вряд ли

позволят человеку, даже вооруженного самым лучшим фотоаппаратом, сформулировать предмет исследования. Более того, в ходе экспедиции нередко возникают экстремальные условия и непредвиденные трудности, с которыми обычный путешественник или

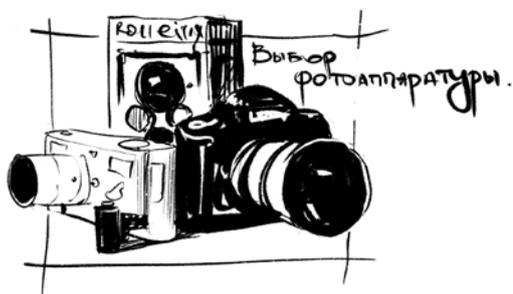
турист не справится, а последствия таковых «не справился» могут быть различными (от проблем со здоровьем — до нереализованной научной задачи).

2. Люди в составе экспедиционной группы должны уметь проводить научные исследования; квалификация должна соответствовать заявленному уровню. Без подготовки и методологии невозможно получить никаких результатов.

С точки зрения рассмотрения аспекта «профессиональная подготовка», важно отметить, что «подготовка» подразумевает не только ваши навыки и уровень осведомлённости. Как показывает практика, психологическая составляющая неотъемлема. Экспедиционное исследование подразумевает погружение в чужую

среду, в которой существует иная система ориентирования, другие правила и даже ход времени. Так, существует «другая сторона экспедиции»: встреча с мировой памятью, с её мощной и нередко совершенно неизученной знаковой и символической информативной составляющей, невидимо влияющей на человека. Такие встречи небезопасны для неподготовленного человека. И, естественно, самый важный аспект: без надёжной апробированной методологии исследования невозможно получить достоверные результаты и «столь желанный» научный продукт. В противном случае всё, что будет в конце, — гора пёстрых фотографий.

3. Выбор фотоаппаратуры.

Безусловно, учитывая все вышеуказанные рекомендации, важно выбирать несколько камер и объективов для разной съёмки, т.о. создавая определённую инструментальную конфигурацию. Следует также учитывать погодные и температурные условия той местности, где будет проходить исследование. Если пойдет снег или вы попадете в сезон дождей, то снимать без водонепроницаемой техники вы не сможете,

вся экспедиция может пройти зря.

Важно, чтобы члены экспедиционной группы знали, как в разных условиях производить съёмку на пленку. Крайне рекомендуется перед выездом в экспедицию проводить полевые учения и тестирования оборудования, как это делает Экспедиционный корпус. Если члены научной группы не обладают необходимым профессиональным уровнем, не знают, что нужно искать, как снимать и тому подобное — исследование не будет проведено. Данный учебник в том числе выступает частью текущей подготовки Экспедиционного корпуса к последующим экспедициям.

Подготовленные люди в составе экспедиции — это ключевой фактор.

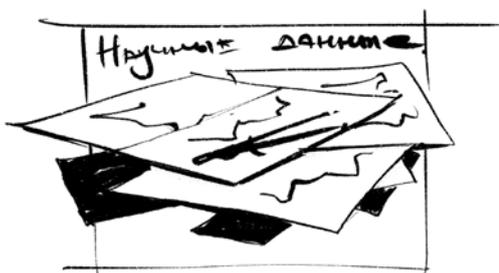

4. Непрерывная активная научная подготовка, подразумевающая изучение мировых тенденций и достижений. Цель: аналитическая деятельность по формированию валидных подходов к получению и проверке научных данных.

Прежде чем состоялась первая экспедиция в Хорватию, была проведена международная научная конференция «Город как учебная аудитория».

В рамках данной конференции научное сообщество обсудило проблематику исследований городов и их сред визуальными методами. Впоследствии также была переведена книга профессора Джерома Крейса «Видеть, как меняются города» о визуальной социологии и исследовании городов. В рамках экспедиции в Хорватию, наряду с проверенными подходами Экспедиционного корпуса, также использовались подходы, описанные Джеромом Крейсом. Одним из результатов экспедиции стал данный учебник, который последовательно объясняет, как проводится исследование, как используется фотоаппарат для научного исследования и как применяется методология, апробация которой состоялась, в том числе, в ходе международной конференции.

Безусловно, эта книга будет полезна для журналистов. Но в первую очередь, она о получении *научных* данных, а не *журналистских*. Журналисту не требуется выполнять ряд сложных последовательных действий, чтобы его работу опубликовали в СМИ. Непосредственно научная работа требует методологии, выбора определенного подхода, взаимодействия с научным руководителем, рецензентами, а также соблюдения прочих требований к научному продукту. Журналисту всего этого делать не нужно; руководствуясь информационным поводом, он может, условно, отправиться в интересное место, сделать красочные фотографии, сформулировать аналитические выводы и написать добротную статью. Учёный так действовать не может.

5. Получение научных данных требует определенных условностей и условий.

Согласно концепции и сути «научного подхода» изначально требуется провести научную конференцию, выступить с докладом и провести апробацию научных идей и методологического «эскиза». Затем, на основании принятой и утвержденной в резолюции конференции методологии, можно ехать в экспедицию проводить исследование, после чего предстоит написать научную монографию о полученных резуль-

татах. После этого ученому крайне рекомендуется «заложить» следующую экспедицию, в ходе которой будут повторно проверены выводы и продолжены исследования.

Например, не представляется возможным учёному делать выводы о Хорватии, исследовав только ее небольшую часть. После научного знакомства со средой юга Хорватии нужно перемещаться на север, и таким образом исследовать всю страну. В частности, в рамках экспедиции в Мексику был изучен весь полуостров Юкатан. В Германии последовательно исследовалась среда городов Рейнской традиции в ходе нескольких научных экспедиций. Анализируемая территория должна быть исследована полностью, в ходе одной экспедиции, если это небольшая территория (например, небольшой остров), или в ходе нескольких экспедиций.

Делать выводы о всей системы, располагая данными только об одной из частей системы нельзя. Это ещё одна ошибка, которую нередко допускают даже опытные исследователи. Выводы делаются только на основании целого.

Академическая наука стоит на «столпах» доказательств, а не гипотез. Конечно же, можно выдвинуть множество гипотез, исходя из одной фотографии, не выходя из кабинета, но собрать доказательства гипотез без экспедиции не представляется возможным.

Исследование, состоящее из одних гипотез, не является исследованием. Нужны доказательства этих гипотез.

6. Следующий важный этап работы — это *проверка научных данных*. Многие учёные откровенно не затрудняют себя подобного рода «заботами». Нередко можно встретить книгу или монографию с личным мнением автора по какому-то предмету. Попытка иллюстрировать доказательствами элементы этого мнения не является научной работой. Нужна система проверки научных данных.

С целью проверки полученных данных предварительно проводится категоризация, операционализация, и только потом определяются критерии (мерило оценки) и индикаторы (инструменты измерения). Существует множество измерителей, инструментов, сопоставление с моделями, но самое главное — это объективность и повторяемость. Мы видим это, когда предыдущие исследования подтверждаются последующими, когда полученные данные в прошлой экспедиции подтверждаются в следующей экспедиции. Исследование Германии начиналось в Мюнхене, затем Экспедиционная группа изучала такие города, как Нюрнберг, Фрайзинг, Вормс, Фрайбург, Гейдельберг и многие другие, в результате чего новые полученные данные подтверждали и дополняли данные, полученные в Мюнхене.

Многолетняя исследовательская деятельность Экспедиционного корпуса показала, что наличие Европейского мистицизма, как основной науки Средневековья, является не частным случаем, а мировым явлением. В Испании, Мексике, Германии, Италии и других странах мы видим один и тот же символичный язык Европейского мистицизма, тот же язык архитектуры, его системность и силу влияния.

7. Систематическая исследовательская работа создает условия для проверки данных.

Города на одной территории не бывают разнородными, они всегда выступают элементами некой системы. Распознать проанализировать и вывести модель таковой системы можно посредством проведения повторных исследований. Повторные исследования продуцируют больше выводов, нежели линейное исследование одного города. В Хорватии, прежде чем сформулировать выводы, экспедиционная группа исследовала несколько городов, не только Дубровник. обязательное условие и требование

— выборка городов, в противном случае рассчитывать на комплексное понимание картины не приходится.

Важным примером является экспедиция во Флоренцию, в ходе которой было очень сложно понять всю систему. Сегодня благодаря последующим («постфлорентийским») экспедициям получены важные данные, которые позволят повторно исследовать Флоренцию. Некоторые загадки Флоренции стали понятны, благодаря сопоставительному анализу флорентийской экспедиции с экспедицией в Хорватию. Во Флоренции научное исследование зашло в тупик, потому что методы, которые использовал Экспедиционный корпус не сработали. Но экспедиция в Хорватию дала возможность пересмотреть архив фотографий флорентийской экспедиции и сделать иные выводы. Данный практический пример ещё раз демонстрирует необходимость и важность исследовательской фотографии в работе ученых.

После экспедиции в Северную Хорватию академик Олег Мальцев планирует вернуться к данным флорентийской экспедиции, учитывая результаты двух исследований в Хорватии. Ученый предполагает, что в этот раз удастся проникнуть в глубину системы Флоренции. Именно этот шаг и является проверкой научных данных. Поскольку Флоренция граничит с территориями Венецианской цивилизации, соответственно, эта социально-культурная среда подверглась серьезному влиянию соседствующей Венеции. Соответственно, можно рассмотреть Флоренцию с точки зрения венецианского подхода. Также заслуживают особенного внимания изучение криминального город Лукка и рыцарский город Сиена в Италии.

В практике любого исследователя может возникнуть такая ситуация, при которой некую территорию или город не удалось «сразить и понять» с первого раза. Однако новые экспедиции и полученные данные в других городах могут дать ключ к закрытым «старым замкам». Так и произошло во время экспедиции в Тоскане. «Вскрыть» Флоренцию с первого раза не удалось, но результаты исследований в Хорватии дали возможность посмотреть на Флоренцию совершенно по-иному.

Исследователю не всегда удается получить те данные, на которые он изначально рассчитывает. Каждый раз, отправляясь в экспедицию, исследователь не представляет, какие данные он получит.

Данный пример также свидетельствует о том, что последовательность городов и территорий тоже имеет значение. Вероятно, чтобы проникнуть в тайны Флорентийского региона, изначально требовалось изучить следы Венецианской цивилизации на другом берегу Адриатического моря, в Хорватии. Дело в том, что во Флоренции, как будто специально, стёрты и запутаны все следы подлинной истории. Тем не менее, Хорватия дала ответы на важные вопросы, связанные с механизмами и технологиями. Никто не предполагал, что Хорватия окажется таким кладезем данных о Венецианской цивилизации. Даже учитывая тот факт, что учёный Олег Мальцев уже много лет исследует Венецианскую цивилизацию, побывав в Хорватии, удалось открыть очень много нового. Каждая повторная экспедиция в один и тот же регион открывает новую глубину исследования.

Первая экспедиция в Хорватию подтвердила, что Венецианская цивилизация не ограничивается островом Венеция, как многие ошибочно полагают. Оплот венецианской цивилизации — это владычество, контроль и управление территориями.

Подготовка и проведение исследования.

Подготовка к исследованию состоит из пяти ключевых блоков:

1. Стратегия исследования. Следует четко понимать направление, в котором вы реализуете научное исследование.
2. Тактика исследования; как вы собираетесь это сделать.
3. Люди, прошедшие специальную подготовку.
4. Техника и оборудование, которое позволяет решить поставленную задачу (не каждая техника может подойти для конкретной работы).
5. Условия, которые необходимо создать.

Двигаться следует от прикладного аспекта к теоретизации, а не наоборот.

До тех пор, пока исследователь не осмыслил прикладной аспект, теоретизировать нет смысла. Исследования всегда венчает прикладной аспект, т.е., практическая конфигурация по использованию полученных данных (например, технологии). Это и будет ответ на вопрос «Зачем проводится исследование?»

Теоретизация без прикладного аспекта может привести вас к тому, что исследование окажется никому не нужным, бесперспективным и оно не будет иметь практической пользы. Беспольные исследования неинтересны и непривлекательны, более того, их не финансируют. К сожалению, таких исследований сегодня подавляющее большинство. «Исследование ради исследования» никому не нужно.

Часто допускаемая ошибка: движение от теоретизации к придумыванию прикладного аспекта.

Рекомендация в данном случае такова: сначала — осмыслить прикладной аспект, а затем уже на основании этого понимания проводить исследование. Важно уметь прогнозировать и предвидеть, во что, в какие продукты, в перспективе превратится исследование, какую практическую пользу оно принесёт человечеству. Если результаты, которые вы прогнозируете, вам по душе, в таком случае можно смело проводить исследование. В противном случае — смысла нет.

Выводы: Текущие исследования Экспедиционного корпуса под руководством академика УАН, доктора философии Олега Мальцева выступают основой формирования научной дисциплины «психология ущербности» и психологии степеней.

Психология степеней в 21 веке представляет огромный интерес и актуальность, в частности, и по той причине, что этот свод практических данных позволяет разрешить сложнейшую задачу подготовки умелых специалистов и экспертов, способных разрешать задачи различных уровней и категорий сложности в заданные сроки. Так, согласно требованиям социума и динамично изменяющейся среды самое важное — это востребованность конкретной личности. Академик Григорий Семёнович Попов говорил, что *вся проблема эффективности и результативности человека заключается в скорости обучения*. С другой стороны, академик также указывал на такой важный параметр как «длительность подготовки». Представленные исследования позволят получить не только технологию подготовки людей, но и управлять скоростью подготовки.

Триада психологических категорий «рефлекс-инстинкт-побуждение» послужила плацдармом фокусирования научного внимания вокруг такой «собирающей» категории, как бессознательное. Однако изучение исключительно этой категории не позволило до сих пор основательно продвинуться в разрешении практических запросов человека. Откровенно говоря, в психологии до сих пор не существует единства мнений даже относительно фундаментальных категорий — одних только определений психики существует более 200. Что и говорить о моделях психики и психологических процессов: они различны, в большей степени описательны и нередко противоречат друг другу. Бесспорно, психологическая дисциплина — исследовательская и постановка вопросов, выдвижение гипотез, экспериментирование — эти и многие другие аспекты совершенно естественны и актуальны.

Однако лучше смотреть в лицо объективности, чем поражениям. Если в течение нескольких столетий вопросы как были открытыми и таковыми остаются, следовательно, требуется изменение похода. Ни в коем случае не отказ от прежних открытий или наработок; напротив, важен объективный анализ итогов и результатов и формирование нового эффективного курса в пользу изучения такой категории в психологии, которая напрямую определит и поспособствует реализации задач, стоящих перед Психологией. И таковой центральной категорией, «камнем преткновения» людей по праву можно назвать Ущербность.

Глубинная психология, которая остановилась в исследовательском поле на анализе побуждений, к сожалению, не отражает в полной мере психологии личности — целостного конструкта. Бесспорно, научная работа, которую проделали наши предшественники, описавшие инстинкты, рефлексy, побуждения — очень важна. Тем не менее, этим классифицирующие критерии личности не ограничиваются. **Главным классифицирующим критерием личности выступает ущербность.**

Соответственно, возникает логичный вопрос: что «делать» с ущербностью? Особенно учитывая тот факт, что человек, вступая во взрослую жизнь (18–21 год), уже имеет свою форму ущербности. Пожалуй, только с этого момента человек начинает осознанно задумываться, как поступать с собственной ущербностью, как работать над собой. Современное общество, как среда воспитания, также не разрешает вопросы нивелирования ущербности. Человек- «калека», невоспитанный и необученный — ущербен, одним словом. Современная психологическая наука пришла в тупик, будучи не в состоянии ответить на многие вопросы. Причина тому — остановка исследовательской деятельности на стадии исследования категории «побуждений».

В «Институте Памяти» и НИИ «Международное судьбоаналитическое сообщество» под руководством учёного Олега Мальцева начаты масштабные исследования в области глубинной психологии, что, по сути, возобновило исследовательскую деятельность в психологии. В 2020 году была введена новая исследовательская категория в психологии — «ущербность», которая в современной исследовательской деятельности выступает главной научной категорией.

С точки зрения научных перспектив, теперь учёным предстоит комплексно исследовать категорию «ущербности» и психологию степеней. Непосредственно на разрешение этих задач направлена научная работа Экспедиционного корпуса по всему миру. Это позволит совершить следующий шаг в формировании прикладной академической психологии.

ГЛАВА 15

ГОРОД КАК УЧЕБНАЯ АУДИТОРИЯ

Тема, о которой пойдет речь в данной главе, затрагивает крайне сложную философскую проблему — проблему формирования личности.

Для начала предлагается некоторое рассуждение: итак, в самом разгаре 21 век — век уникальных возможностей, активно развивающихся технологий, время переосмысления ценностей и появления новых ориентиров. Однако, всё это вовне; а что же касательно самого человека? К чему он сегодня стремится?

Вопрос стремлений — не просто какая-то абстрактная категория. То, к чему стремится человек, формирует определённое отношение к нему со стороны окружающих. Однако именно на этом простом с виду этапе — ответа самому себе на вопрос «К чему я стремлюсь?» — словно антиматерия раскрывает свои объятия и начинает поглощать стройные мысли и суждения, нивелируя их до уровня пустоты. Чаще всего более 80% людей в возрасте от 25 до 45 лет не могут четко сформулировать ответ о собственных стремлениях; описываемое желанное будущее выглядит не как завершенная картина, но как хаос красок, сражающихся на поле творческого полета без идеи и смысла. Нередки даже такие высказывания: «Будущее? Это очень абстрактно! Не спрашивайте меня, что будет или что делать через 5 или 10 лет... тут бы до конца года дотянуть... а что дальше станется — вообще неизвестно, всё слишком шатко, чтоб на что-то опираться и как-то планировать».

Собственно, напрашивается следующий вопрос: *а к чему должен стремиться человек? Или к чему ему стоит стремиться?* И что любопытно: в подавляющем большинстве члены социума, в принципе, стремятся в некое состояние. Другими словами, они стремятся не «к чему-то», а «во что-то», и это «что-то» может приобретать разные названия. Остановимся на этом несколько подробнее.

Так, культурно-религиозные и религиозно-философские учения предлагают человеку некое состояние, в которое ему надлежит стремиться. Например, есть люди, которые стремятся в состояние нирваны. Зачем они туда стремятся, они обычно и сами не знают (а порой и спросить не у кого). Мало кто задаётся вопросом «*Что будет или что произойдёт, когда я достигну состояния нирваны?*», но при этом, даже по факту отсутствия понимания, что есть «нирвана» и каков конечный итог это стремления, всё равно миллионы людей стремятся в это *состояние* всю свою сознательную жизнь.

Другая, не менее многочисленная категория лиц, стремится в состояние богатства. Богатый человек — это именно определённое состояние. В жизни так и говорят: «Ему досталось *огромное состояние* в виде таких-то материальных благ». Но дело в том, что пока люди стремятся заработать все деньги мира, купить побольше недвижимости, они совершенно не задумываются о том, что произойдёт (или начнёт происходить), когда богатство желанное окажется в кармане. Редкий гений искренне задумывается, что будет происходить, когда на его счетах появятся миллионы долларов. Например, у всемирно известного чемпиона мира по боксу в тяжёлом весе — у Майка Тайсона — на счетах были миллиарды (!) долларов, но «задержаться» на миллиардах на счетах железного Майка не довелось: спустя каких-то пару лет благодаря некоторым «хорошим людям» и его «любимой» первой жене Робин Гивенс всех этих богатств... просто не стало! Так, можно

сделать вывод, что богатство — это *временное состояние*. Может быть, кто-то даже собирается стремиться к состоянию богатства всю свою жизнь и за мгновение до смерти наконец-то разбогатеть, но так и не успеть им воспользоваться. Не кажется ли это абсурдом? И вообще, редко где учат и поясняют, что умение зарабатывать деньги — это навык, который человек может обрести (и это вполне реализуемо каждым), вместо того, чтобы всю жизнь стремиться к иллюзорному, непостоянному состоянию богатства.

Следующая категория стремящихся людей на планете Земля называется «христиане». Согласно догматике христианства, людям надлежит стремиться в состояние богоподобия. Зачем? Никто не знает, поскольку также отсутствует аргументированный и чёткий ответ на вопрос, *что станет происходить // что будет после того, как человек станет богоподобным*.

К сравнению, обратимся к исторической справке. К примеру, у викингов существует воинский ранг «Барсек». Барсек — это воин, которого охраняют боги; стремление в состояние неуязвимости для воина абсолютно естественно и понятно.

Рассмотрев несколько религиозно-философских концепций, мы могли бы прийти к выводу, что в большинстве случаев, таковые концепции предлагают человеку стремиться в какое-то состояние, совсем не объясняя, зачем это нужно и что будет после его достижения.

И опять-таки, обратимся к системам, проверенным историей на предмет эффективности. Европейский мистицизм, будучи стройной и комплексной системой, даёт самую точную концепцию того, к чему необходимо стремиться: исто категория «Гюль-Голь», что означает «будь, как Бог».

Европейский мистицизм — изначальная протонаука, которая позволяет человеку, во-первых, выживать, во-вторых, справляться с задачами (поэтому она ещё называется «наука выполнения задач»), безбедно существовать; иным личностям — достигать триумфа, подниматься на недостижимые вершины; а для ещё меньшего числа людей данные знания позволяли обрести власть над собой и над иными людьми — власть вершить судьбы.

На пути к власти человек становится тем, кто живёт «как Бог». Зачем быть, как Бог? Вопрос разве не риторический? Существуют мириады причин быть, как Бог. Бог всемогущ, вездесущ и бессмертен. У Бога все есть, Он может все, а с Ним никто ничего не может сделать. Самое главное — это даёт состояние абсолютной свободы, независимости и неуязвимости. Бог всем нужен, и человеку крайне важно быть нужным и востребованным.

Гюль-Голь стоит обособленно от всех остальных концепций, потому что здесь человек стремится «к» (к чему-то), вместо «в» (во что-то).

Стремление «к» власти порождает состояние Гюль-Голь — в этом состоит ключевое и кардинальное отличие европейского мистицизма от всех других доктрин и концепций. Именно это состояние изучала Карен Хорни в невротическом стремлении к власти, и Эрих Фромм в человеческой деструктивности во власти, но альтернативу исследователи не предложили.

Большинство концепций стремлений подразумевают достижение некоего состояния; в концепции Европейского мистицизма стремление к власти порождает состояние Гюль-Голь. В этом заключается ключевое отличие Европейского мистицизма от прочих доктрин и концепций.

Стремление к власти — это стремление к состоянию Бога. Все люди без исключения бессознательно стремятся в это состояние. В противном случае, на Земле не разгорались бы конфликты. Природа конфликта, будь то между двумя индивидами, или между двумя народами, в человеческом стремлении к власти над другими.

Дело в том, что многие люди бессознательно стремятся к власти над другими. Если бы это было не так, в мире не возникало бы конфликтов между людьми, государствами и целыми народами. Может показаться, что человек, который стал президентом или занял какое-то место в политике, получил власть, но в 99 случаях из 100 — это не так. Эти люди (президенты, политики, чиновники и пр.) просто поставлены временно исполнять обязанности. Они — как личности — не стали лучше или сильнее. В европейском мистицизме всё иначе: *человек шаг за шагом на пути к власти становится абсолютно результативной личностью, которая может всё, при этом, не имея ничего.* Как и Богу всё принадлежит, но при этом Бог ни у кого ничего не отбирает, а благосклонно позволяет всем этим пользоваться, как весьма гостеприимный хозяин, который пригласил в свой дом и сказал: «Чувствуй себя как дома. Все моё — твоё». Так жили и вели себя «старики» — знатоки и практики европейского мистицизма, такие как Генри

Форд, Эндрю Карнеги и другие. Они считали, что чем выше человек поднимается на ступень власти, тем лучше он должен становиться. Такими историческими фигурами были Ричард Львиное Сердце в Британии, Карл V в Испании. Они были эталонами для своего народа. Что весьма важно: в европейском мистицизме стремление к власти — это движение к эталону. *Бог и есть эталон.* В этом заключается разница между концепцией европейского мистицизма (Гюль-Голь) и прочими концепциями, догмами и парадигмами.

Важно: когда человек выбирает для себя пример или объект стремления, он должен понимать, что с ним произойдет впоследствии, когда он добьётся состояния объекта стремления.

В доктрине Европейского мистицизма движение к власти — это движение к состоянию эталона (что не присуще другим концепциям). К тому же Гюль-Голь не отвергает богатства или славы.

Тюль-Тюль, г. Одесса.

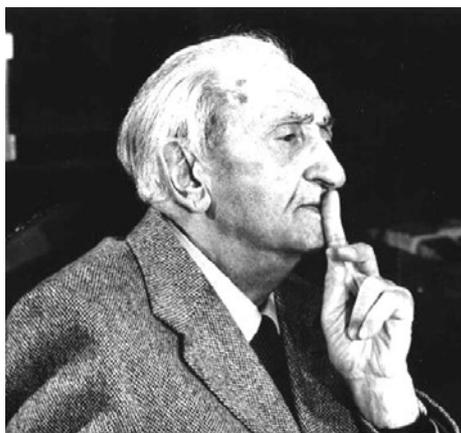
Далее от истории обратимся к прочим научным дисциплинам (антропология, социология, философия и психология), которые так или иначе рассматривали путь развития человека, его становления как личности. В ключе психологии предлагается рассмотреть, какие существуют теории личности. В мире сегодня известны две теории личности: теория Германа Роршаха и теория Липота Сонди.

Теория личности Роршаха и созданный им тест под названием «пятна Роршаха» являются достаточно непростым инструментом, которым большинство психологов предпочитают не пользоваться. Фактически, экспертов, которые используют тест Роршаха в своей работе; в частности, теория личности Г. Роршаха практически неизвестна на территории русскоговорящего пространства.

Теория личности Роршаха (предоставляется короткое описание популярным языком) заключается в том, что могущество, власть, достаток, выставленные напоказ, явно доставят человеку огромное количество неприятностей и разочарований в жизни. Поэтому Роршах полагал, что важно «создать» две личности: социальную и тайную. У социальной личности должно быть «все как у всех» или, может, немного больше: при такой конфигурации ей практически никто не станет завидовать. А тайная личность может иметь все, что ей заблагорассудится, главное, чтобы об этом никто не знал. Помните такую поговорку: «Богатство любит тишину?» Впрочем, к сожалению, такой подход рано или поздно приведёт человека в состояние одиночества. Но такой подход, в конечном итоге, ведёт человека к одиночеству. Пример персонажа, который выбрал такой путь — это Зорро. В социальной среде он вынужден скрывать свою истинную натуру и образ жизни (днём Зорро был дворянином, а ночью — разбойником). Соответственно, данная концепция сохранившаяся и в других мифологемах, известна человечеству с давних времён.

Герман Роршах

Леопольд Сонди

Помимо теории личности Германа Роршаха в психологии представлена и вторая теория личности, разработанная учёным венгерского происхождения, судьбоаналитиком, одним из мэтров-основателей глубинной психологии — Липотом (Леопольдом) Сонди. Теория личности Сонди заключается в достижении состояния Pontifex Oppositorum — это уровень знаменует появление «мудрого, сильного и одинокого «Я». Pontifex Oppositorum — это высшая форма жреческого «Я», способного объединять все противоположности (дух — материя; мужское — женское; этот мир — мир потусторонний и пр.). *Тот, кто способен по собственной воле, беспрепятственно, всегда прогнозируемо добиваться результатов, и есть Pontifex Oppositorum.* Суть теории в том, чтобы занять собственное место в иерархии и трудиться на благо иерархии и себя, осознанно поднимаясь вверх по ступеням власти.

В конце концов, что также описывает теория Сонди, человек также придет в состояние одиночества.

Необходимо отметить, что подход Сонди весьма близок к концепции Гюль-Голь. Роршах и Сонди, разработав две теории личности в начале 20 века, предложили наилучшую альтернативу тому, что существовало в мире на тот момент времени. Безусловно, может возникнуть логичный вопрос: а почему обе теории ведут человека в состояние одиночества? Ответ прост: *потому что Бог один.*

Теория личности Сонди, в частности, подробно описана учёным Мальцевым О. В. в книге «Философия Л. Сонди» и научной монографии «Философия Юга Италии». Что же касается теории Роршаха, то в данном случае все гораздо сложнее, поскольку как учёным, так и интересующимся, прежде чем рассуждать и анализировать наследие Германа Роршаха, придётся хорошенько поискать его труды (подсказка: лучше сразу искать на немецком языке, то есть, исходники).

Можно сказать, что теория Роршаха снискала наибольшую популярность в наше время, когда для социума выставляется добропорядочная личность, а тайная сторона скрывает «скелеты в шкафу», богатства и даже преступления. Концепция личности Л. Сонди больше популярна в криминальном мире. Таким образом, мир породил два типа людей, согласно двум теориям личности.

На этом, впрочем, теории личности «не заканчиваются»: помимо двух описанных ранее теорий, существует ещё две.

Символ Бога в Европейском мистицизме. Венеция.

Человек — символ города

Третья теория личности — теория городов.

Ядро третьей теории можно простым способом описать так: строится город, в который закладывается невидимый комплексный механизм, создающий (выковывающий // воспитывающий) личность по заданным параметрам, набор которых определяется ещё до строительства города. Причём это воспитание как продукт тренировочной программы происходит бессознательно для самого резидента города. Иными словами, город, как резец, вытачивает личность, которая пригодна для определенных задач. При этом в город заложены все уровни воспитания личности: от антропологического до символического. Именно благодаря этому «невидимому резцу городов как учебных аудиторий» человек даже может стать символом города, например, как Мишка Япончик в Одессе.

Но существует еще одна теория личности, четвертая и самая древняя из всех вышеописанных — теория испытаний. Яркое представление об этой теории личности дает радиоспектакль «Молитва», созданный на основе рассказа Олега Мальцева. Согласно этой теории, личность вытачивает резец испытаний. Стремление к власти через сознательные испытания, что делает человека сверхчеловеком и дает ему право руководить другими людьми. Вспомните старые русские сказки, все они повествуют о главных героях, которые мужественно проходили через испытания посредством своего ума, смекалки, колдовства, волшебных предметов или помощников. Мировая мифология тоже изобилует именно формированием личности через испытания.

Четвертая теория личности — теория испытаний

Реализация стремления к власти происходит через сознательные испытания, превращающих человека в сверхчеловека, что и даёт ему впоследствии право руководить и управлять другими людьми. Испытания — это то, что формирует личность в сжатые промежутки времени, очень быстро.

Весьма многогранно эта древняя теория отображена в мировой мифологии и сказках, которые изобилуют различными испытаниями в виде разгадывания ребусов (загадок) или прохождения порой ужасающих препятствий (например, попробуйте победить дракона).

Далее обратимся к системе построения организации и категориям людей в иерархии этой системы и сопоставим их с известными теориями личности:

- Такие люди, как «однопроцентники», появляются благодаря четвертой теории личности, то есть теории испытаний.
- Как возникают «Двойки» описывает теория личности Г. Роршаха.
- Как возникают «Своры» демонстрирует теория личности Л. Сонди.

- Заготовки для этих категорий людей возникают в среде города (третья теория личности).

Таким образом, мы одновременно имеем дело с четырьмя философскими теориями. Более того, каждый человек сам выбирает, с какого уровня он будет стартовать и как далеко собирается продвинуться. Он может принять концепцию Л. Сонди, присоединиться к некоей группе и стать в ней авторитетом. Он может выбрать теорию личности Г. Роршаха и взаимодействовать с кем-то в паре. Выбрав теорию испытаний, он может стать «однопроцентником».

В подавляющем большинстве случаев, человек бессознательно выбирает путь формирования своей личности. И только в случае «однопроцентников», человек делает этот выбор сознательно, он сам принимает на себя обязательства пройти определенные испытания.

Наглядным примером в данном случае мог бы выступить кинофильм «На гребне волны» (2015 г.). Герои фильма спортсмены-экстремалы пытаются реализовать концепцию Оно Азаки, состоящую из 8 испытаний. В фильме это смотрится интересно и захватывающе, однако, если перенести данные идеи в жизнь, то любой член спецназа с точки зрения подготовки окажется на голову выше этих спортсменов. Дело в том, что подготовка спецназа непосредственно подразумевает экстремальное многоборье. Конечно, спортсменам никто не мешает выполнять трюки, но спецназу в ходе подготовки намеренно создают особые препятствия. Представьте себе, что вам предстоит не просто спуститься по отвесному склону на сноуборде, но и сделать это под огнем пулеметов. У спецназа трюки — это только путь реализации задачи, главное «не трюк сделать», а выполнить задачу.

Система испытаний очень быстро формирует личность.

Итак, резюмируем. Из четырех философских теорий только четвертую человек может выбрать осознанно и принять на себя обязательства пройти определенные испытания. Конечно же, всегда есть и иной ход: в частности, бессознательно положиться на одну из трёх концепций. Теория Сонди позволит стать частью какой-то группы и добиться в ней определённого авторитета. Теория Роршаха, например, позволит усеяно взаимодействовать с кем-то в паре, при этом человек всегда будет стоять обособленно от всех. Город, в котором человек живёт, вытаскивает из него некую особенную личность, однако, чаще всего даже самому человеку неизвестно, какую именно и почему «всё получилось так, а не иначе». По сути, таков выбор человека — сознательный либо бессознательный.

Каждый человек сам волен выбирает теорию, которая ему в подспорье; соответственно, это определит его место в общественной иерархии. Единственное, что не может выбрать человек — это город, в котором он рождается. Потому «заготовка», которая вытаскивается условиями городской среды, для человека неизвестна (неизвестны категории и параметры исходных данных затачиваемой личности). Для человека неизвестный замысел основателей города является первым препятствием на пути к власти, потому что неизвестно в итоге, что из него к осознанному возрасту «воспитает резец города» и в какую заготовку он превратится. Единственное, что может переточить заготовку — это четвертая теория личности, то есть осознанные испытания.

Исходя из вышеизложенного, следует, что *ничего не делает человека достойным власти, кроме четвертой теории личности*. В то же время теория городов выступает важным инструментом в руках человека для обучения и обретения навыков. Она позволяет сориентироваться, как и где лучше всего проходить испытания, чтобы сформировать личность по тем параметрам умений и качеств, к которым человек стремится.

В одном и том же месте все испытания пройти нельзя, ничего не выйдет. Например, если стоит задача стать бизнесменом, лучше Калабрии для тренировки не найти, поскольку именно в этом южноитальянском регионе сосредоточены все испытания, «ретрансформирующие» человека в бизнесмена. Канарские острова выступают прекрасной средой для воспитания фехтовальщика. Не следует путать описываемое с привычными для большинства людей путешествиями. В путешествии люди, наоборот, стараются избежать всяческих испытаний. В данном случае речь идет о городе как учебной аудитории и его роли в воспитании личности.

Система испытаний — это рыцарская система. Доктрина Европейского мистицизма определяет воспитание личности посредством прохождения испытаний. Прежде чем называться «рыцарем», требуется пройти испытания. Через какие испытания должен пройти рыцарь на Юге Италии, описано в книге «История одного Святого» О. В. Мальцева. У женщин — одни испытания, у мужчин — другие, однако сам подход осознанных испытаний формирует личность стремительно, в короткие сроки.

В зависимости от конечного итога относительно уровня подготовки личности (диапазон умений и уровень знаний), потребуются организовать различные испытания; места, соответственно, также будут разными. В одной среде пройти все испытания не получится. Безусловно, без предварительных тренировок невозможно пройти все испытания, поэтому к задачам такого уровня важно подходить ответственно и основательно.

Четвертая теория личности свойственна только специальным учреждениям. Нужен конструктор этой системы, специальные знания, методики отбора и подготовки людей, хорошие организаторы и инструктора. Поэтому теория испытаний не получила такого распространения, как теория личности Г. Роршаха, теория Л. Сонди и теория городов.

В завершение важно отметить, что путешествия по миру не вытачивают сильную личность. Так, путешествия связаны с желанием избежать испытания.

Сверхзадача воспитывает личность и запускает череду испытаний.

Ученым, академиком УАН Мальцевым Олегом Викторовичем была создана универсальная и уникальная структура в виде Экспедиционного корпуса, которая позволяет использовать испытания в качестве резца, что дает возможность в кратчайшие сроки воспитать любую личность. Больше никто в мире не обладает подобного рода структурой и на данный момент, больше ни у кого в мире нет возможности создать машину, которая могла бы управляемо воспитать абсолютно любую личность. Весьма логично заметить, что создание такой системы требует прежде особых знаний (в том числе, конструкторских), а ещё должен «появиться кто-то», кто возьмет на себя ответственность, организует и профинансирует таковой проект. *Совокупные требования, уровень знаний и ответственности делают невозможным для среднестатистического человека использовать данный метод. Соответственно, три теории — теории личности Роршаха и Сонди и теория городов, — единственное, что фактически может использовать человек в современном обществе 21 столетия.*

Венеция, пр. Сан Марко

Западная

Украина

Храм Архангела Михаила,
Юр-Калабруш, Италия.

Замок Эльз, Германия.

• ЗАМОК ТОМАР, Португалия.
→ Главная резиденция ордена Иисуса Христа.

ГЛАВА 16

КОМПЛЕКСНЫЕ ВЫВОДЫ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ

Монографический труд «Невидимый Ангел» или что фотографировать» задумывалась как первый учебник по экспедиционной работе и визуальным исследованиям с использованием фотоаппарата. Соответственно, исследователю книга предоставляет к анализу значительный объем данных, методик и подходов, которые позволят реализовать научные задачи в прикладные результаты собственного исследования.

О полевых методиках Экспедиционного корпуса планируется написание отдельного учебника.

Каждая глава представленной книги содержит выводы, напрямую способствующие обучению молодого исследователя научно-исследовательской работе и приобретению навыков разрешения научных задач; дает представление, что требуется знать и уметь, чтобы получать качественную информацию исследовательского характера; предостерегает от ошибок и ловушек.

Визуальные полевые исследования и метод научного расследования выступают первичными превалирующими по точности и эффективности над прочими методами и подходами современной прикладной науки.

Парадоксально, но факт: в 21 веке в научном сообществе на Западе активно ведутся споры о том, какие науки и дисциплины можно считать науками, а какие из них являются «околонаучными направлениями». Немало американских и европейских учёных убеждены, что исключительно точные науки являются науками, а гуманитарные — это околонаучные направления. На деле, по мнению авторов данной книги, точные науки не могут существовать без гуманитарных. В частности, полезно задаться вопросом: что будут «считать и измерять» точные науки в условиях, когда гуманитарные науки не станут «выполнять своих прямых задач», как-то: формулировать объект, предмет, ключевые направления развития человека, общества, цивилизации, определить актуальный и перспективный социальный запрос точным наукам для последующих разработок, что и определяет прогресс и развитие?

Именно гуманитарные науки создают предмет исследования для точных наук. Приведем пример. Так, чтобы построить храм, потребуются знания в области физики, математики, химии, сопротивления материалов и других точных наук. Однако изначально должна возникнуть необходимость в самом храме, сначала должна появиться некая трансцендентная идея — замысел строения, затем идея храма, художественный эскиз храма и только впоследствии возникнет необходимость в проведении точных расчетов. Ещё один пример: чтобы ученые и конструкторы смогли спроектировать и создать подводную лодку, прежде такому мыслителю и деятелю как Жюль Верну потребовалось написать фантастический роман о капитане Немо и о его таинственном подводном судне. Далее у кого-то возникла идея воплощения этого вымысла в жизнь, затем начались разработки научных теорий создания подводного флота, эскизы моделей подводного судна и только следующим тактом выступил этап учёных работы в конструкторском бюро, на котором и «включился» аппарат точных наук.

Соответственно, философия, психология, антропология, социология и прочие гуманитарные науки создают новые перспективные направления научных изысканий, осмысливают плоскости инноваций и разработок для точных наук, указывают и выявляют вектора нерешённых задач, неизвестных категорий, в том числе, определяемых запросами и вызовами внешней среды, которая всегда динамична и неоднородна. Точные науки без гуманитарных не существуют, и как только исчезнут гуманитарные науки, пропадёт необходимость в точных науках.

Данная книга, в том числе, создает методологические предпосылки разработки третьей теории личности, связанной с исследованием городов. Сегодня без качественных визуальных методов не представляется возможным проводить какие-либо иные исследования (особенно междисциплинарного плана). Опора науки на письменные источники и документы весьма сомнительна. Как свидетельствует международная восьмилетняя практика Экспедиционного корпуса, научной группе, пребывая на фактическое место исследуемых событий или с целью изучения некоего объекта, нередко доводилось констатировать, что действительность совершенно не соответствует заявленному в письменном источнике.

Такой научный итог, в частности, свойственен исследованиям Экспедиционного корпуса в Одесской области Украины. Считается, что на территории Украины с незапамятных времен главенствует православие. Неоднократные поездки по Одесской области позволили аргументировать, что на данной территории нет ни одного православного храма, датированного хотя бы 19-м веком. Все православные храмы построены в 20-м веке. Зато были обнаружены древние храмы и соборы, к сожалению, в полуразрушенном состоянии, которые относятся к европейской рыцарской традиции и еврейским синагогам.

К сожалению, сегодня в академическом сообществе отдельные представители все чаще руководствуются принципом: *«Чем больше факты противоречат науке, тем хуже фактам»*. Тем не менее, частное мнение и научные требования — это различные и несопоставимые категории. **Так, наука должна стоять, опираясь на факты, а научные исследования призваны выявлять факты.** Исследования Экспедиционного корпуса на территории Украины позволили доказать, что ряд общепринятых суждений и стереотипов, именуемых в ряде источников «фактами», не соответствуют классической истории. Классическая версия идентичности украинского народа не выдерживает проверки и не находит объективных подтверждений. Локальная историческая версия в отрыве от всемирной комплексной картины также не работает. К сожалению, сегодня людям и даже многим учёным удобно думать так, как выгодно кому-то. А «выгода» и «действительность», как известно, не тождественные понятия.

Следовательно, вывод: данные, как в случае приведённого ранее примера, не выступают источником научной информации. Таковые суждения, выдающие желаемое за действительное — разновидность идеологии. По сути, мы являемся свидетелями того, как современная наука превратилась в идеологию. И нередко не просто в идеологию, которая предполагает теоретически обоснованную практическую деятельность, а просто в ситуативную политизацию в угоду временно приходящим политикам.

С другой стороны есть и положительные тенденции, которые радуют настоящих ученых — визуальные исследования набирают популярность не только в научных кругах, но и среди исследователей-энтузиастов. Становится всё больше и больше людей, которые желают и стремятся разобраться в разных вопросах и загадках.

С точки зрения авторов данной книги, этих людей важно, нужно и целесообразно вооружить научной методологией исследования, иначе их изыскания окажутся бесполезными.

Содержание этой книги позволит даже начинающим исследователям — тем, кто смело стал на собственный путь научных изысканий — подойти к своему исследованию профессионально, выбрать соответствующий подход, опираясь на проверенную и надёжную методологию, результативно провести и доказательно завершить научное исследование и тем самым внести неоспоримый вклад в науку.

АЛЕКСЕЙ САМСОНОВ

г. Синтра, Португалия

МАКСИМ
ЛЕПЕКИН

ОЛЕГ
МАЛЫШЕВ

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Джером Крейс. Видеть, как меняются города: Местная культура и класс. Городская антропология (Jerome Krase. Seeing Cities Change: Local Culture and Class. Urban Anthropology)
2. Петр Штомпка. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник
3. City as a Classroom conference. Collected Papers of the international practical and scientific conference
4. PALE-2020: Post-apocalyptic life era conference. Collected Papers of the international conference
5. Олег Мальцев, Виталий Лунев. Философия Юга Италии: монография
6. Олег Мальцев. Как меня заставили изучать психологию Европы или момент истины: монография
7. Максим Лепский, Олег Мальцев, Алексей Самсонов. Фотография как источник научной информации: монография
8. Олег Мальцев, Алексей Самсонов. Фоторепортаж: учебник по репортажной фотографии
9. Олег Мальцев. Тень европейского континента
10. Олег Мальцев. Компас судьбы
11. Олег Мальцев. Вековой обман
12. Олег Мальцев. Обманчивая тишина
13. Олег Мальцев. Мина замедленного действия
14. Олег Мальцев. Мой Бог Франческо Виллардита
15. Олег Мальцев. История одного Святого

Мальцев Олег Викторович

Академик УАН, доктор философии, руководитель Одесского регионального отделения УАН, член Американской психологической ассоциации, АПА (American Psychological Association, APA), почётным член Американской Ассоциации Философов (American Philosophy Association). Председатель Одесского фотографического общества, почётный член Психолого-Философского научного сообщества, Одесского Гуманитарного научного сообщества. Создатель и Руководитель Экспедиционного корпуса НИИ Памяти.

Проф. Максим Лепский

Доктор философских наук. Профессор, академик Украинской Академии наук. Профессор кафедры социологии факультета социологии и управления Запорожского национального университета, Украина. Председатель исследовательского комитета по социальному прогнозированию Социологической Ассоциации Украины.

Самсонов Алексей Викторович

Член-корреспондент УАН, член призидиума Одесского фотографического общества, почётный член Одесского Психолого—Философского сообщества, действительный член Экспедиционного корпуса НИИ Памяти, журналист и фоторедактор научно—популярного журнала «Экспедиция».